

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 1 (47) 2019

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Сулейманов А.А.** Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1950-е – 1970-е гг. 5
- Астахова И.С., Шадрин В.И.** Закон РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» как отражение эволюции регионального законодательства в сфере этнического местного самоуправления в постсоветский период.....16
- Котельникова Н.Н.** Молодежные субкультуры в медиаурбанистическом пространстве современного китайского города.....25

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Шарова А.Б.** Описание Голландии в географическом сочинении Утида Масао «Ёти сиракю».....33
- Матвеев В.А.** Толкование имен: «Бэмэй» как пример переосмысления категорий конфуцианской культуры в философии Огю Сория.....38
- Благодар Ю.Г.** Китай в годы Русско-японской войны (по страницам газеты «Кубанские областные ведомости»).....49
- Лапин П.А.** Школа иностранных языков (Исюэгуань) при Пекинском университете и преподавание в ней русского языка (1904–1911 гг.).....55
- Еланцева О.П., Ван Юе** Студенческие годы востоковеда М.И. Сладковского (по документам Дальневосточного университета 1924–1930 гг.).....66

ПЕРЕКРЕСТКИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

- Юрченко Е.С.** Проблема дипломатического признания независимости Финляндии в политике США (1917–1920 гг.).....74
- Тихий К.Т., Лихарев Д.В.** Положение советских политических заключенных в 1920-е гг. в оценках американских обозревателей.....86
- Еременко К.С.** «От колонии к нации и снова к колонии»: траектория национального развития Канады в дискурсе канадских интеллектуалов середины XX в. 92

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Поправко Е.А.** Революционная охрана Петрограда как орган советской власти в 1917–1919 гг. (по материалам биографии А.В. Хрулева).....97
- Колокольников И.А.** Музыкальная деятельность Иркутского областного радиокомитета в условиях идеологических установок (1946–1953 гг.).....103

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Долин В.А.** Конвергенция эссенциалистской и антиэссенциалистской традиций в современной философской антропологии.....111
- Балановский В.В.** Энергетизм Н.Я. Грота как способ преодоления метафизического и методологического дуализма.....121
- Аров Я.И.** Эпистемологический стиль русской поэзии 1920-х гг. (на материале творчества И.В. Юркова).....128
- Вовненко А.И.** О философах переулков. Размышления о романе А.М. Пятигорского.....135

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музея М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 29.03.2019. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 16,40. Уч.-изд. л. 15,34. Тираж 500 экз. Заказ
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: (423) 265-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 1 (47) 2019

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1

TABLE OF CONTENTS

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Suleymanov A.A.** The USSR Academy of Sciences and archaeological study of the Yakut Arctic, 1950s – 1970s.....5
- Astakhova I.S., Shadrin V.I.** The Law on the Sukutl of the Yukaghir People in Yakutia as a reflection of the evolution of the regional legislation in the field of ethnic local self-government in the post-Soviet era.....16
- Kotelnikova N.N.** Youth subcultures of a modern Chinese city in the context of urban communication studies.....25

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Sharova A.B.** The description of Holland in the geographical work «Yochi shiryaku» by Uchida Masao.....33
- Matvenko V.A.** Distinguishing names: Benmei as Confucian terminology reconstruction in Ogyū Sorai's thought.....38
- Blagoder Yu.G.** China during the Russo-Japanese War through the eyes of a local Russian newspaper.....49
- Lapin P.A.** School of Translation (Yixueguan) under Peking University and Russian language teaching, 1904–1911.....55
- Elantseva O.P., Wang Yue** Archival documents on the student years of Mikhail Sladkovsky in the Far Eastern University, 1924–1930.....66

CROSSROADS OF NORTH AMERICAN HISTORY

- Yurchenko E.S.** Recognition of Finland's independence in US policy, 1917–1920.....74
- Tikhiy K.T., Likharev D.V.** The situation of Soviet political prisoners in the 1920s in the assessment of American observers.....86
- Eremenko K.S.** «Colony-to-nation-to-colony»: Canada's national development in the discourse of Canadian intellectuals in the mid-XXth century.....92

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Popravko E.A.** The revolutionary guard of Petrograd as a body of Soviet authority in 1917–1919 (as reflected in A.V. Khrulev's biography).....97
- Kolokolnikov I.A.** The musical component in the work of Irkutsk regional radio committee under the ideological notions of 1946–1953.....103

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Dolin V.A.** The convergence of essentialist and anti-essentialist traditions in contemporary philosophical anthropology.....111
- Balanovskiy V.V.** Energetism of Nikolay Grot as a way to overcome metaphysical and methodological dualism.....121
- Arov Ya.I.** Epistemological style of Russian poetry of the 1920s (based on the works of Igor Yurkov).....128
- Vovnenko A.I.** Philosophers of small streets: reflections on the novel of Alexander Piatigorsky.....135

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Candidate of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: (423) 265-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 94 (571.56+902.03)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1/5-15

А.А. Сулейманов*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ ЯКУТИИ В 1950-е – 1970-е гг.

На основе анализа научной литературы и архивных материалов в статье реконструирована история проведения археологических исследований в арктических районах Якутии в 1950-е – 1970-е гг. Автором выявлены персональный состав и география реализованных инициатив, определены их основные направления, проанализирован вклад участников изысканий в аккумуляцию научных сведений об истории заселения региона и выявление археологических памятников в Заполярной Якутии.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, научные исследования, экспедиции, археологические культуры

The USSR Academy of Sciences and archaeological study of the Yakut Arctic, 1950s – 1970s. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Analyzing existing literature and archival materials, the article reconstructs the history of archaeological research in the arctic regions of Yakutia in the 1950s – 1970s. The author identifies the participants and routes of the main expeditions, estimates their contribution to the discovery of new archeological sites and the study of the history of human settlement in the Yakut Arctic.

Keywords: Arctic, Yakutia, USSR Academy of Sciences, research, expeditions, archaeological cultures

Расположенная за Северным полярным кругом арктическая зона Республики Саха (Якутия) включает 13 районов (улусов), которые занимают гигантскую площадь, сравнимую с территорией трех Франций (Рис. 1). Эти районы объединяет суровый даже по меркам Якутии климат, крайне неразвитая инфраструктура, состояние которой в том числе обуславливает необходимость использования специфического

и трудного механизма организации снабжения, называемого «Северным завозом». В недрах арктических районов хранятся богатейшие месторождения алмазов, углеводородов, благородных и редкоземельных металлов. Наконец, они являются местом традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера – носителей уникальных арктических культур: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, а также

---

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2019

Рис. 1. Карта арктических районов Якутии

сохранивших традиционный образ жизни русских старожилов. Все это, как представляется, позволяет рассматривать арктические районы Якутии в качестве особого, имеющего значительную специфику, ареала, который требует отдельного внимания ученых. Одним из проявлений этого внимания, безусловно, является интерес к изучению древнейшего прошлого данного региона, дающего возможность пролить свет на историю заселения Арктики человеком, пути его адаптации, этногенез аборигенных этнических сообществ и многое другое.

В данной статье предлагается рассмотреть деятельность археологов по изучению арктических районов Якутии в период становления в республике сети учреждений ведущего исследовательского центра страны – Академии наук СССР.

Предваряя краткий анализ опубликованных работ, имеющих отношение к обозначенной проблеме, необходимо отметить их главную особенность – все они были подготовлены не историками науки, а археологами. Данное обстоятельство, естественно, наложило серьезный отпечаток на ракурс и характер этих исследований. В целом же можно выделить три условных историографических блока. В рамках первого рассматривалась история отдельных инициатив, реализованных в арктических районах Якутии [2; 7; 13; 15 и др.]. Ко второму

блоку относятся изыскания, которые касались анализа крупных археологических проблем – истории палеолита, неолита и т.п. [1; 8; 12 и др.]. Следует отметить, что в обоих случаях речь зачастую идет о материалах, представленных авторами в качестве введения к описанию собственных полевых работ и характеризующих степень изученности того или иного вопроса. Наконец, третий условный историографический блок включает обобщающие исследования по истории археологии в республике. В первую очередь, речь идет о докторской диссертации Н.Д. Архипова «Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII – XX вв.)» [3]. В работе прослежена история развития археологического знания в Якутии, предложена ее авторская периодизация, выделены ключевые события. Вместе с тем, ее автор не рассматривал специально изыскания, осуществленные в арктических районах, и в принципе решал несколько иные задачи, касающиеся подведения итогов того, что было сделано археологами, определения «белых пятен» и лагун, на которые должны были быть направлены будущие исследования. Обзор историографии, таким образом, свидетельствует о том, что ранее не предпринималось попыток проанализировать и обобщить историю археологического изучения арктических районов Якутии в заявленный период. Между тем, представляется, что раз-

работка эффективных программ исследования региона возможна лишь на основе концептуализации и корректной интерпретации предшествующего опыта.

Этот опыт в арктических районах Якутии насчитывает уже более двух веков. В поле зрения ученых местные археологические памятники попали вскоре после организации систематических экспедиционных работ в Азиатской Арктике. Так, участник Северо-восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1793 гг. Г.А. Сарычев осуществил на севере Якутии изыскания, положившие, по мнению А.П. Окладникова, начало полярной археологии как науки [9, с. 17]. В 1787 г. этот исследователь обнаружил в 70 км к востоку от устья Колымы «обвалившиеся земляные юрты» и произвел их обследование [10, с. 17]. Любопытно, что И.Е. Зыков считает эти работы «первыми научными раскопками» в истории Якутии [6, с. 17]. Археологическое изучение современной территории республики, таким образом, по его мнению, началось именно с ее арктических районов.

Позапрошрое столетие также было отмечено отдельными и, как правило, случайными археологическими находками, сделанными в том числе за Северным полярным кругом. Определенный импульс этому процессу придало появление в Якутии в последней четверти XIX в. значительного числа образованных людей – политических ссыльных, ставших здесь по воле судьбы исследователями местной истории, культуры и языков коренных народов. Однако исследования древней истории Якутии продолжали носить спорадический характер вплоть до конца первой трети XX в.: единичные работы, которые все же имели место, проводились отдельными энтузиастами, а не специалистами-археологами [3, с. 27–41].

Первыми же профессиональными археологическими исследованиями в Якутии, затронувшими в том числе и арктические районы, стали работы участников Ленской историко-археологической экспедиции 1940–1946 гг. Экспедиция была организована Научно-исследовательским институтом языка и культуры (НИИ ИЯК) при Совнаркоме Якутской АССР и проводилась под руководством будущего академика А.П. Окладникова, приглашенного из Института истории материальной культуры Академии наук (АН) СССР. В 1942–1943 гг. исследователи осуществили изыскания в нижнем течении р. Лена, а в 1946 г. археологической рекогносцировке

подвергся бассейн р. Колымы, где были открыты стоянки Помазкино, Лабуя, Кресты Колымские [3, с. 43–45].

Однако проведенные А.П. Окладниковым изыскания свидетельствуют скорее о роли личности в истории, чем о начале систематического археологического изучения арктических районов Якутии. Последнее было крайне затруднительно без появления в республике исследовательского центра, укомплектованного соответствующими специалистами. В результате после отъезда А.П. Окладникова из Якутии в том же 1946 г. целенаправленные поиски стоянок древнего человека в арктических районах вновь прекратились.

В этом отношении мало помогло даже создание в республике первоначально Якутской базы (1947 г.), а затем Якутского филиала (ЯФ) Академии наук СССР (1949 г.), куда был передан НИИ ИЯК при СНК ЯАССР, получивший новое название – Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Несмотря на рост штатной численности сотрудников, в том числе за счет специалистов, приглашенных из центральных научно-исследовательских учреждений страны, в институте долгое время не было археологов.

В результате отдельные археологические изыскания, вызванные скорее находками местных жителей, чем целенаправленными научными поисками, были вынуждены проводить ученые, имеющие другой профиль исследований. Так, в 1952 г. этнограф И.С. Гурвич в ходе своих изысканий в низовьях Индигирки произвел археологические раскопки позднелитической стоянки человека на Татьянинном озере, которую обнаружил годом ранее директор Чокурдахской школы И.Т. Тирских. Кроме того, ученый осуществил разведку в местах старинных поселений, где располагались т. н. чандалы – деревянные жилища-полуземлянки, известные по работам путешественников и исследователей XVIII – начала XX вв. (Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, далее – РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247. Л. 70–71). Отдельные случайные находки делали также участники геологических экспедиций.

Лишь в 1959 г., после фактически тринадцатилетнего перерыва, на севере Якутии были проведены достаточно масштабные археологические изыскания. Эти работы осуществлялись участниками археологического отряда Юкагирской комплексной экспедиции (ЮКЭ), организованной ИЯЛИ ЯФ СО (институт к этому

времени вошел в состав созданного Сибирского отделения) АН СССР. В состав отряда входили: директор института, историк З.В. Гоголев, недавно принятая на работу молодой археолог С.А. Федосеева, а также топограф А.Г. Степанов и один рабочий, имя которого на данный момент, к сожалению, установить не удалось (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 356. Л. 2).

Перед специалистами стояли две основные задачи: проведение археологической разведки и раскопки ранее выявленных исторических памятников (могильники, поселения) в районах деятельности экспедиции – бассейнах рек Колыма и Индигирка (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 356. Л. 1–2). В течение экспедиции члены археологического отряда посетили Аллаиховский, Нижне – и Верхнеколымский районы. При этом специализированные археологические исследования ранее проводились только в последних двух А.П. Окладниковым, в Аллаиховском же районе подобные изыскания были организованы впервые.

В низовьях Колымы ученые выполнили рекогносцировочные исследования в окрестностях населенных пунктов Колымское, Андрюшкино, Походск и Нижние Кресты. В местности Старый город, где в XVII – XVIII вв. располагался Стадучинский острог, ими был составлен план этого исторического памятника, а в береговой осыпи найдены фрагменты вооружения и предметов быта. Кроме того, исследователи очистили оклады двух домов, вскрыли могилу XVIII в. и составили их описание (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 8, 133–134). В селах Андрюшкино и Походск участники отряда также ознакомились с современной техникой обработки камня, используемой юкагирами и чукчами при изготовлении скребков, и зафиксировали ее (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 22–24).

В конце июня – июле ученые работали в Аллаиховском районе. Основной целью отряда здесь были поиски в окрестностях села Полярное чандалов – древних деревянных жилищ-полуземлянок. Принадлежность данных сооружений к какой-либо древней культуре на тот момент вызывала вопросы. Хотя автор широко известной книги «Старинные люди у холодного океана» В.М. Зензинов без сомнений называл строителями чандалов древних юкагиров [5, с. 28].

Свою работу участники отряда начали с опроса местных жителей, который позволил выяснить места нахождения чандалов, а также

существующие предания об обитателях данных жилищ и их материальной культуре. По итогам опроса ученые приступили к обследованию сооружений. Им удалось обнаружить целые поселения, которые насчитывали до 40 чандалов, располагавшихся на возвышенностях по берегам мелких проток. Полной картины, включающей сведения о материальной культуре хозяев этих сооружений, археологам составить не удалось: почва ко времени изысканий оттаяла на глубину всего 15 см, а запаса времени и необходимого для таких условий инвентаря у исследователей не было [4, с. 92].

Основываясь на анализе исторических данных, рассказов местного населения и полученных при обследовании чандалов общих сведений, ученые пришли к выводу, что в этих сооружениях проживали «пешие», т. е. оседлые юкагиры, упоминавшиеся в документах XVII в. и исчезнувшие ко времени заселения края русскими (Архив РАН, далее – АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 11–14).

Другим важным результатом работы археологического отряда ЮКЭ в Аллаиховском районе стало открытие в 20 км от с. Ойотунг, расположенного в низовьях Индигирки, Бурулгинской стоянки неолитического человека. В ходе ее раскопок ученые обнаружили значительное количество каменного инвентаря (около 300 отщепов из сланца и халцедона, 8 скребков, 23 резца, 3 ножа и 36 наконечников стрел) и костного материала (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 10–14).

В Верхнеколымском районе была проведена археологическая разведка вблизи населенных пунктов Зырянка и Нелемное, а также по рекам Ясачная и Россоха. Здесь, как и ранее в ходе исследований А.П. Окладникова, археологи не обнаружили никаких следов древнейших культур человека. Одновременно, в юкагирских погребениях у поселка Нелемное они собрали краниологический материал – несколько черепов для последующего анализа их строения и сравнения с другими северными народами Советского Союза и аборигенами Северной Америки (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 8–9).

Несмотря на значительный фронт работ, проделанных участниками Юкагирской комплексной экспедиции, ее все же нельзя считать началом систематических археологических изысканий в арктических районах Якутии, так как после ее окончания вновь последовал период исследовательского «затишья».

Ситуация изменилась лишь после постепенного укомплектования штата ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР археологами и организации ими в 1964 г. ежегодной работы фундаментальной Приленской археологической экспедиции (ПАЭ). Исследователь истории развития археологического знания в Якутии Н.Д. Архипов считает это событие началом нового этапа в изучении освоения древним человеком данной территории [3, с. 72]. Бессменным руководителем ПАЭ, полевые исследования в рамках которой продолжались вплоть до конца первого десятилетия XXI в., являлся кандидат, а затем доктор исторических наук Ю.А. Мочанов.

Другим немаловажным фактором, как представляется, стало повышение транспортной доступности арктических районов Якутии, связанное с их активным транспортно-промышленным освоением в рассматриваемый период. Как отмечал по этому поводу И.С. Гурвич, «если раньше от Якутска до Верхоянска нужно было ехать два месяца, ... то теперь можно попасть ... за 2 часа» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 652. Л. 26).

Вместе с тем, первоначально изыскания участников ПАЭ были сконцентрированы в центральных, западных и южных районах Якутии. Арктические же районы продолжали в значительной мере оставаться «белым пятном» на археологической карте республики.

Первые исследования в рамках Приленской археологической экспедиции в Заполярной Якутии были проведены в 1968 г. В период со 2 июля до 10 августа археологическую разведку по реке Оленек от одноименного населенного пункта до села Таймылыр производили участники Оленекского отряда ПАЭ. В его состав входили: младший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР И.В. Константинов (руководитель), студенты Якутского госуниверситета Ф.И. Новгородов и Н.Н. Решетников. Общая протяженность маршрутов, преодоленных исследователями, главным образом на деревянной лодке, составила около 1400 км. Основной целью изысканий было выявление и картографирование древних памятников деятельности человека для определения «характера будущих работ». Участники отряда при этом, как правило, ограничивались осмотром береговых отложений без проведения земляных работ («за исключением редких шурфов») (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, далее – НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 1).

В ходе исследований были выявлены и нанесены на карту следы пребывания древних

людей в более чем 20 пунктах, 12 из которых получили достаточно подробное описание. Так, в ходе раскопок пяти шурфов на стоянке Оленек I, расположенной в черте современного административного центра Оленекского района, исследователи нашли сделанный из кремня неолитический инвентарь (2 наконечника стрел, наконечник копья, нож, 5 резцов, ступенчатое тесло, многочисленные отщепы и др.), на основании анализа которого осуществили ее датировку (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 2–16).

На стоянках Сенкю, Тирэхтээх, Абыналаах, Эсэгэлээх, Мэрчимдэн I, Нижне-Талоудская, Бороллуолаах, Керсюсе, Хотугуй Нойуо и Хорбусуонка I, а также в пункте Кюютинг участники отряда обнаружили около 30 фрагментов наконечников стрел, резцы, скребки, проколки, более 700 отщепов и 30 ножевидных пластин, 6 тесел, 37 нуклеусов, мотыгообразное орудие из рога северного оленя, 8 фрагментов керамики. Исследованные археологические памятники были отнесены к раннему, среднему и позднему неолиту, а также к бронзовому и раннему железному векам (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 16–59).

Подводя итоги проведенным изысканиям, И.В. Константинов отметил характерную для всех исследованных мест малочисленность культурных остатков, значительно менее богатых, чем «ленские, алданские и вилюйские». Данный факт ученый объяснил временным характером оленекских стоянок, обитателями которых были бродячие охотники. Этим же объяснялась и редкость обнаружения керамических изделий. Вместе с тем, по мнению И.В. Константинова, древние обитатели Оленека добились «больших успехов в обработке камня». В изготовлении орудий из этого материала они «достигли того же уровня, что и их соседи из других районов Якутии». Аналогичными большинству неолитических стоянок республики были и технические приемы производства керамики, используемые «оленекцами». На основании полученных сведений исследователь пришел к выводу о тесном контакте подвижного населения северо-западной Якутии эпохи неолита с Ленской культурной областью, а также о направлении заселения бассейна Оленека первобытными людьми, осуществлявшегося, по его мнению, с востока (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 59–62).

В 1970 г. участники ПАЭ проводили исследования в низовьях Колымы и на Малом Анюе.

При этом в бассейне последнего ранее никаких раскопок не проводилось и этот район, как отмечали Ю.А. Мочанов и С.П. Кистенев, оставался «белым пятном» на археологической карте Северо-Востока Азии, что «самым пагубным образом» влияло на возможность корреляции археологических памятников Якутии и Восточной Чукотки, а также определения границ распространения приленских культур (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7000. Л. 7). Исследователям удалось выявить 15 разновременных археологических памятников, самым древним из которых была признана отнесенная к палеолиту стоянка Майорыч [1, с. 92].

Как отмечалось выше, свой вклад в копилку археологического изучения Якутии вносили и геологи. Одним из ярких примеров этого является открытие в 1970 г. участниками экспедиции Геологического института ЯФ СО АН СССР во время размыва гидромойкой костеносного горизонта ставшего впоследствии знаменитым берелехского кладбища мамонтов.

В течение нескольких полевых сезонов, начиная с 1971 г., это место исследовалось отрядом ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова. Как отмечали участники изысканий, в процессе палеонтологических работ археологический памятник был сильно разрушен. Тем не менее, исследователям удалось обнаружить 127 каменных и 49 костяных обработанных древним человеком предметов, а также 1003 кости животных, являющихся, по их предположению, кухонными остатками [14, с. 52]. Более подробный анализ проведенных исследований, к сожалению, затруднен практически полным отсутствием отчетов Ю.А. Мочанова в Отделе полевых исследований Института археологии РАН, выдающим, как известно, открытые листы на проведение соответствующих изысканий.

В 1971–1973 гг. под руководством С.А. Федосеевой получило продолжение начатое в ходе Юкагирской комплексной экспедиции изучение Бурулгинской стоянки древнего человека. Здесь было выявлено три культурных слоя, относящихся к позднему неолиту [11].

В 1974 г. Янским отрядом ПАЭ (руководитель – Н.М. Щербакова, ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) были проведены пионерные археологические изыскания в бассейне Яны, которые, к сожалению, не позволили выявить стоянки древнего человека [15].

В том же году И.В. Константинов вновь возглавил исследования Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в

северо-западной Якутии. На этот раз разведкой был охвачен бассейн реки Анабар. В состав отряда, помимо руководителя, входили: аспирант ЯФ СО АН СССР С.И. Эверстов, студент Якутского госуниверситета И.С. Горохов и рабочий В.Н. Романченко.

В период с 6 по 20 августа исследователи на двух резиновых лодках прошли маршрут общей протяженностью 285 км из населенного пункта Делингде на Малой Куонапке до районного центра Анабарского района Саскылаха. Продолжить путь далее археологам помешали «сложные природные условия и слабая транспортная связь» (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 1).

Первые материалы участники отряда получили уже в Делингде. Здесь были найдены 9 кремневых ножевидных пластин и 18 отщепов. Аналогичные единичные находки были сделаны еще в 4 местах, сосредоточенных в 10-ти километровом радиусе от названного селения. Более содержательна оказалась открытая исследователями стоянка Эбэлээх, расположенная в 1,5–2 км ниже одноименной реки на правом берегу Анабара. На достаточно небольшом «пяточке» они обнаружили 37 ножевидных пластин, 34 отщепа, двухсторонне обработанный нож, 2 угловых резца, 2 нуклеуса и 2 отбойника (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 2–3).

Кроме того, археологи открыли и составили описание стоянки Сэмэлдьин (357 км от устья Анабара) и 3 пунктов: одного напротив устья р. Билээх на левом берегу Анабара и двух в окрестностях горы Эбэ-Хая. На территории этих памятников были найдены отщепы, ножевидные пластины, скребок, угловой резец, нож из кремня и наконечники стрел (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 4–7).

На основе полученных материалов И.В. Константинов осуществил предположительную датировку исследованных мест пребывания древнего человека, а также отметил их ключевые особенности – малочисленность культурных остатков и практически полное отсутствие керамики. Эта специфика была, по мнению ученого, как и в случае с «оленокцами», обусловлена высокой мобильностью населения Северо-Запада. Кроме того, И.В. Константинов установил и другие сходства памятников, исследованных в 1974 г. на Анабаре и шестью годами ранее на Оленьке: высокий уровень обработки камня и аналогичные другим районам Якутии приемы изготовления керамических изделий (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 18).

В августе-сентябре 1974 и 1975 гг. участники Приленской археологической экспедиции работали также на Индигирке, охватив своими исследованиями территории Момского и Оймьяконского районов. Руководство изысканиями осуществлял сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.А. Кашин. Кроме него в состав группы входили рабочие С.П. Мунгалов и П.И. Карпов (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6385. Л. 1–3).

Основным результатом исследований стало открытие стоянок Юбилейный, Калядин и Кыйымыт. Среди найденных в ходе их раскопок предметов материальной культуры были различные кремневые отщепы, ножевидные пластины, чешуйки, нуклеусы, а также несколько ножей, наконечников стрел, скребков, вкладышей, резцов, проколка и долото. Характер стоянок и выявленный на них инвентарь позволили В.А. Кашину сделать вывод о подвижном образе жизни древнего населения исследованного ареала, обусловленном основной формой хозяйствования – охотой. Рассматривая проблемы датировки и культурной принадлежности обнаруженных археологических памятников, ученый отметил значительную специфику стоянки Юбилейный: аналогии с другими стоянками северной Якутии прослеживались «в рамках отдельных элементов, но не комплекса в целом», и она могла быть только предположительно отнесена к сылахской раннеолитической культуре. Стоянка Калядин же, по мнению В.А. Кашина, однозначно являлась памятником ымыяхтахской позднеолитической культуры (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6385. Л. 5–23).

В 1977 г. северный отряд ПАЭ продолжил начатые семью годами ранее работы в низовьях Колымы и на Малом Анюе. Под руководством лаборанта ИЯЛИ ЯФ АН СССР С.П. Кистенева были обследованы стоянки Пантелеиха I–VIII. Все они были расположены в зоне аэропорта Черский и подвергались в связи с производимыми там земляными работами интенсивному разрушению. На 7 стоянках исследователям удалось собрать подъемный археологический материал: 293 кремневых, кремнисто-сланцевых и халцедоновых отщепа, 7 обломков кремнистых желваков, 65 кремневых и кремнисто-сланцевых ножевидных пластин, 2 нуклеуса, кремневый нож, 12 каменных орудий (скребки, вкладыши, резцы и тесла) и 39 фрагментов керамики. Важнейшее место С.П. Кистенев уделил сопоставлению на основе полученных материалов выводов о датировке и культурной принадлежности стоянок с результатами изысканий 1970 г. – исследователь

установил, что оба комплекса данных находятся в хорошем соответствии друг с другом (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7000. Л. 1–6).

В следующем году участники северного отряда ПАЭ проводили исследования в низовьях Лены. В состав отряда входили сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Н.Г. Багынанов (руководитель) и Н.М. Щербакова. Кроме того, исследователям был предоставлен катер «Наука» (капитан В.М. Таюрский, механик А.И. Беляев) (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7176. Л. 1–6).

Участники отряда открыли и составили описание 11 археологических памятников: стоянок Говорово (на берегу Лены в 423 км от ее устья) и Батыялах I–VIII (Оленекская протока), а также двух пунктов в местности Дюлюнг-Хая. При обследовании этих памятников археологи собрали подъемный материал: 85 отщепов, 5 пластин, 5 наконечников стрел, 2 резца, 6 скребков, обломок ножа и фрагменты различных предметов. По результатам изысканий Н.Г. Багынанов установил предположительную датировку найденных стоянок (поздний неолит) и их принадлежность к археологическим культурам (ымыяхтахская). При этом, как отметил ученый, выявленные памятники являлись самыми северными (72,5° с.ш.) на Лене и подтверждали гипотезу о том, что границы распространения различных приленских культур доходили до побережья моря Лаптевых (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7176. Л. 7).

В полевых сезонах 1978 и 1979 гг. археологические изыскания на севере Якутии осуществлял Нижнеиндигирский отряд ПАЭ. В первый год исследования проводили поступивший на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР С.И. Эверстов (руководитель), а также рабочие В.П. Гармель и А.И. Щеколдин. Основными задачами отряда было обнаружение археологических памятников, изучение их топографических особенностей, а также геолого-морфологических условий залегания культурных остатков в бассейне среднего и нижнего течения Индигирки на территории Абыйского и Аллаиховского районов. При этом, как отмечал С.И. Эверстов, если в низовьях Индигирки раньше уже проводились специальные экспедиции (позднеолитические стоянки Татьянино озеро, Уларовская, Бурулгино и палеолитическая Берелех), то бассейн ее среднего течения оставался «белым пятном на археологической карте». Маршрут преодолевался как пешком, так и на арендованной у местных жителей моторной лодке (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 1).

Первым объектом исследования стала котловина между реками Дружина (714 км от устья Индигирки) и Уяндина (635 км). Однако обнаружить здесь какие-либо следы стоянок древнего человека участникам отряда не удалось. Безуспешной оказалась и разведка, проведенная по берегам правых притоков Индигирки – Буор-Юрэх и Бадяриха.

Удача поджидала исследователей несколько северней – в 603 км от устья Индигирки в административном центре Абыйского района поселке Белая Гора. На его территории был собран подъемный археологический материал (отщепы и изделия из халцедона и кремня) и заложены два шурфа. В ходе раскопок участники отряда нашли сланцевый топор, комбинированное орудие из рогавика, 2 клювовидных орудия из халцедона, 3 многофасеточных резца, 3 скребка, 2 наконечника стрел, 27 микропластин и 203 отщепа из халцедона, сланца, кремня и обсидиана, фрагменты каменных орудий и керамики. Обработка полученных материалов показала, что все они относятся к ымыяхтахской археологической культуре (II тыс. до н.э.). При этом сланцевый топор и комбинированное орудие были найдены на стоянках, относящихся к названной культуре, впервые (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 1–12).

В 4 км северо-западнее Белой Горы на левой стороне притока Индигирки реки Сутуруоха участники отряда обнаружили, сфотографировали и подробно описали наскальные рисунки, выполненные красной охрой и включавшие изображения человека, животных и различных бытовых сюжетов. Анализ степени сохранности, методов нанесения и состава композиций выявленных писаниц позволил С.И. Эверстову определить их примерную датировку (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 13–23).

Кроме того, в местности Крест, расположенной на правом берегу Индигирки в 145 км от ее устья, были собраны 18 халцедоновых и 5 кремневых отщепов. Провести здесь раскопки помешала погода – ко времени проведения изысканий земля уже оказалась промерзшей (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 23–24).

В 1979 г. археологические исследования на Индигирке получили продолжение. Изыскания вновь возглавил С.И. Эверстов, а помогали ему рабочие М.Н. Миронов и С.П. Сурнин. Передвижение участники отряда осуществляли на вертолете, моторной и резиновой лодках (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 1).

Работы начались с раскопок найденной в прошлом году стоянки Белая Гора. Исследова-

тели выявили 7 наконечников стрел, 8 скребков, 5 вкладышей, 4 резца, проколку, топор из кремнистого сланца, отбойник, 2 нуклеуса, более 70 кремневых, халцедоновых, рогавиковых, обсидиановых и кремнисто-сланцевых пластин, 635 отщепов, 60 фрагментов керамики, а также обломки различных изделий древнего человека. Полученные материалы подтвердили принадлежность стоянки к ымыяхтахской культуре. При этом было установлено, что ее обитатели занимались исключительно охотой (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 8–16).

Из Белой Горы участники отряда отправились по Индигирке к находящемуся в 310 км выше по течению урочищу Крест-Майор. На данном участке, как отметил С.И. Эверстов, происходило интенсивное обрушение берега реки, в результате которого на поверхности зачастую оказывались кости плейстоценовых животных. Однако следов пребывания здесь древнего человека исследователям найти не удалось (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 4).

В начале августа отряд забросили в верховья реки Алазея, где был исследован прибрежный участок общей протяженностью в 500 км. На этом участке исследователи обнаружили стоянку древнего человека, расположенную в 1020 км по руслу реки от ее устья. В ходе изысканий были заложены два разведочных шурфа по 1 м² каждый. Из этих шурфов удалось извлечь 30 фрагментов керамики, скребок из халцедона, 111 халцедоновых, диабазовых и кремневых отщепов и провертку на халцедоновом отщепе. Их анализ позволил С.И. Эверстову прийти к заключению, что весь найденный комплекс также относится к ымыяхтахской археологической культуре II тыс. до н.э. (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 4–8). Следует отметить, что данная стоянка была первым археологическим памятником, выявленным в бассейне Алазеи.

В период с 19 июня по 18 июля 1978 г. разведочная группа Северного отряда ПАЭ снова проводила рекогносцировочные работы в бассейне реки Яна. В состав отряда входили: Н.М. Щербакова (начальник), рабочие А.Д. Кишкопаров и Д.С. Скрябин. Путешествие по маршруту Верхоянск–Нижнеянск, общая протяженность которого составила 853 км, осуществлялось на резиновой лодке с подвесным мотором. Как отметила Н.М. Щербакова, исследования проводились в крайне трудных погодных условиях: «...Весь маршрут сопровождался обильными дождями и частыми грозами. Уровень воды в Яне был намного выше обычного... Были зато-

плены уровни поймы и местами I надпойменная терраса». Очевидно, именно данный факт обусловил отсутствие успехов в обнаружении участниками поисковой группы археологических материалов (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7179. Л. 1–8).

В следующем году изыскания на Яне были продолжены. 22 августа – 13 сентября, вновь под руководством Н.М. Щербаковой, исследования на территории Верхоянского и Усть-Янского районов проводили участники Янской группы Первого отряда ПАЭ. В состав исследовательской группы также входили: сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.И. Козлов и рабочий А.Н. Анискин (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7616. Л. 3).

Из начального пункта работы экспедиции – Батагая, где была арендована моторная лодка, участники изысканий направились вверх по реке Яна. Однако, проследовав до Верхоянска, они не обнаружили никаких признаков нахождения в исследованном ареале стоянок древнего человека. После этого археологи приступили к спуску по реке. В местности Хатыстаах (835 км от устья Яны) они зафиксировали наличие археологического памятника – стоянки Хатыстаах I. На ней в результате сбора подъемного материала и закладки разведочного шурфа были извлечены 3 фрагмента керамики, наконечник стрелы и сечение ножевидной пластины. Аналогичная работа на стоянке Ньюлбугур-Айаана, расположенной еще в 16 км вниз по течению Яны, позволила выявить два фрагмента керамики, заготовку наконечника стрелы, 60 отщепов и несколько обломков каменного инвентаря. На основе полученных данных специалисты осуществили предварительную датировку названных стоянок: первая была отнесена к позднему неолиту (ымыяхтахская культура), вторая из-за «невнятности материала» к неолиту в общем (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7616. Л. 3–13).

В 800 км от устья Яны в местности Куранаах участники Янской группы Первого отряда ПАЭ открыли два археологических пункта. Кроме этого, на берегу Яны в интервале в 765–587 км от ее устья исследователи установили местонахождение еще 5 археологических памятников: стоянок Кэлимсэ, Омук, Мэччиргэлэх, Кунаах I и II. Работы (подъемные и разведочное шурфирование) на этих стоянках позволили извлечь 7 отщепов, обломки наконечника стрелы и ножевидной пластины (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7616. Л. 13–24).

В 1978 г. археологическую разведку бассейна р. Пантелеиха в низовьях Колымы осуществил отряд ПАЭ под руководством С.П. Кистенева. В результате были открыты стоянки Пантелеиха-Гора и Родинка эпохи позднего неолита [3, с. 92].

Таким образом, в рассмотренный в статье период началось систематическое археологическое изучение арктических районов Якутии. С конца 1960-х гг. и вплоть до последних лет сколь-либо длительных перерывов в этом процессе уже не наблюдалось. При этом ситуация не изменилась даже в чрезвычайно сложный для отечественной науки период рубежа XX и XXI вв. Важнейшим подспорьем в этом отношении, как представляется, стало появление в Якутии и последующее укомплектование необходимым кадровым составом собственной академической структуры – ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В этом отношении показательно, что все рассмотренные инициативы были реализованы при участии местных специалистов.

Проведенными в 1950-е – 1970-е гг. исследованиями оказались охвачены районы низовьев Лены, бассейнов рек Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Алазея и Колыма, т. е. практически все наиболее перспективные для поиска стоянок древнего человека в арктических районах Якутии ареалы, прежде являвшиеся фактически «белым пятном» на археологической карте Якутии. Большинство рассмотренных изысканий носило рекогносцировочный характер – даже в годы расцвета деятельности Академии наук СССР и резкого повышения транспортной доступности арктических районов Якутии проводить здесь масштабные исследования было проблематично как в финансовом, так и в организационном плане. Тем не менее, и в результате таких ограниченных по масштабам работ археологи получили ценнейшие сведения, позволившие выявить значительное число археологических памятников, коррелировать и синхронизировать их с культурами, выявленными ранее в других районах Якутии, и в конечном итоге органично вплести в общую канву истории заселения данной территории человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргунов В.Г. Каменный век северо-западной Якутии. Новосибирск: Наука, 1990.
2. Аргунов В.Г. Стоянка Оленек I – памятник каменного века Северо-Западной Якутии // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. С. 41–45.

3. Архипов Н.Д. Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII – XX вв.): дисс. ... д-ра ист. н. М., 2000.

4. Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск: Наука, 1975.

5. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914.

6. Зыков И.Е. Интерес к археологии в дореволюционной Якутии // Якутский архив. Вып. XV. Якутск, 1972. С. 164–167.

7. Кистенев С.П., Михалев В.М. Родинское погребение в низовьях Колымы // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. Новосибирск: Наука, 1981. С. 133–136.

8. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Новые данные о неолите арктической зоны Северо-Восточной Азии // Археология, этнография, источниковедение. Иркутск: Иркут. ун-т, 1979. С. 87–89.

9. Окладников А.П. Раскопки на Севере // По следам древних культур. М., 1951. С. 11–46.

10. Сарычев Г.А. Путешествия по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Географгиз, 1952.

11. Федосеева С.А. Новые данные о стоянках Усть-Чиркуо на верхнем Вилюе и Бурулгино на нижней Индигирке // Археологические открытия 1971 года. М.: Институт археологии АН СССР, 1971. С. 260–261.

12. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.

13. Эверстов С.И. Наскальные рисунки Сутуруохи – новый археологический памятник на Индигирке // Вопросы истории, языка, литературы (БНТИ ЯФ СО АН). Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 3–8.

14. Эверстов С.И. Памятники древних культур Нижней Индигирки // Общество, культура, образование. Кн. 1. М.: Рос. академия естествознания, 2014. С. 50–73.

15. Щербакова Н.М. Археологические памятники Яны // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 62–65.

REFERENCES

1. Argunov, V.G., 1990. Kamennyi vek severo-zapadnoy Yakutii [Stone Age of North-West Yakutia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

2. Argunov, V.G., 1986. Stoyanka Olenek I – pamyatnik kamennogo veka Severo-Zapadnoi Yakutii [Olenek I, a Stone Age site of North-Western Yakutia]. In: Arkheologicheskie i

etnograficheskie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri (itogi i perspektivy). Irkutsk: Izd-vo IGU, pp. 41–45. (in Russ.)

3. Arkhipov, N.D., 2000. Arkheologiya Yakutii (istoriya, itogi, zadachi: XVIII – XX vv.) [Archeology of Yakutia (history, results, tasks: XVIII – XX centuries)], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

4. Gogolev, Z.V., Gurvich, I.S., Zolotareva, I.M. et al., 1975. Yukagiry (istoriko-etnograficheskii ocherk) [Yukagirs (historical and ethnographic essay)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

5. Zenzinov, V.M., 1914. Starinnye lyudi u kholodnogo okeana [Ancient people on the shores of the cold ocean]. Moskva: Tipografiya P.P. Ryabushinskogo. (in Russ.)

6. Zykov, I.E., 1972. Interes k arkheologii v dorevolutsionnoi Yakutii [Interest in archeology in pre-revolutionary Yakutia]. Yakutskii arkhiv. Vyp. XV. Yakutsk, pp. 164–167. (in Russ.)

7. Kistenev, S.P. and Mikhalev, V.M., 1981. Rodinskoe pogrebenie v nizovyakh Kolymy [Rodinka burial in the lower reaches of the Kolyma]. In: Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem. Vyp. III. Novosibirsk: Nauka, pp. 133–136. (in Russ.)

8. Mochanov, Yu.A. and Fedoseeva, S.A., 1979. Novye dannye o neolite arkticheskoi zony Severo-Vostochnoy Azii [New data on the Neolithic Age of the Arctic Northeast Asia]. In: Arkheologiya, etnografiya, istochnikovedenie. Irkutsk: Irkut. un-t, pp. 87–89 (in Russ.)

9. Okladnikov, A.P., 1951. Raskopki na Severe [Excavations in the North]. In: Po sledam drevnikh kul'tur'. Moskva, pp. 11–46. (in Russ.)

10. Sarychev, G.A., 1952. Puteshestviya po Severo-Vostochnoi chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu [Travels through the North-Eastern part of Siberia, Arctic Sea and the Eastern Ocean]. Moskva: Geografiz. (in Russ.)

11. Fedoseeva, S.A., 1972. Novye dannye o stoyankakh Ust-Chirkuo na verkhnem Vilyue i Burulgiно na nizhnek Indigirke [New data on the Ust-Circuo sites on the upper Vilyui and Burulgiно on the lower Indigirka]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda. Moskva: Institut arkheologii AN SSSR, pp. 260–261. (in Russ.)

12. Fedoseeva, S.A., 1980. Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii [The Ymyyakhtakh culture of Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

13. Everstov, S.I., 1980. Naskalnye risunki Sutureokhi – novyi arkheologicheskii pamyatnik na Indigirke [Sutureokha rock paintings – new

archaeological site at the Indigirka]. In: Voprosy istorii, yazyka, literatury (BNTI YaF SO AN). Yakutsk: YaF SO AN SSSR, pp. 3–8. (in Russ.)

14. Everstov, S.I., 2014. Pamyatniki drevnikh kul'tur Nizhnei Indigirki [Sites of ancient cultures of the lower Indigirka]. In: Obshchestvo, kul'tura,

obrazovanie. Kn. 1. Moskva: Ros. akademiya estestvoznaniya, pp. 50–73. (in Russ.)

15. Scherbakova, N.M., 1980. Arkheologicheskie pamyatniki Yany [Archaeological sites of the Yana]. In: Novoe v arkheologii Yakutii. Yakutsk: YaF SO AN SSSR, pp. 62–65. (in Russ.)

И.С. Астахова, В.И. Шадрин**

ЗАКОН РС(Я) «О СУКТУЛЕ ЮКАГИРСКОГО НАРОДА»
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ЭТНИЧЕСКОГО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В центре внимания статьи – Закон Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского народа», который является уникальным нормативно-правовым актом регулирования местного самоуправления на территории расселения юкагиров и попыткой встраивания этнического самоуправления в систему российского самоуправления. Авторы рассматривают историю первой редакции закона – от выдвижения идеи и разработки закона до его принятия региональным парламентом, выявляют причины неудачи реализации закона на практике и необходимости принятия новой редакции в 2005 г.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Республика Саха (Якутия), юкагиры, местное самоуправление, законодательство, Суктул

The Law on the Suktul of the Yukaghir People in Yakutia as a reflection of the evolution of the regional legislation in the field of ethnic local self-government in the post-Soviet era. IRINA S. ASTAKHOVA, VYACHESLAV I. SHADRIN (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article focuses on the Law on the Suktul of the Yukaghir People adopted in the Republic of Sakha (Yakutia), a unique piece of legislation regulating local ethnic self-government in the territory of the Yukaghir settlement. The authors trace the history of the first edition of the law – from putting forward the idea and developing the content of the law to its adoption by the regional parliament, identify the reasons for the failure of its implementation and the need for a new edition to be adopted in 2005.

Keywords: indigenous minorities of the North, Republic of Sakha (Yakutia), Yukaghirs, self-governance, legislation, Suktul

В российском законодательстве особым правовым статусом наделяются коренные малочисленные народы Севера, которыми признаются народы численностью менее 50 тысяч человек, проживающие в северных районах России, в Сибири и на Дальнем Востоке на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хо-

* АСТАХОВА Ирина Сергеевна, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: irasta@list.ru

ШАДРИН Вячеслав Иванович, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: odul_shadrin@mail.ru

© Астахова И.С., Шадрин В.И., 2019

зяйствование и промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Вопрос самоопределения является одинаково важным как для «больших», так и для «малых» или, говоря языком российского законодательства, малочисленных народов, к которым относятся и юкагиры. Юкагиры – один из народов Севера, проживающий на северо-востоке Сибири. В силу исторически сложившихся обстоятельств территория расселения народа оказалась разделена. В настоящее время сохранились две группы – тундренные и лесные юкагиры, сохраняющие язык, элементы культуры, традиционные занятия (оленоводство, рыболовство, охотпромыслы). Численность юкагиров, по данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г., составляет 1603 чел. Компактно юкагиры проживают лишь в Республике Саха (Якутия): в селах Андрушкино Нижнеколымского района (тундренные юкагиры) и Нелемное Верхнеколымского района (лесные юкагиры).

Развитие системы местного самоуправления предоставляет этническим сообществам, не имеющим своей государственности, не только возможность самим принимать решения на поселенческом уровне, но и через институты самоуправления вести диалог с властью. Наличие национального статуса всегда было очень значимым для юкагиров на протяжении всей истории, идея самоуправления объединяла этнос в желании сохранить себя и свои земли [1].

Закон Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского народа», принятый в 1998 г. и определявший правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления юкагиров, является примером развития регионального законодательства о местном самоуправлении в 1990-е гг., когда происходили не только трансформации социально-политической системы общества, но и процессы формирования нового политико-правового поля России. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть историю принятия Закона РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» как пример развития законодательства Российской Федерации в области управления этническим многообразием.

В процессе исследования использовался разнообразный комплекс источников: архивные материалы, нормативно-правовые акты, экспертное интервью. В работе были применены историко-сравнительный, сравнительно-правовой, проблемно-хронологический методы, метод устной истории, что позволило наиболее полно охватить изучаемые процессы и показать

изменения, происходящие в самоуправлении юкагиров на фоне общероссийской истории.

Вопросы развития местного самоуправления коренных малочисленных народов Севера, в том числе и Суктула юкагирского народа, привлекали внимание современных исследователей. Политолог Ю.Д. Петров рассматривал самоуправление народов Севера как особую форму автономного устройства, а родовым и кочевым Советам отводил роль политической власти на местах [17, с. 34; 18, с. 160]. Известный ученый-северовед Ф.С. Донской подчеркивал, что система местного самоуправления должна развиваться по национально-территориальному принципу, а развитие местного самоуправления юкагирского народа должно осуществляться через институт Суктулов, под которыми автор прежде всего понимал народные собрания депутатов национальных наслегов [8, с. 87]. Историк, общественный деятель народов Севера С.Н. Горохов в конце 1980-х гг. настаивал, что в советском праве только автономные округа, с расширением их прав и полномочий, могут действительно выражать интересы малочисленных народов Севера [7, с. 7]. Он считал закон «О Суктуле юкагирского народа» судьбоносным для юкагиров, полагая, что от его эффективного претворения зависит, «... быть или не быть юкагирам в XXI в.» [6, с. 37]. Юрист А.Н. Слепцов полагает, что исторические формы самоуправления понятны и доступны малочисленным народам, а также учитывают накопленный ими опыт, традиции и обычаи. Он считает, что значимыми в первоначальном Законе о Суктуле являются статьи, наделяющие местное самоуправление правами в области природопользования, землепользования, использования недр, животного и растительного мира [19, с. 125]. По мнению П.В. Гоголева, именно на уровне местного самоуправления реализуется и развивается государственная политика в части гарантий прав малочисленных народов. В своих работах П.В. Гоголев подчеркивает, что идея этнических муниципальных образований в постсоветской Якутии выразилась в создание сельских поселений – Суктулов со сформированными органами местного самоуправления. Автор, подробно анализируя Закон РС(Я) «О Суктуле» 2005 г. и не затрагивая моменты истории данного нормативного акта [4, с. 188, 193–194], подчеркивает, что организация Суктулов для муниципальной науки представляет огромный практический интерес как идея взаимопроникновения форм местного и этниче-

ского самоуправления [5, с. 50]. Современные проблемы юкагирских Суктулов рассматриваются в работах Шадрина В.И. [21; 23; 24]

Этнополитические процессы, происходившие в российском обществе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., актуализировали идеи развития института самоуправления. В 1990 г. были приняты Законы СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [3] и «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» [2], которые провозглашали самоуправление на первичном территориальном уровне, определяли права сообществ на природные ресурсы и контроль над деятельностью предприятий, функционирующих на их территории, давали право образовывать в местах компактного проживания национальных групп национальные районы, национальные поселки и национальные сельские Советы, даже если национальные группы не составляли большинства населения.

На волне суверенизации малочисленные народы Якутии также стремились к самостоятельности, к приобретению возможности самим определять свою судьбу. В марте 1991 г. Верховный Совет Якутской-Саха ССР принял Закон «О местных советах народных депутатов и местном самоуправлении» [25]. С этим законом, гарантировавшим малочисленным народам Севера право создания своих самоуправляемых территорий, связывают начало государственной политики содействия их самоопределению [13, с. 55–56]. Закон определял статус национальных районов и сельских (кочевых) Советов народных депутатов. Данным национальным административно-территориальным единицам предоставлялся широкий круг полномочий с целью ускорения социально-экономического развития и духовного возрождения малочисленных народов Севера. На следующий год в Конституции республики было закреплено право малочисленных народов Севера на создание национальных административно-территориальных образований, действующих на основе принципа местного самоуправления [14].

Нелемнский сельсовет принял решение об изменении статуса 25 июля 1991 г., закрепленное позже Постановлением Президиума ВС РС(Я) от 20 июля 1992 г. «Об изменении статуса Нелемнинского¹ сельского Совета народ-

ных депутатов в Верхнеколымском районе и преобразовании его в национальный сельский Совет» (Национальный архив Республики Саха (Якутия), далее – НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 207. Л. 25–26). Однако деятельность сельских Советов была прекращена Указом Президента РФ № 1617 от 9 октября 1993 г. Повсеместно произошло замещение сельских Советов местной администрацией. В этих условиях идея создания национально-территориального образования юкагирского народа приобрела особую актуальность.

В настоящем исследовании мы попытаемся восстановить ход событий и воссоздать историю принятия судьбоносного для юкагириков закона. На I Съезде юкагирского народа, проходившем 26–27 июня 1992 г. в с. Нелемное, поднимался вопрос о национально-территориальном устройстве. Высказывались идеи о создании национальных районов на базе общин «Юкагир» Верхнеколымского района (Когимский национальный район) и «Чайла» Нижнеколымского района (Алаинский национальный район) и даже национального округа. В резолюции Съезда также рекомендовалось создать юкагирские национальные административные единицы в Аллаиховском и Усть-Янском районах. Предлагалось создать в качестве общественной организации Совет старейшин юкагирского народа. На Совет ввиду отсутствия у юкагириков административно-государственного образования возлагались следующие функции: защита политических, социально-экономических, культурных интересов народа, участие в разработке и реализации программ по возрождению этноса [16, с. 123, 134–136]. По словам Г.Н. Курилова, именно на Съезде его идея создания административно-государственного образования юкагириков впервые была вынесена на суд общественности. Интересно, что вдохновителем идеи создания Суктулов Гаврил Николаевич считает первого Президента Якутии М.Е. Николаева. Именно он предложил Г.Н. Курилову подумать о некоем долговременном проекте, который бы «позволил юкагирам сохранить свою самость и предоставил возможность развития». Президент порекомендовал обратиться к заведующему отделом по вопросам законодательства Секретариата Верховного Совета РС(Я) А.П. Илларионову.²

¹ До 2003 г. встречалось написание Нелемнинский, позже Нелемнский.

² Из интервью Курилова Г.Н. (Улуру Адо) (1938 г.р.), профессора, д.ф.н., поэта, публициста, общественного деятеля юкагирского народа, от 13.04.2017 г. (г. Якутск).

В 1994 г. совместно разработанный Г.Н. Куриловым и А.П. Илларионовым проект Закона РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа»³ поступил в Палату Представителей Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) [15, с. 232]. В январе 1995 г. на основе нескольких комитетов был образован Комитет по правам человека, межнациональным отношениям и делам малочисленных народов Севера, председателю которого Н.Г. Захарову, народному депутату от Янского избирательного округа № 2, было поручено доработать данный законопроект.

Палатой Представителей Закон РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» был принят в первом чтении 11 мая 1995 г. В конце мая были проведены выездные парламентские слушания в с. Нелемное Верхнеколымского улуса с участием народных депутатов Н.Г. Захарова, В.П. Гавриленко, А.Д. Иванова, А.В. Власова (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 5. Л. 36). Второе чтение закон прошел 17 октября (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 59. Л. 25, 28). В третьем, казалось бы окончательном, чтении Закон был принят 26 декабря и уже 29 декабря 1995 г. представлен на утверждение Президента РС(Я) (НА РС(Я). Ф. 1550. Оп. 1. Д. 37. Л. 79, 80).

Проект Постановления Палаты Представителей, готовившийся к третьему чтению, безусловно, представляет огромный интерес для исследователей, так как содержит все чаяния юкагирского народа, еще не выхолащенные формирующимся законодательством о местном самоуправлении.

Так, в представленном проекте было закреплено, что Суктулы образуются на территориях юкагирских родовых общин «Текки Одулок» и «Чайла», подробно прописаны гарантии финансирования бюджета Суктулов. Интересным является положение о равной ответственности Суктула и государства «за сохранение языка, культуры, нравственных и этических норм юкагирского народа, его генофонда, традиционного хозяйственно-культурного уклада жизни, возрождение народных промыслов и ремесел, улучшение демографической ситуации» (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 6), исчезнувшее в дальнейших редакциях.

Революционными являлись положения, по которым «земля, возобновляемые природные

ресурсы, сельскохозяйственные, охотничье-рыболовные угодья» передавались Суктулу «безвозмездно и в бессрочное пользование» с «выдачей государственного акта», при этом без согласия Суктула земли не подлежали отчуждению «под промышленное и иное освоение, не связанное с традиционным природопользованием» (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 7–8).

Предусматривались и особые меры социальной защиты жителей, которым «Суктул обеспечивает безопасные условия труда и достаточный размер заработной платы, устанавливает систему материального поощрения и льготы, обеспечивает предоставление основного и дополнительного отпусков, выплату минимального размера заработной платы, пособий многодетным матерям», а «государственное социальное страхование, система пенсионного обеспечения, бесплатное здравоохранение, образование полностью распространяются на всех жителей Суктула» (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 11).

Фактически устанавливалась самостоятельность Суктула в вопросах образования (претворение в жизнь концепции юкагирской национальной школы, семейного и дошкольного воспитания), а также распределения угодий между родами, семьями и индивидуальными пользователями и охраны земель Суктула (контроль за соблюдением природоохранного законодательства предприятиями, организациями и физическими лицами отнесен к исключительному ведению Суктула).

Суктул получал практическую независимость от районных властей, так как имел право «приостанавливать на своей территории отдельные распоряжения местных органов государственной власти улуса» (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 15).

Таким образом, первоначальный вариант законопроекта закреплял особый статус местного самоуправления юкагиров, расширяя полномочия и уравнивая его с районом, давая Суктулам возможность прямых взаимоотношений с государственными органами республики. При этом учитывалась возможность образования Суктула на месте возрождаемого поселения Ту-стах-Сень, как центра общины «Чайла» и предполагаемого места компактного проживания тундренных юкагиров.

Но эти положения, вызвавшие бурные споры, а также отсутствие устоявшегося законодательства о местном самоуправлении привели к тому, что 8 января 1996 г. Президент РС(Я) отклонил

³ В начальных вариантах проекта закона слово «Суктуул» писалось с удвоенной «у», в последующем превратившись в русифицированный вариант «Суктул».

Закон РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа». В отлагательном вето М.Е. Николаев подчеркнул, что проделана огромная работа, и, разделяя тревогу за судьбу юкагирского народа, отмечал следующие главные недоработки Закона:

В проекте смешаны положения о местном самоуправлении, программы социально-экономического и культурного развития и природопользование родовых общин как хозяйствующих субъектов.

Отсутствует территория для реализации местного самоуправления, так как общины юкагиров на переданных землях осуществляют права землепользования и не являются национальными административно-территориальными образованиями.

В настоящее время нормативные акты, регулирующие вопросы местного самоуправления в республике, находятся на стадии разработки, и принятый закон входит в противоречие с федеральным законодательством.

Положения Закона о государственной финансовой поддержке и гарантиях социально-экономического развития Суктула некорректны и не позволяют определить объем материальных и финансовых затрат на реализацию этого нормативного акта (НА РС(Я). Ф. 1550. Оп. 1. Д. 37. Л. 79–80).

Президент и его команда полагали, что гораздо эффективнее будет принять долгосрочную Государственную программу этнического и социального возрождения юкагирского народа, основанную на финансовых расчетах и комплексных рекомендациях научного сообщества. Предлагалось также рассмотреть вопрос о создании национальных административных образований юкагирского народа (НА РС(Я). Ф. 1550. Оп. 1. Д. 37. Л. 84).

Уже 25 января 1996 г. переработанный проект закона был принят Палатой Представителей и 30 января закон был представлен на утверждение Президента РС(Я), который 10 февраля 1996 г. вновь наложил вето. В отлагательном письме утверждалось, что замечания, послужившие основанием для отклонения 8 января 1996 г., не были устранены. Также был сформулирован еще ряд замечаний, в частности отмечены противоречия и неправомерность некоторых правовых норм (НА РС(Я). Ф. 1550. Оп. 1. Д. 802. Л. 21, 22).

Согласно ст. 20 п. 8 Закона РС(Я) «О Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» [10] при повторном отклонении Президентом РС(Я) принятого палатой закона

он вносится на рассмотрение совместного заседания палат. К данному мероприятию шла тщательная подготовка обеих палат парламента. Было получено научное заключение ведущего юриста в области прав коренных малочисленных народов Севера В.А. Кряжкова. И 18 апреля 1996 г. было проведено совместное заседание Комиссии по правам человека, внешней и внутренней политике, межнациональным отношениям, по делам малочисленных народов, общественных объединений и политических партий Палаты Республики и Комитета по правам человека, межнациональным отношениям и делам малочисленных народов Севера Палаты Представителей. На нем были заслушаны замечания депутатов верхней палаты парламента. В основном депутаты поддерживали принятие закона, но звучали и скептические мнения. Более всего некоторых депутатов беспокоила реакция других коренных малочисленных народов Севера: «Не вызовет ли принятие закона цепную реакцию у других» (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 10. Л. 22). Оппонентов смущали предоставление юкагирам в коллективную собственность всех ресурсов их земель обитания, неопределенность источников доходов, неясность отношения населения других национальностей к Суктулу, а также настораживал сам прецедент.

Совместное заседание Палаты Республики и Палаты Представителей Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) по поводу рассмотрения Закона РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» состоялось 25 апреля 1996 г. (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 59. Л. 117). Для принятия закона не хватило нескольких голосов. В феврале 1997 г. в Палате Представителей обсуждался проект Закона РС(Я) «О местном самоуправлении на территориях исконного проживания юкагиров», но данный закон не нашел поддержку депутатов (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 59. Л. 46). В следующий раз проект Закона РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» рассматривался на совместном заседании палат 10 июля 1997 г., но безрезультатно (НА РС(Я). Ф. 1520. Оп. 1. Д. 5. Л. 36, 37).

В мае 1996 г. была попытка создать Суктул в рамках общины «Чайла» Нижнеколымского района. Согласно Закону РС(Я) «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера» [9], община выступала формой самоорганизации и самоуправления коренных народов Севера, что дало основание воспользоваться нормами данного закона. На общем собрании

членов общины и жителей с. Андрюшкино был принят Устав и выбран Совет старейшин (Муниципальный архив Муниципального района «Нижнеколымский район». Ф. 7. Оп. 1. Д. 16. Л. 16). Главная идея заключалась в создании самоуправляемой административно-территориальной единицы в месте проживания юкагиров. Однако неразвитость законодательных норм в области местного самоуправления не позволила реализовать давнюю мечту юкагиров.

В марте 1998 г., после многочисленных изменений в законопроекте и ликвидации многих заложенных в нем механизмов, Закон РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» [11] был принят депутатами второго созыва окончательно, таким образом преодолев вето Президента.

В принятом законе удалось сохранить вертикаль управления республика – район – поселение, но при этом сохранились механизмы прямого представительства интересов на республиканском уровне через объединения Суктулов и общественные организации.

Весть о принятии Закона быстро достигла мест проживания юкагиров, где большинство населения поддержало идею образования Суктулов.

В с. Андрюшкино решили создавать Суктул на территории всего наслега, и для этого общины «Алазея» и «Оролчач» присоединились к общине «Чайла». Но тут появились сомнения: начались разговоры о юкагирском сепаратизме-национализме, возможной дискриминации неюкагиров в Суктулах, вероятном отделении от района, финансовом и экономическом крахе, невозможности содержания Суктулом объектов жизнеобеспечения и социальной инфраструктуры. В итоге образование Суктула приостановилось.

Летом 1998 г. в с. Нелемное был проведен референдум об образовании Суктула, в котором приняло участие 92% избирателей, из них 89% высказались за образование Нелемского Суктула (Текущий архив Суктула «Нелемский юкагирский наслег»). Осенью 1998 г. общим собранием села Нелемное был принят Устав Нелемского Суктула. Но из-за неурегулированности вопроса о границах общины «Текки Одулок» процесс создания Суктула застопорился. Одной из неотъемлемых составляющих Устава Суктула является раздел с описанием границ и картой местности. А у общины «Текки Одулок», на территории которого образовывался Нелемский Суктул, фактически не было утвержденных границ. Проблема появи-

лась в 1991 г., когда на базе Нелемской охотпромысловой бригады образовалась община «Юкагир», впоследствии преобразованная в «Текки Одулок», и встал вопрос об отделении от совхоза «Верхнеколымский» с закреплением территорий хозяйственного пользования. Оказалось, что территория Нелемской бригады и границы Нелемского сельсовета сильно различаются, ввиду того что в 1974 г. часть территории Нелемного была передана в образованный тогда Верхнеколымский сельсовет. В советское время не требовалось каких-либо согласий народа на это, тем более, что исторические примеры были налицо. Так, в 1931 г. за колхозом «Светлая жизнь» с. Нелемное было закреплено свыше 3,6 млн. га различных угодий, в 1958 г. после образования Верхнеколымского района в составе ЯАССР – уже 2,9 млн. га, а в 1991 г. за общиной решили закрепить менее 1,5 млн. га. [22, с. 183].

Такая постановка вопроса вызвала возмущение старейшин и жителей села, которые отказались утвердить предлагаемые границы и просили закрепить за ними ту территорию, на которой охотятся члены общины. Руководство района добилось от районного Совета депутатов компромиссного решения о выделении спорной территории в резервный фонд района с дальнейшей эксплуатацией угодий охотниками обоих сел. Основная же подоплека происшедших событий состояла в том, что на части «спорных» территорий бассейна р. Шаманиха тогда шла золотодобыча, и руководство района не желало терять такое – в прямом и переносном смысле – «золотое дно». В 1998 г. населению вновь предложили утвердить урезанную территорию без основных охотугодий бассейна р. Шаманиха, в ответ на что был получен ожидаемый отказ. Улусное собрание пересматривать решение о «спорной» территории отказалось. В итоге Нелемский Суктул не мог быть создан без утвержденных границ.

Таким образом, Суктулы как муниципальные образования на основе закона 1998 г. так и не были созданы. Так закончился «суверенный» период регионального законодательства о местном самоуправлении.

С начала 2000-х гг. начался процесс федерализации, когда в местные законы вносились многочисленные изменения, приводившие их в соответствие с федеральным законодательством. Этот процесс, конечно, коснулся Закона «О Суктуле юкагирского народа», из которого был исключен еще ряд положений. Теперь Сук-

тулы являлись местным самоуправлением не юкагирского народа, а в местностях компактного проживания юкагириков, создавались на территориях не общин, а сельских поселений. Исчез раздел, посвященный объединению Суктулов и верховному вождю. Суктул потерял полномочия по предоставлению во владение, пользование и в аренду водоемов, сенокосных угодий, оленьих пастбищ, промысловых и охотничьих угодий и иных земельных участков, по разрешению промысловой охоты и рыбной ловли. Был ликвидирован ряд заложенных в нем механизмов прямого представительства Суктулов на республиканском уровне и социальной поддержки населения. В результате закон потерял многие черты, определявшие особенности этнического самоуправления, став во многом аналогом положений федерального законодательства о местном самоуправлении [20].

В итоге 8 декабря 2005 г. была принята новая редакция Закона РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» [12], а предыдущий закон 1998 г. утратил силу. В рамках нового закона, в течение 2007 г. были приняты Уставы Олеринского Суктула Нижнеколымского и Нелемнского Суктула Верхнеколымского районов. Данные муниципальные образования осуществляют свою деятельность в соответствии с общими для всех нормами законодательства о местном самоуправлении.

Система самоуправления юкагирского народа видоизменялась под влиянием общих тенденций, при этом сохраняя свои особенности. Первая редакция Закона «О Суктуле юкагирского народа» разрабатывалась в период стихийной децентрализации власти в начале 1990-х гг., в статьях проекта закона содержались нормы, согласно которым Суктул наделялся некоторыми государственными полномочиями. В последующем многие нормы закона были отменены, и завершение периода ассиметричной федерации привело к необходимости принятия по сути нового закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова И.С. Самоуправление юкагириков Якутии: история становления и современность // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/113-10937>
2. Ведомости СНД СССР. 1990. № 15. Ст. 253.
3. Ведомости СНД СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

4. Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: Издательство Московского университета, 2014.

5. Гоголев П.В. Местное самоуправление на территории компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: «История. Политологи. Право». 2016. № 1. С. 47–57.

6. Горохов С.Н. Насущные проблемы народностей Севера // Диалог. 1989. № 21–22. С. 3–9.

7. Горохов С.Н. Суктул юкагирского народа как форма самоуправления // Народы Севера: пути, проблемы развития. Нерюнгри, 1998. С. 34–38.

8. Донской Ф.С. Проблемы возрождения юкагириков // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 83–88.

9. Закон Республики Саха (Якутия) от 23 декабря 1992 г. «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера» // Якутские ведомости. 1993. № 1. С. 5–8.

10. Закон РС(Я) от 22.04.1994 г. «О Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» // Республика Саха (Якутия). Государственное Собрание (Ил Тумэн). Сборник законов Республики Саха (Якутия): 1994–1995 гг. Т. 3. Якутск: Бичик, 2001. С.106–115.

11. Закон Республики Саха (Якутия) от 18 марта 1998 г. (в редакции от 28.12.1999 г., 26.04.2001 г.) «О Суктуле юкагирского народа» // Сборник законов РС(Я), принятых в 1998 г. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. С. 7–17.

12. Закон РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» от 8 декабря 2005 г. (в редакции 27.12.2006 г., 19.02.2009 г., 18.06.2009 г., 14.03.2016 г.) // Якутские ведомости. 2006. № 1. С. 5–6.

13. Игнатъева В.Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. Новосибирск: Наука, 1999.

14. Конституция (основной закон) Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 г. // Якутские ведомости. 1992. № 7.

15. Маклашова Е.Г. Этапы становления законодательной власти региона в условиях трансформации федеративных отношений в России (на материале Республики Саха (Якутия)) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 231–234.

16. Материалы Съездов малочисленных народов Севера Якутии (1989–1993 гг.). Усть-Мая: Сахаполиграфиздат, 1993.

17. Петров Ю.Д. К вопросу о национальном самоуправлении малочисленных народов Республики Саха // Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Ч. 2. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. С. 30–34.

18. Петров Ю.Д. Малочисленные народности Севера: государственная политика и региональная практика. М.: Academia, 1998.

19. Слепцов А.Н. Права народов Севера на традиционное природопользование и самобытный уклад жизни. Якутск: ЯФ ГУ «Издательство СО РАН», 2004.

20. Филиппова В.В., Шадрин В.И., Григорьев С.А., Сулейманов А.А., Астахова И.С. Тундрные юагиры в социально-экономических процессах XX – нач. XXI вв. (на материалах Олеринского Суктула) // Казанская наука. 2013. № 5. С. 45–50.

21. Шадрин В.И. Наша судьба – в наших руках // Север: проблемы и перспективы. 2001. № 2. С. 22–23.

22. Шадрин В.И. Страна Юагирия // Верхнеколымский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2002. С. 168–188.

23. Шадрин В.И. Современные проблемы в селе Нелемное // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2004. № 16. С. 62–63.

24. Шадрин В.И. Суктул юагирского народа: проблемы и перспективы // Комплексный итоговый отчет: Общины КМНС. Местное самоуправление. Москва: НП «Содружество общин КМНС», 2015. С. 147–157.

25. Якутские ведомости. 1991. № 5. С. 2–4.

REFERENCES

1. Astakhova, I.S., 2013. Samoupravlenie yukagirov Yakutii: istoriya stanovleniya i sovremennost' [Self-government of the Yukaghirs in Yakutia: history of formation and present state of affairs]. URL: <http://www.science-education.ru/113-10937> (in Russ.)

2. Vedomosti SND SSSR [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Soviet Union], 1990, no. 15, st. 253. (in Russ.)

3. Vedomosti SND SSSR [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Soviet Union], 1990, no. 16, st. 267. (in Russ.)

4. Gogolev, P.V., 2014. Konstitutsionno-pravovye osnovy gosudarstvennoy politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii [Constitutional and legal foundations of state policy towards the indigenous minorities of the

North, Siberia and the Russian Far East]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (in Russ.)

5. Gogolev, P.V., 2016. Mestnoe samoupravlenie na territorii kompaktnogo prozhivaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii [Local self-government in the areas populated by the indigenous minorities of the North, Siberia and the Russian Far East], Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: «Istoriya. Politologi. Pravo», no. 1, pp. 47–57. (in Russ.)

6. Gorokhov, S.N., 1989. Nasushchnye problemy narodnostey Severa [The urgent problems of the indigenous peoples of the North], Dialog, no. 21–22, pp. 3–9. (in Russ.)

7. Gorokhov, S.N., 1998. Suktul yukagirskogo naroda kak forma samoupravleniya [The Suktul of the Yukaghir people as a form of self-government]. In: Narody Severa: puti, problemy razvitiya. Neryungri, pp. 34–38. (in Russ.)

8. Donskoy, F.S., 1995. Problemy vozrozhdeniya yukagirov [Problems of the Yukaghir revival], Sotsiologicheskie issledovaniya, no. 7, pp. 83–88. (in Russ.)

9. Zakon Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 23 dekabrya 1992 g. «O kochevoy rodovoy obshchine malochislennykh narodov Severa» [Republic of Sakha (Yakutia) law of December 23, 1992 «On the nomadic tribal community of the indigenous minorities of the North»], Yakutskie vedomosti, 1993, no. 1, pp. 5–8. (in Russ.)

10. Zakon RS(Ya) ot 22.04.1994 g. «O Gosudarstvennom Sobranii (II Tumen) Respubliki Sakha (Yakutiya)» [Republic of Sakha (Yakutia) law from April 22, 1994 «On the State Assembly (II Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia)»]. In: Respublika Sakha (Yakutiya). Gosudarstvennoe Sobranie (II Tumen). Sbornik zakonov Respubliki Sakha (Yakutiya): 1994–1995 gg. T. 3. Yakutsk: Bichik, 2001, pp. 106–115. (in Russ.)

11. Zakon Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 18 marta 1998 g. (v redaktsii ot 28.12.1999 g., 26.04.2001 g.) «O Suktule yukagirskogo naroda» [Republic of Sakha (Yakutia) law of March 18, 1998 (as amended on December 28, 1999, April 26, 2001) «On the Suktul of the Yukaghir people»]. In: Sbornik zakonov RS(Ya), prinyatykh v 1998 g. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2001, pp. 7–17. (in Russ.)

12. Zakon RS(Ya) «O Suktule yukagirskogo naroda» ot 8 dekabrya 2005 g. (v redaktsii 27.12.2006 g., 19.02.2009 g., 18.06.2009 g., 14.03.2016 g.) [Republic of Sakha (Yakutia) law of December 8, 2005 (as amended on December

27, 2006, February 19, 2009, June 18, 2009, March 14, 2016) «On the Suktul of the Yukaghir people», Yakutskie vedomosti, 2006, no. 1, pp. 5–6. (in Russ.)

13. Ignat'eva, V.B., 1999. Respublika Sakha (Yakutiya): retrospektiva etnopoliticheskoy istorii [Republic of Sakha (Yakutia): a retrospective of ethno-political history]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

14. Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 4 aprelya 1992 g. [Constitution of the Republic of Sakha (Yakutia) of April 4, 1992], Yakutskie vedomosti, 1992, no. 7. (in Russ.)

15. Maklashova, E.G., 2015. Etapy stanovleniya zakonodatel'noy vlasti regiona v usloviyakh transformatsii federativnykh otnosheniy v Rossii (na materiale Respubliki Sakha (Yakutiya)) [Stages of the regional legislation formation in the context of the federal relations transformation in Russia (the case of the Republic of Sakha (Yakutia))], Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, no. 12, pp. 231–234. (in Russ.)

16. Materialy S'ezdov malochislennykh narodov Severa Yakutii (1989–1993 gg.) [Materials of the Congresses of the indigenous minorities of the North in Yakutia, 1989–1993]. Ust'-Maya: Sakhapoligrafizdat, 1993. (in Russ.)

17. Petrov, Yu.D., 1992. K voprosu o natsional'nom samoupravlenii malochislennykh narodov Respubliki Sakha [On the issue of self-government of the indigenous minorities in the Republic of Sakha]. In: Chelovek i Sever: istoricheskii opyt, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya. Ch. 2. Yakutsk: YANTS SO RAN, 1992, pp. 30–34. (in Russ.)

18. Petrov, Yu.D., 1998. Malochislennyye narodnosti Severa: gosudarstvennaya politika i regional'naya praktika [Indigenous minorities of

the North: state policy and regional practices]. Moskva: Academia. (in Russ.)

19. Sleptsov, A.N., 2004. Prava narodov Severa na traditsionnoe prirodopol'zovanie i samobytnnyy uklad zhizni [The rights of the indigenous minorities of the North for the traditional environmental management and way of life]. Yakutsk: YAF GU «Izdatel'stvo SO RAN». (in Russ.)

20. Filippova, V.V., Shadrin, V.I., Grigor'ev, S.A., Suleymanov, A.A. and Astakhova, I.S., 2013. Tundrennye yukagiry v sotsial'no-ekonomicheskikh protsessakh XX – nach. XXI vv. (na materiale Olerinskogo Suktula) [Tundra Yukaghirs in the socio-economic processes of the XXth – early XXIst centuries (the case of Olerinsky Suktul)], Kazanskaya nauka, no. 5, pp. 45–50. (in Russ.)

21. Shadrin, V.I., 2001. Nasha sud'ba – v nashikh rukakh [Our destiny is in our hands], Sever: problemy i perspektivy, no. 2, pp. 22–23. (in Russ.)

22. Shadrin, V.I., 2002. Strana Yukagiriya [The country of the Yukaghirs]. In: Verkhnekolymskii ulus: istoriya, kul'tura, fol'klor. Yakutsk: Bichik, pp. 168–188. (in Russ.)

23. Shadrin, V.I., 2004. Sovremennyye problemy v sele Nelemnoe [Current problems in the village of Nelemnoe], Mir korennykh narodov. Zhivaya Arktika, no. 16, pp. 62–63. (in Russ.)

24. Shadrin, V.I., 2015. Suktul yukagirskogo naroda: problemy i perspektivy [The Suktul of the Yukaghir people: problems and prospects]. In: Kompleksnyi itogovyi otchet: Obshchiny KMNS. Mestnoe samoupravlenie. Moskva: NP «Sodruzhestvo obshchin KMNS», 2015, pp. 147–157. (in Russ.)

25. Yakutskie vedomosti [Yakut Bulletin], 1991, no. 5, pp. 2–4. (in Russ.)

Н.Н. Котельникова*

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ГОРОДА**

В развитии медиаурбанистики прослеживаются две ведущие тенденции: анализ влияния медиатехнологий на городскую среду и изучение взаимоотношений между людьми, форм их интеракции, социальных и культурных последствий развития городских коммуникаций. Наше исследование делает акцент на втором направлении, в связи с чем особый интерес приобретает изучение самоорганизующихся городских сообществ, определение механизмов их построения и функционирования, анализ используемых коммуникативных практик. Одним из видов таких городских сообществ являются молодежные субкультурные сообщества, мощный импульс для формирования и развития которых дает социокультурное пространство современного китайского мегаполиса. В статье с позиции медиаурбанистики рассматриваются некоторые из наиболее популярных китайских молодежных субкультур, раскрываются особенности их происхождения и функционирования, тенденции развития, влияние новых медиатехнологий на формы межличностной коммуникации.

Ключевые слова: медиаурбанистика, Китай, молодежная субкультура, социокультурная среда

Youth subcultures of a modern Chinese city in the context of urban communication studies. NADEZHDA N. KOTELNIKOVA (Volgograd State Socio-Pedagogical University)

Contemporary urban communication studies deal with two main directions: the influence of media technologies on urban environment and different forms of interaction of city inhabitants. Our research focuses on the second direction, therefore it is particularly interesting to study different urban communities, mechanisms of their formation and functioning, development trends and communicative practices. A striking example of such urban communities is youth subcultural communities, which thrive in the sociocultural environment of modern Chinese metropolises. In the framework of urban communication studies, the article examines some of the most popular Chinese youth subcultures, considering their origin, development and distinctive features, as well as the influence of the new information technologies on their communication modes.

Keywords: urban communication studies, China, youth subcultures, sociocultural environment

---

* КОТЕЛЬНИКОВА Надежда Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com

© Котельникова Н.Н., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 17-29-09114.

В последнее время изучение коммуникации в большом городе (urban communication) как перспективное междисциплинарное направление приобретает все большую популярность у специалистов разных областей научного знания. Для отражения обширного спектра городских коммуникативных исследований мы предлагаем использовать термин «медиаурбанистика», поскольку он заключает в себе принадлежность исследуемой сферы общения городу, а также указывает на применение в ней различных форм и средств коммуникации (media). В развитии медиаурбанистики прослеживаются две ведущие тенденции: рассмотрение различных «медиа» (кино, телевидения, и других СМИ) и исследование взаимоотношений между людьми, форм их интеракции, социальных и культурных последствий развития городских коммуникаций [5, с. 27]. Наше исследование, осуществляемое в рамках грантового проекта РФФИ «Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и КНР», делает акцент на втором направлении, в связи с чем особый интерес приобретает изучение самоорганизующихся городских сообществ, определение механизмов их построения и функционирования, тенденций развития, анализ используемых коммуникативных практик. Одним из видов таких самоорганизующихся городских сообществ являются сообщества субкультурные. При этом, чем крупнее город, чем сильнее урбанизирован, тем больше он насыщен различными субкультурами [6, с. 545].

Понятие «субкультура» неоднократно рассматривали в своих работах С.К. Бондырева, П.С. Гуревич, А.И. Кравченко, С.И. Левикова, А.В. Мудрик, С.А. Сергеев и другие отечественные ученые. Благодаря их теоретическим изысканиям субкультуру принято рассматривать как часть общей культуры нации, систему ценностей, норм, традиций и обычаев, присущих большой социальной группе, для которой характерны специфический стиль жизни и поведения. Схожие определения понятию «субкультура» (亚文化) дают и китайские исследователи, при этом подчеркивая, что субкультуры, являясь альтернативой господствующей культуры, не отрицают ее, а, формируясь на ее фоне, обнаруживают лишь некоторые отклонения от нее [9, с. 113; 17, с. 145]. Несмотря на то, что ценности и нормы субкультуры в большей или меньшей степени отличаются от ценностей и норм культуры господствующей, они не противостоят им: «происходит лишь игнорирование либо, напро-

тив, “выпячивание” некоторых аспектов господствующей культуры» [13, с. 226].

Основной сегмент субкультурной мозаики любого города составляют молодежные субкультуры. «Условия жизни в большом городе создают предпосылки для объединения молодежи в разные группы, движения. Эти условия и являются спланирующим фактором, формирующим коллективное сознание в этих группах, коллективную ответственность и общие понятия о социокультурных ценностях» [13, с. 62]. Молодежная городская субкультура «обеспечивает социализацию молодых горожан в тех случаях, когда последняя по разным причинам невозможна на основе функционирования официальных социокультурных институтов и легитимные сценарии инкультурации молодого человека не срабатывают. Иначе говоря, субкультура компенсирует неполноту доминирующей культуры за счет формирования альтернативных культурных зон» [2, с. 262].

Китайские многомиллионные мегаполисы представляют собой гигантскую площадку с неисчислимым потенциалом для формирования и развития молодежных субкультурных сообществ, предоставляя молодым горожанам обширные возможности для самореализации, позволяя им найти свое место в жизни города.

В современном урбанизированном социуме консолидирующим фактором для молодежных субкультур преимущественно является не идеология, а особенности жизненного стиля, определенный способ времяпрепровождения, сфера интересов, отличающие людей этого общества от всех остальных. Наиболее часто основаниями для образования субкультурных сообществ в настоящее время выступают музыка, мода, компьютерные технологии, спорт, социальная принадлежность.

Из множества молодежных социальных групп нами были выделены для анализа пять развитых субкультур, охватывающих значительный сегмент китайской городской молодежи. Каждая из этих субкультурных групп имеет свои особые формы общения, специфические правила взаимоотношений, ритуалы, свою сферу потребления, особую шкалу ценностей, внешние отличительные черты (сленг, символика, одежда, определенные атрибуты).

Субкультура шаматэ (杀马特亚文化)

Субкультура шаматэ появилась в Китае во второй половине «нулевых». Название субкультурному сообществу, которое является фонети-

ческой калькой от английского слова «smart» (умный, сообразительный; элегантный), дал его основатель Ло Фусин – уроженец одного из сел провинции Гуандун. Представители субкультуры шаматэ – это молодые люди в возрасте 16–25 лет, выходцы из сельской местности, имеющие базовое среднее общее или среднее техническое образование, которые приехали в крупные китайские города на заработки. В отличие от мигрантов старшего поколения они не готовы к тяжелому физическому труду разнорабочих на строительных площадках и довольствуются низкооплачиваемой работой на заводах, в парикмахерских, магазинах и службах доставки [20]. Представители субкультуры шаматэ отличаются ярким стилем, для них характерны выцветшие и окрашенные в яркие цвета волосы, объемные прически с начесом и огромным количеством лака и геля, кричащий макияж и маникюр, пирсинг, необычная броская одежда и обилие всевозможных аксессуаров. Своим внешним видом они похожи на последователей Visual kei («визуальный стиль» – музыкальный жанр, возникший на базе японского рока в результате его смешения с глэм-роком, металом и панк-роком). На развитие субкультуры шаматэ оказали влияние западные неформальные течения, однако в отличие от них шаматэ свойственен не дух бунтарства и отрицания, а лишь желание привлечь к себе внимание своей нестандартностью и экстравагантностью [20]. Свой яркий внешний вид они спешат запечатлеть с помощью селфи и выложить фотографии в закрытые чаты китайского мессенджера QQ, называемые «семьями», которые создаются представителями субкультуры шаматэ для общения с себе подобными.

Субкультура шаматэ считается самой нелюбимой китайцами субкультурой. Ее представители вызывают презрение у горожан, высмеиваются в реальной жизни и в сети Интернет. Они не собираются возвращаться в родную деревню, но и не могут найти свое место в городе [15, с. 52]. Представители субкультуры шаматэ – это молодые провинциалы, лишенные финансовой и общественной поддержки, которые, с одной стороны, стремятся к самореализации, желают своим броским внешним видом заявить о себе, с другой – жаждут быть принятыми городским сообществом, стать его частью [16, с. 336].

Субкультура сяоцинсинь (小清新亚文化)

В Китае субкультура шаматэ традиционно противопоставляется сяоцинсинь. Термин

«сяоцинсинь» состоит из слов «сяо» (小) – «маленький» и «цинсинь» (清新) – «свежий» (напр. воздух) и появился в китайском языке для обозначения понятия «инди», как направления в культуре. На формирование китайской субкультуры сяоцинсинь оказали влияние музыка в стиле инди-поп и произведения современной писательницы-новеллиста Ли Цзе, публикуемой в сети Интернет под псевдонимом Анни Баобэй (安妮宝贝) и получившей огромную популярность в молодежной среде.

Представители субкультуры сяоцинсинь – преимущественно девушки из состоятельных семей, образованные, разносторонние, с утонченным вкусом и позитивным восприятием мира. Для них характерны любовь к путешествиям в одиночку, склонность к творчеству, определенные предпочтения в музыке (тайваньская певица Чэнь Цичжэнь, тайваньская инди-группа «Sodagreen») и киноискусстве (японский режиссер Ивай Сюдзи) [7, с. 125]. Принадлежность к субкультуре подразумевает определенный стиль в одежде: длинные льняные юбки, рубашки в клетку, тельняшки, парусиновые туфли и отсутствие яркой косметики. Значимым атрибутом стиля является фотоаппарат ЛОМО. Увлечение фотоискусством – это один из важных способов самовыражения для сяоцинсинь, возможность не только запечатлеть красоту окружающего мира, найти волшебство в обыденности, но и посредством фотографий делиться своими мыслями, чувствами и переживаниями. Сяоцинсинь, как правило, имеют персональные страницы в известных социальных сетях и ведут свой блог, в котором публикуют фотографии и собственные литературные зарисовки.

Сяоцинсинь – романтики и эстеты, мечтатели и ценители прекрасного, увлеченные литературой и искусством и противопоставляющие себя мейнстриму. Однако следует отметить, что рассматриваемая субкультура, благодаря вниманию со стороны СМИ и общественному одобрению, в настоящее время стала настолько популярна и обзавелась такой армией подражателей, в основном копирующих внешнюю атрибутику, что сама рискует превратиться в мейнстрим [11, с. 72–73].

Субкультура 2D (二次元亚文化)

Субкультура 2D объединяет поклонников двухмерной (2D) анимации, а именно анимации в стиле японского аниме, а также манги (японских комиксов) и компьютерных игр в

стиле аниме. В России для названия подобной субкультуры часто используют японское слово «отаку» в значении «фанаты японского аниме и манги». Следует отметить, что это слово активно используется и в китайском языке, однако в Китае заимствованным из японского языка словом «отаку» (御宅族) обозначаются молодые люди, ведущие уединенный, затворнический образ жизни, проводящие все свое свободное время дома, в сети Интернет, и чуждающиеся живого общения [18, с. 5]. Использованию слова «отаку» именно в этом значении способствует и его этимология: дословно «отаку» переводится с японского как «Ваш дом». Бесспорно, среди представителей субкультуры 2D есть люди, которых можно назвать отаку, однако сама рассматриваемая субкультура не предполагает затворничества и замкнутого образа жизни.

Субкультура 2D весьма многочисленна. В Китае десятки миллионов 2D-фанатов (二次元迷), каждый из которых на товары, имеющие отношения к аниме, тратит в среднем 1700 юаней в год, что дает мощный импульс для развития 2D-индустрии [21]. В соответствии со статистической информацией, опубликованной Центром хранения и обработки данных крупнейшей в Китае социальной медиаплатформы Sina Weibo (新浪微博), возрастной состав представителей субкультуры 2D неоднороден: наибольший процент любителей аниме находится в возрастном диапазоне от 23 до 30 лет – 37,6%, 31,9% составляют молодые китайцы в возрасте от 18 до 22 лет, 15,4% – в возрасте младше 18 лет. Среди 153 млн. китайцев, заинтересованных медиапродуктами 2D-индустрии, микроблоги которых были проанализированы Центром хранения и обработки данных Sina Weibo, 59,1% составляют поклонники аниме (анимации и комиксов), 37,4% – косплееры и 6% – любители музыки в жанре аниме [23].

Сродная идеология у представителей субкультуры 2D отсутствует. Их объединяет заинтересованность в определенных медиапродуктах. Для представителей этой субкультуры характерно использование сленга – преимущественно заимствованных слов из японского языка, имеющих, как правило, эмоционально-экспрессивную окраску.

Для представителей субкультуры 2D проводится множество мероприятий, которые предоставляют широкие возможности для офлайн-общения: аниме-фестивали для косплееров, выставки, посвященные новинкам аниме-индустрии, тематические вечеринки.

Некоторые из них поражают своей масштабностью. Так, например, «Китайский международный фестиваль аниме», ежегодно проводимый в г. Ханчжоу, в 2017 г. собрал участников из 82 стран мира. За шесть дней работы фестиваля мероприятие посетило более 1,39 млн. человек [22]. Переместить виртуальную реальность аниме в городское пространство помогает косплей (动漫角色扮演) – костюмированная игра, подразумевающая перевоплощение в персонажей аниме, манги и компьютерных игр, которое предполагает не только внешнее сходство с изображаемым героем, но и копирование его поведения, манеры разговора, использование присущих ему фраз и жестов. Некоторые представители субкультуры 2D копируют и используют характерные движения или реплики любимых персонажей и в повседневной жизни.

Субкультура граффити (涂鸦亚文化)

Для граффити-райтеров не характерна общность мировоззрения, в их работах можно найти отсылки к самым разным идеологиям, солидарность представителей этой субкультуры возникает на основе общего увлечения настенной живописью, на основе желания с помощью композиций, помещенных на поверхности городских объектов, донести до зрителей некую мысль, вызвать у них эмоциональный отклик. В сравнении с другими субкультурами Китая, субкультурное сообщество граффити-райтеров весьма малочисленно, однако деятельность творческих молодых людей, относящихся к этой субкультуре, оказывает заметное влияние на культурный облик китайских городов.

Китайская субкультура граффити начала зарождаться в Пекине в 1996 г. вслед за проникновением в Китай хип-хопа [12, с. 181]. Искусство граффити, предполагающее помещенность в уличную среду и работу с городскими пространствами, изначально осуждалось подавляющим большинством жителей китайских городов. Интересно, что в Китае для обозначения этого вида уличного искусства используется слово «туя» (涂鸦), которое дословно (по иероглифам) переводится как «марать ворон». Это слово обязано своим появлением стихотворению китайского поэта танской эпохи Лу Туна (VIII–IX вв.), посвященному его маленькому сыну, который часто марал тушью книги отца [14, с. 42], и используется китайцами в значении «каракули, мазня».

В настоящее время искусство граффити получило признание городских властей и во мно-

гих китайских мегаполисах выделены специальные стены и зоны для граффитчиков. Так, например, в Пекине самые популярные граффити-зоны расположены в районах Хайдянь и Чаоян, арт-зоне 798. Власти города Чунцин для творчества граффити-райтеров выделили целую улицу – Хуанцзюэпин (黄桷坪涂鸦街). Тридцать семь зданий, расположенных на этой улице, покрыты красочным стрит-артом общей площадью 50 тыс. м². Эта улица, ставшая настоящим символом современного искусства, является одним из самых масштабных граффити-проектов не только в Китае, но и в мире. Однако, следует отметить, что в крупных китайских городах творческое самовыражение стрит-райтеров вне специально отведенных для этого зон не приветствуется. В этом случае деятельность представителей субкультуры граффити рассматривается городскими властями как «порча городского пейзажа» [12, с. 183], поэтому возможности для графического освоения городских пространств у китайских стрит-райтеров довольно ограничены.

Современной тенденцией развития субкультуры граффити является перемещение уличного искусства в онлайн. Многие граффити-райтеры создают свои работы в первую очередь ради того, чтобы их сфотографировать и выложить в Интернет. Таким образом стрит-арт, который может просуществовать в реальном городском пространстве совсем короткое время до момента, когда его закрасят, продолжит свою жизнь в пространстве виртуальном. Фотографии своих работ райтеры размещают в тематических интернет-сообществах, которые они используют для общения, обмена опытом, проведения граффити-баттлов.

Интернет-субкультура эгао (恶搞亚文化)

В современном информационном обществе общение в сети Интернет, в том числе в социальных сетях и на интернет-форумах, становится насущной потребностью многих людей, позволяет им делиться своими проблемами, получать советы, выражать свои мысли, видоизменяет стереотипы их мировосприятия и образ жизни. Как следствие этого в интернет-пространстве возникают и функционируют различные виртуальные сообщества – интернет-субкультуры, которые можно определить как «набор технологий (материальных и интеллектуальных), практик, позиций, режимов мышления и ценностей, которые появились и развились с развитием киберпространства и дали возмож-

ность для формирования различных вариантов жизненного поведения человека – от создания новых личностных и социальных стратегий к построению виртуальных симулякров массовой культуры, основанных на моде и поп-арте» [4, с. 77]. Интернет-субкультура может отличаться от доминирующей культуры собственной системой ценностей, языком, манерой поведения ее представителей и другими проявлениями. В настоящее время в глобальной сети реализует себя множество интернет-субкультур, самыми популярными из которых можно назвать геймеров, блогеров, хакеров, троллей и др. Одной из наиболее распространенных интернет-субкультур в Китае является субкультура эгао.

Считается, что слово «эгао» произошло от японского слова «kuso» и вошло в употребление сначала на Тайване, откуда впоследствии распространилось на материковый Китай. В японской интернет-культуре слово «kuso» (дерьмо) изначально использовалось для высмеивания компьютерных видеоигр низкого качества и распространилось в Китае именно в значении «высмеивать». Само китайское слово «эгао» (恶搞) образовано путем морфемной контракции от словосочетания «злонамеренно шутить» (恶意搞笑). Китайские социологи определяют эгао как популярный в сети Интернет культурный феномен, подразумевающий (с помощью пародии, коллажа, гиперболизации, реорганизации текста) изменение известного в широких кругах литературного произведения или медийного продукта, либо подражание авторитетной личности с целью достижения комического, юмористического эффекта [10, с. 5; 19, с. 338]. Исходным материалом для пародии в стиле эгао могут служить литературные произведения, фильмы, песни и видео-клипы, рекламные ролики, новостные заметки и т. д. Результат творчества может быть представлен в виде простого текста в блогах, аудио- или видеоматериала, фотографий или комиксов, выставляемых автором эгао на общественное обозрение в сети Интернет. Распространению этой интернет-субкультуры способствовали такие программы, как графический редактор Photoshop и программа видеомонтажа Premiere, которые доступны широким массам интернет-пользователей и значительно упрощают процесс создания пародий в стиле эгао [10, с. 6]. Феномен эгао стал настолько популярен в Китае, что вышел за пределы интернет-пространства и получил распространение на телевидении, на страницах газет и журна-

лов, в стиле эгао проводят сценические выступления.

Представители субкультуры эгао – это преимущественно молодые люди, для которых характерно критическое, иронично-саркастическое восприятие окружающего мира. С помощью подобного творчества они делятся с Интернет-сообществом своей субъективной оценкой в отношении определенных явлений современной действительности, тем самым получая возможность для самореализации и самоутверждения. Эгао олицетворяет в Китае свободу слова, однако, поскольку авторы эгао часто пренебрегают нравственными и моральными устоями, их произведения вызывают противоречивую реакцию у публики. По результатам социологического опроса, проведенного «Китайской молодежной газетой» (中国青年报), 89,9% респондентов считают, что для авторов эгао должна быть определенная «красная черта» – темы-табу, которые не должны подвергаться высмеиванию. Так, например, 93,7% опрошенных высказались против высмеивания национальных героев [8, с. 50].

Рассмотренные сообщества являются лишь фрагментом пестрой субкультурной мозаики китайских городов, частью многогранного образования, вносящего значительный вклад в социокультурную инновацию городского пространства. Субкультуры являются не только важным каналом социализации для китайской молодежи, но и мощным коммуникативным каналом, субпространством информационного взаимодействия, органично соединяющим реальные и виртуальные формы общения.

Рассмотрев специфику популярных китайских молодежных субкультур, можем сделать следующие значимые для нашего исследования выводы.

1. Характерной чертой молодежных субкультур является их урбанистический характер. Китайские мегаполисы, будучи сложной средой социализации, терпимой к ценностным различиям и многообразию форм поведения людей, представляют собой плодотворную почву для появления и развития различных молодежных субкультур.

2. Мощным импульсом для развития молодежных субкультур в Китае являются глобализационные процессы, интеграция китайского культурного пространства в мировое. Основой для формирования всех рассмотренных нами субкультур послужили иностранные культурные феномены (прослеживается влияние США,

стран Западной Европы и Японии), однако часть субкультур в процессе своего развития претерпела значительные видоизменения и приобрела характерные национальные черты, заметно отличающие их от «оригинала», либо же вовсе трансформировалась в уникальный китайский социокультурный продукт (например, субкультура шаматэ).

3. Члены молодежных субкультурных сообществ «связаны прежде всего постоянным общением и, несмотря на многочисленность, находятся в контакте друг с другом, причем эта коммуникация имеет для них принципиальное значение» [1, с. 245]. Пространство Всемирной паутины предоставляет практически безграничные возможности для подобной коммуникации. Все рассмотренные нами китайские молодежные субкультуры в большей или меньшей степени представлены и функционируют в сети Интернет. Очевидным фактом является виртуализация и диджитализация общения представителей субкультурных сообществ, переход от непосредственных форм межличностной коммуникации к технологически опосредованным (закрываемые чаты шаматэ, блоги сяоцинсинь, интернет-сообщества граффити-райтеров). Однако можно отметить и встречный процесс – стремление к офлайн-формам взаимодействия для субкультур, основой существования которых является виртуальная реальность (косплей, сценические выступления в стиле эгао).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева Л.В. Классификации и типологии молодежных движений и субкультур // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2014. № 3. С. 244–253.
2. Гун Г.Е. Молодежные субкультуры в контексте городской художественной культуры // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 260–268.
3. Камынина Л.В., Скороходов М.В., Сапронова Н.В. Классификации и типологии молодежных субкультур // Поколение будущего: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 4-й международной молодежной научной конференции: в 3 т. Т. 2. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2016. С. 60–63.
4. Краснопольов П. Феномен Интернет-субкультур: філософсько-антропологічний аналіз (Феномен Интернет-субкультур: філософсько-антропологічний аналіз) // Схід. 2016. № 2. С. 74–78.

5. Леонтович О.А. Лик современного города через призму медиаурбанистики // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: материалы международной конференции. М.: Изд-во «Канцлер», 2018. С. 27–28.

6. Fischer, C.S., 1995. The subcultural theory of urbanism: a twentieth-year assessment. *American Journal of Sociology*, Vol. 101, no. 3, pp. 543–577.

7. Цай Ци. Ванло сюйни шэцью чжун дэ сяоцинсинь явэньхуа (Субкультура сяоцинсинь в виртуальном сообществе) // Хунань шифань дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао. 2013. № 6. С. 125–132.

8. Цай Ци, Се Ин. Цун «эгао фува» сяньсян фаньсы ванло эгао фэнчао (Переосмысливая интернет-движение эгао на примере “высмеивания кукол-талисманов Пекинской Олимпиады «Фува»”) // Синси ванло анцюань. 2008. № 6. С. 50–52.

9. Гао Бинчжун. Чжувэньхуа, явэньхуа, фаньвэньхуа юй чжунго вэньхуа дэ бяньцянь (Изменения в доминирующей культуре, субкультурах, контркультурах и культуре Китая) // Шэхуэйсюэ яньцзю. 1997. № 1. С. 113–117.

10. Ху Цзянфэн. Эгао юй циннянь явэньхуа (Эгао и молодежная субкультура Китая) // Чжунго циннянь яньцзю. 2008. № 6. С. 5–10.

11. Лю Лили. «Сяоцинсинь» фэнгэ дэ явэньхуа цзеду (Стиль «сяоцинсинь» как субкультура) // Ишу байцзя. 2013. № 1. С. 71–73.

12. Пан Янь. Цяньтань чэнши туя цзай Чжунго дэ хэфасин (Говоря о легальности городских граффити в Китае) // Вэньи шэнхо. 2011. № 3. С. 181–183.

13. Шэхуэй кэсюэ дацзидянь (Большой социологический словарь) / под ред. Пэн Кэхун. Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо чубаньшэ, 1989.

14. Ши Цзе. Цяньси туя ишу цзай Чжунго дэ фачжань цяньцзин (Перспективы развития искусства граффити в Китае) // Минжи фэншан. 2016. № 6. С. 42.

15. Су Хэ. Бэй ихуа дэ шаматэ (Отчужденные шаматэ) // Кань шицзе. 2014. № 2. С. 52–53.

16. Ван Фушуйай, Ян Ян. Дуй «шаматэ» сяньсян дэ лицзе юй фаньсы (Размышления о феномене «шаматэ») // Циннянь юй шэхуэй. 2014. № 5. С. 336–337.

17. Сю Суминь. Вэньхуа чжэсюэ (Философия культуры). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1990.

18. Цяо Янь. Чуанмэй синцы «юйчжайцзю» фэньси (Анализ медийного неологизма «отаку») // Синьвэн юй чуанбо яньцзю. 2012. № 3. С. 5–6.

19. Чжан Линь. Ванло эгао сяньсян фэньси (Анализ феномена эгао в Интернете) // Циннянь юй шэхуэй. 2014. № 13. С. 338–339.

20. Чжунго явэньхуа дэ сяофэйли, «шаматэ» мэнь даоди ши гэ шэньмэ цюньти? (Основные потребители в мире китайских субкультур: кто же такие шаматэ?) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iheima.com/article-57011.html>

21. Чжунго вэйдяньин. 2017 (Китайское короткометражное кино. 2017). Пекин: Чжунго чуанмэй дасюэ чубаньшэ, 2017.

22. 139 вань жэньцы цяньцзя Чжунго гоцзи дунмань цзе (1,39 млн. человек приняли участие в Китайском международном фестивале аниме) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-05/03/c_129585203.htm

23. 2017 Вэйбо эрцыюань фачжань баогао (Доклад Sina Weibo о развитии 2D-индустрии в 2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.weibo.com/report/reportDetail?id=364>

REFERENCES

1. Baeva, L.V., 2014. Klassifikatsii i tipologii molodyozhnykh dvizhenii i subkul'tur [Classification and typology of youth movements and subcultures], *Kaspiiskii region: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 3, pp. 244–253. (in Russ.)

2. Gun, G.E., 2014. Molodezhnye subkul'tury v kontekste gorodskoi khudozhestvennoi kul'tury [Youth subcultures in the context of urban art culture], *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 3, pp. 260–268. (in Russ.)

3. Kamynina, L.V., Skorokhodov, M.V. and Saponova, N.V., 2016. Klassifikatsii i tipologii molodyozhnykh subkul'tur [Classification and typology of youth subcultures]. In: *Pokolenie budushchego: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik nauchnykh statei IV mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii: v 3 t. T. 2*. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», pp. 60–63. (in Russ.)

4. Krasnop'orov, P., 2016. Fenomen Internet-subkul'tur: filosofsko-antropologichnii analiz [The phenomenon of internet subcultures: philosophical and anthropological analysis], *Skhid*, no. 2, pp. 74–78. (in Ukrainian)

5. Leontovich, O.A., 2018. Lik sovremennogo goroda cherez prizmu mediaurbanistiki [The face of a modern city from the perspective of urban communication studies]. In: *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume – 7: materialy mezhdunar. konf.* Moskva: Izd-vo «Kantsler», pp. 27–28. (in Russ.)

6. Fischer, C.S., 1995. The subcultural theory of urbanism: a twentieth-year assessment. *American Journal of Sociology*, Vol. 101, no. 3, pp. 543–577.
7. 蔡骐, 2013. 网络虚拟社区中的小清新亚文化 [The subculture of the «little pure and fresh» style in virtual communities], *湖南师范大学社会科学学报*, no. 6, pp. 125–132. (in Chinese)
8. 蔡骐, 谢莹, 2008. 从«恶搞福娃»现象反思网络恶搞风潮 [Rethinking the Internet spoof «egao» through the case of «Pranking Fuwa»], *信息网络安全*, no. 6, pp. 50–52. (in Chinese)
9. 高丙中, 1997. 主文化、亚文化、反文化与中国文化的变迁 [Changes in the main culture, subcultures, countercultures and Chinese culture], *社会学研究*, no. 1, pp. 113–117. (in Chinese)
10. 胡疆锋, 2008. 恶搞与青年亚文化 [Egao and youth subculture], *中国青年研究*, no. 6, pp. 5–10. (in Chinese)
11. 刘黎黎, 2013. «小清新»风格的亚文化解读 [Sub-cultural understanding of Fresh and Aestheticism style], *艺术百家*, no. 1, pp. 71–73. (in Chinese)
12. 庞彦, 2011. 浅谈城市涂鸦在中国的合法性 [Talking about the legality of urban graffiti in China], *文艺生活*, no. 3, pp. 181–183. (in Chinese)
13. 彭克宏ed., 1989. 社会科学大词典 [Social science dictionary]. 北京: 中国国际广播出版社. (in Chinese)
14. 石洁, 2016. 浅析涂鸦艺术在中国的发展前景 [The prospect of graffiti art development in China], *明日风尚*, no. 6, p. 42. (in Chinese)
15. 苏禾, 2014. 被异化的杀马特 [Alienated Shamate], *看世界*, no. 2, pp. 52–53. (in Chinese)
16. 王福帅, 杨阳, 2014. 对“杀马特”现象的理解与反思 [Understanding of the «shamate» phenomenon], *青年与社会*, no. 5, pp. 336–337. (in Chinese)
17. 许苏民, 1990. 文化哲学 [Philosophy of culture]. 上海: 上海人民出版社. (in Chinese)
18. 譙燕, 2012. 传媒新词 «御宅族»分析 [The analysis of a new media word «otaku»], *新闻与传播研究*, no. 3, pp. 5–6. (in Chinese)
19. 张林, 2014. 网络恶搞现象分析 [The analysis of the egao phenomenon in the network], *青年与社会*, no. 13, pp. 338–339. (in Chinese)
20. 中国亚文化的消费主力, «杀马特»们到底是个什么群体? [The main consumers in the world of Chinese subcultures: who are the «shamate»?]. URL: <http://www.iheima.com/article-57011.html> (in Chinese)
21. 中国微电影. 2017 [Chinese microfilm. 2017]. 北京: 中国传媒大学出版社. (in Chinese)
22. 139万人次参加中国国际动漫节 [1.39 million people took part in the China International Anime Festival]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-05/03/c_129585203.htm (in Chinese)
23. 2017微博二次元发展报告 [2017 Sina Weibo 2D-industry development report]. URL: <http://data.weibo.com/report/reportDetail?id=364> (in Chinese)

УДК 94 (520)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1/33-37

А.Б. Шарова*

ОПИСАНИЕ ГОЛЛАНДИИ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ УТИДА МАСАО «ЁТИ СИРЯКУ»

На протяжении всего периода Эдо Голландия была для Японии проводником европейских знаний. И хотя с конца этой эпохи Япония стала налаживать контакты и с другими западными державами, Голландия по-прежнему продолжала играть для нее важную роль. Статья посвящена описанию Голландии в «Ёти сиряку» («Краткое описание мира»), географическом сочинении японского ученого Утида Масао (1839–1876), которое стало одним из бестселлеров в эпоху Мэйдзи.

Ключевые слова: Утида Масао, «Ёти сиряку», эпоха Мэйдзи, Голландия

The description of Holland in the geographical work «Yochi shiryaku» by Uchida Masao. ANNA B. SHAROVA (Lomonosov Moscow State University)

Throughout the Edo period, Holland was an agent of European knowledge for Japan. Even though from the end of the period Japan began to establish diplomatic contacts with other Western countries, Holland continued to play an important role for it. The article deals with the description of Holland in «Yochi shiryaku» («A brief description of world geography»), a geographical work which would become one of the best-sellers in the Meiji era, written by a Japanese scholar Uchida Masao (1839–1876).

Keywords: Uchida Masao, «Yochi shiryaku», Meiji Period, Holland

После реставрации Мэйдзи (1868–1912) Япония столкнулась с непростой задачей: необходимо было не только избежать участи превращения в колонию, но и встать в один ряд с западными державами. Просвещение в тот исторический период виделось правительству Японии одним из важнейших векторов развития, распространение образования должно было способствовать созданию базы для успешной вестернизации страны.

В эпоху Мэйдзи во многом на основе опыта западных стран создавались новые учебные заведения: на базе американских университетов был создан Сельскохозяйственный колледж в Саппоро (1876), на основе британских – Императорский инженерный колледж (1873) [7, р. 34]. Западные преподаватели и специалисты начали пользоваться большим спросом в Японии. Так, согласно данным Азиатско-тихоокеанского культурного центра ЮНЕСКО, в период с

* ШАРОВА Анна Борисовна, аспирант кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках НИР Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по теме «История и культура стран Востока: межцивилизационные контакты».

1868 по 1889 гг. на работу в самых различных областях было приглашено больше двух тысяч иностранцев [7, р. 41]. Кроме того, распространенной практикой стала отправка студентов на обучение в западные страны, хотя подобные случаи имели место уже в конце периода Эдо (1603–1868). Так, например, известно, что с 1868 по 1908 гг. только в Великобританию было отправлено на обучение 446 японских студентов [7, р. 43].

1870 г. ознаменовался составлением документа под названием «Предложение, касающееся правил обучения студентов за границей» (海外留学生規則案). В разделе «Выбор предметов, которым следует обучаться в других странах» были выделены пять стран – Великобритания, Франция, Пруссия, Голландия и Америка – каждая из которых считалась «сильной» в своей области. Так, согласно документу, в Великобритании следовало обучаться инженерному делу и коммерции, во Франции – юриспруденции и дипломатии (включая международное право), в Голландии необходимо было постигать «морское дело», строительство водных сооружений, например, дамб и т. д. [7, р. 33–34]. Неслучайно несколькими годами ранее именно в Голландии бакуфу заказало фрегат «Кайё: мару» (開陽丸)¹, который, как предполагалось, должен был стать самым большим кораблем не только в Японии, но и во всей Азии [3, р. 169].

Одним из участников миссии, отправленной в Голландию в связи со строительством фрегата «Кайё: мару», был Утида Масао (1839–1876), выходец из семьи *гокэнин*², подающий большие надежды выпускник Морского училища г. Нагасаки [8, р. 49]. Впоследствии Утида Масао стал крупным ученым-западником, переводчиком, писателем, преподавателем второй половины XIX в. Главным трудом его жизни является объемное сочинение по мировой географии «Ёти сиряку» (輿地誌略), ставшее бестселлером в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Популярность «Ёти сиряку» была настолько велика, что оно наряду с произведениями Фукудзава Юкити «Гакумон но сусумэ» (学問ノススメ, «Поддержка в обучении») и Накамура Масанао «Сайкоку риссихэн»

(西国立志編, «Европейское руководство как самому достичь успеха») вошло в число «трех [выдающихся] книг эпохи Мэйдзи» (明治の三書, *мэйдзи но сансё*) [8, р. 50].

При составлении своего географического сочинения Утида Масао опирался на несколько европейских пособий, в том числе популярный в то время голландский учебник Якоба Янсона Крамерса (1802–1869) «Справочник по географии, статистике и истории» (1850) [5]. В учебнике Крамерса страны описываются в основном по следующим критериям: местоположение, границы, размеры территории, население, земля и климат, водные ресурсы, сельское хозяйство, производство и промышленность, торговля, население, язык, религия, образование, форма правления, денежная единица, меры весов, образование, литература, искусство, основные города, колонии (если имеются). При составлении своего географического труда Утида Масао частично заимствовал у Якоба Крамерса структуру описания стран, что можно заметить, например, в случае описания японским автором Голландии. Сам Утида Масао несколько лет прожил в Голландии и хорошо знал голландский язык. Можно предположить, что эта страна была ему особенно близка.

Из двенадцати томов «Ёти сиряку» Европе в целом посвящены четыре (с 4-го по 8-й). Голландия описывается в пятом томе, наряду с Францией, Бельгией, Испанией и Португалией. Приоритетное положение занимает Англия: это единственная страна, о которой автор рассказывает в четвертом томе, сразу после того, как дает характеристику европейского региона в целом. Возможно, это свидетельствует о том, что автор хотел начать знакомство читателей с европейским регионом с наиболее сильных и просвещенных держав – с Англии и Франции, а также с исторически известных японцам стран – Голландии-Бельгии, Испании и Португалии.

Непосредственное знакомство японцев с Англией можно отнести к началу XVII в., когда под руководством английского моряка Уильяма Адамса в Японии был построен первый корабль европейского образца. Заключение договора между Англией и Японией в 1854 г. привело к тому, что к 1868 г. 80% внешней торговли страны было связано с Великобританией.

Дипломатические отношения между Японией и Францией активно развивались с конца периода Эдо. Так, перед началом эпохи Мэйдзи в Японии открылась французская школа, французские специалисты обучали более 200 япон-

¹ Существует современное парусное судно с таким же названием, которое, возможно, было дано в память об известном предшественнике. В июле 2018 г. «Кайё: мару» посетило порт г. Владивостока в рамках проведения Года Японии в России [2].

² *Гокэнин* – служилые дворяне, являвшиеся непосредственными наследственными вассалами сёгун-нов в средневековье и новое время.

цев западным технологиям строительства, французы строили судостроительные верфи в Йокосука и Йокогама. Кроме того, имеются сведения, что к концу периода Эдо среди всех иностранцев, проживавших на территории Японии, больше всего было именно французов [4, р. 26].

Тот факт, что Голландия описывается среди первых пяти-шести европейских стран, может свидетельствовать о ее значимости для японцев, ведь именно Голландия в эпоху Эдо являлась для Японии проводником европейских знаний.

Раздел, посвященный Голландии, занимает сравнительно небольшой объем: с 42-го по 62-й развороты. При этом непосредственно Голландии отведено 8 разворотов (нумерация имеется только на одной странице разворота), оставшиеся 6 посвящены описанию Бельгии и «Истории двух стран: Голландии и Бельгии». Подобная структура описания страны характерна в целом для «Ёти сиряку»: сначала автор знакомит читателя с самой страной, а потом представляет небольшой исторический экскурс [1].

Рассказ о Голландии автор начинает с анализа названия страны и ее отношений с Бельгией. «Первоначально страна называлась «Нидерланды», что означает «Нижние земли», однако поскольку провинция «Голландия» занимает большую часть страны, в обиход вошло название «Голландия», точно так же, как и Великобритании все еще называют Англией. <...> В былые времена эта страна была единой с Бельгией, свыше двухсот лет назад у них было общее правление, и по прошествии времени они превратились в сильное и процветающее европейское государство. Однако в последнее время Бельгия получила независимость, снова стала маленькой страной, хотя все еще имеет много заморских земель <...> правление монарха и народа [в ней] сейчас достигло своего абсолютного расцвета, [она] обрела свободу граждан, и ее можно назвать самой счастливой страной» [9, р. 42].

Далее автор снова возвращается к Голландии, сообщая, с какими странами она граничит и из каких провинций состоит, описывая ее площадь и население. Говоря о рельефе, автор отмечает: «...Земля ровная, и, хотя от центра страны на северо-восток идут холмы, но горами их назвать нельзя, хоть и есть немного мелких кустарников и густых лесов, но и они редки. Рек много <...> среди них крупные реки, текущие на северо-запад и впадающие в море, – Рейн, Маас и другие. Реки и каналы пересекают города и деревни, для транспортировки товаров это более удобно». Вместе с тем изрезанность

территории страны реками и каналами создает и свои проблемы: необходимо строить плотины, что в свою очередь «требует много средств и является бременем для населения». Про самих же голландцев, давая им весьма лестную характеристику, автор впоследствии замечает, что они «простые и добродушные, в работе стойкие, могут примирить людей грубых и буйных» [9, р. 42–46].

Помимо учебника Крамерса, Утида Масао также обращался к книге Дж. Голдсмита³ «Введение в географию, для использования в школах» (первое издание – 1824 г., второе дополненное издание – 1843 г.) [6]. Пособие представляет собой простой в использовании справочник, в котором по пунктам даются лишь самые основные сведения о каждой стране. Тем не менее в разделе о Голландии можно встретить оценку, которую автор дает жителям этой страны: «...Они [голландцы] знамениты своей бережливостью, трудолюбием и чистоплотностью (опрятностью)» [6, р. 14].

Среди основных занятий населения выделяются сельское хозяйство, животноводство, промышленность и торговля: «...Экспортируется значительное количество скота <...>, много кофе производится в Голландской Ост-Индии и продается в другие страны, и в очень больших объемах вылавливается сельдь». <...> Все производство находится в южной части Голландии, где наряду с Амстердамом и Роттердамом располагаются заводы с паровыми машинами по производству сахара. Кроме того, в Амстердаме находятся лучшие в Европе предприятия по огранке бриллиантов». Неподдалеку от Роттердама производят крепкий алкоголь [9, р. 46].

Описание формирует образ Голландии как сильной морской державы: автор несколько раз говорит о мощном флоте, подсчитывает количество больших и малых судов: «Согласно подсчетам, 5–6 лет назад число торговых кораблей составило 1976» [9, р. 45]. Корабельное дело, по свидетельствам автора, особенно процветает в Южной Голландии; верфи расположены в Амстердаме, военно-морской флот базируется в Шлиссенгене, основная его задача – охранять заморские территории. И Роттердам, и Амстердам предстают перед читателем как города с пришвартованными в ряд торговыми судами.

У читателя также складывается образ Голландии как страны с достаточно высоким уровнем образования: «...Широко распространена культура, младшие, средние, старшие школы учреж-

³ Псевдоним сэра Ричарда Филипса (1767–1840).

дены не только в городах, но и в деревнях, в среднем по стране 1/8 населения посещает школы, а плата за обучение ничтожно мала». Кроме того, автор указывает на наличие в Голландии университетов, большого количества специализированных училищ и учреждений культуры в самых разных городах: «Университет находится в Лейдене. В Гронингене и Утрехте имеются музеи, библиотеки, обсерватории, больницы, ботанические сады, и процветают университеты. Военная школа находится в городе Бреда. Ремесленное училище – в Делфте. Большое количество медицинских, торгово-морских школ, но еще больше естественно-научных обществ. Кроме того, в Амстердаме, Роттердаме, Гронингене и других городах существуют школы, где обучают глухих, немых и инвалидов. Культура и образование процветают. В каждом центре имеются больницы, дома призрения и т. д.» [9, р. 45–48].

Утида Масао довольно подробно рассказывает о трех наиболее известных голландских центрах – Амстердаме, Роттердаме и Гааге. Амстердам описывается как город торговых кораблей и каналов, через которые переброшено более двухсот мостов. Изначально он был небольшой деревушкой, однако со временем стал «первым городом страны». В Амстердаме более 60 соборов, имеются библиотеки, зоопарк. В качестве основной достопримечательности Утида Масао выделяет Королевский дворец, который до начала XIX в. служил ратушей. Автора явно завораживает роскошь интерьеров, статуи, мрамор на стенах, карта полушарий на полу, а также особенности конструкции здания (указывается, что в основании дворца заложено 13 660 деревянных свай).

Согласно описанию Утида Масао, Роттердам также является процветающим центром торговли и считается вторым городов в стране после Амстердама. В городе имеется большое количество новых и красивых зданий и мостов, а также якорная стоянка для крупных торговых судов.

В Гааге «проживают министры всех стран» (вероятно, речь идет о посольствах), автор восхищается прекрасной архитектурой, большим количеством скульптуры, и в целом называет Гаагу самым красивым городом страны. Стоит отметить, что Утида Масао учился именно в Гааге, поэтому можно предположить, что он хорошо знал этот город и успел его полюбить. Автор отмечает, что в музеях собраны коллекции масляной живописи выдающихся художников, таких как Поттер и Рембрандт. Более того, по словам Утида Масао, картины Поттера «Моло-

дой бык» (1647) и Рембрандта «Уроки анатомии доктора Тюльпа» (1623) даже претендуют на звание лучших художественных полотен Европы. Автор «Ёти сиряку» проявлял большой интерес к европейской масляной живописи. Более того, известно, что во время пребывания в Европе он приобрел ряд картин, которые впоследствии не раз экспонировались на выставках в Японии.

Завершается рассказ о Голландии перечислением ее заморских территорий: Голландская Ост-Индия, Суринам в Южной Америке, небольшая часть Южной Гвинеи. Со слов Утида Масао, в отличие от Суринама Голландская Ост-Индия приносит стране большую выгоду [9, р. 46-49], правда, какую именно – не указано.

В «Ёти сиряку» довольно много иллюстраций различного формата (376 шт. без учета карт). Считается, что в качестве иллюстраций автор использовал изображения из французского географического журнала «Вокруг света», а также фотографии, собранные во время пребывания в Европе. Кроме того, вполне возможно, что какие-то изображения были им взяты из популярной в то время английской газеты «Иллюстрированные лондонские новости» («Illustrated London News») [8, р. 51–52].

Несмотря на сравнительно большое количество иллюстраций в «Ёти сиряку» в целом, в разделе, посвященном Голландии, их всего три. Одна из них – подробная карта страны (общая для Голландии и Бельгии). На двух других изображены дамба в г. Амстердам (на заднем фоне виднеется Королевский дворец) и канал г. Гаага (с панорамным видом на город). Хотя на обеих иллюстрациях и присутствуют люди, однако нарисованы они мелко и явно имеют второстепенное значение. В отличие от них здания прорисованы довольно четко, а Королевский дворец и вовсе легко узнаваем (то же самое можно сказать и о Соборе Антверпенской Богородицы в разделе, посвященном Бельгии). Это подтверждает тезис японской исследовательницы Масуно Кэйко, согласно которому на иллюстрациях, посвященных европейским странам, изображены в первую очередь не портреты людей или обычаи данного региона (как, например, в случае с Китаем и другими странами Азии), а строения (музеи, памятники, мосты, соборы) или же панорамы городов. Так как Европа представлялась автору наиболее просвещенной и передовой частью мира, то и в качестве иллюстраций к описанию этого региона он выбирал в основном монументальные сооружения [8, р. 58].

Представив географическо-этнографическое описание, Утида Масао переходит к рассказу об

общей истории двух стран – Голландии и Бельгии. Начинает автор издавека, с завоевания Гая Юлия Цезаря, и завершает событиями 1839 г. (Лондонский договор о независимости Бельгии). Любопытен тот факт, что в историческом разделе отсутствуют упоминания о давних контактах Голландии и Японии.

В «Ёти сиряку» описание Голландии занимает не очень значительную часть повествования, тем не менее складывается довольно четкий образ этой страны. В описании Утидо Масао Голландия предстает как страна с развитым сельским хозяйством, мощная морская и колониальная держава, отличающаяся высоким уровнем образования и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шарова А.Б. Утида Масао. Возвращение имени // Вестник Московского университета. Сер. «Востоковедение». 2018. № 2. С. 87–100.
2. Заход учебного судна «Кайомару» в порт Владивостока // Посольство Японии в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/japan2018/ru/event/jr7012-ru.html>
3. Araki, S., 1985. Ruins on the ocean floor (Salvaging the Kaiyo Maru) In: Mitchell, C.T. ed., 1985. Diving for Science: Proceedings of the Joint American Academy of Underwater Sciences and Confederation Mondiale des Activites Subaquatiques Annual Scientific Diving Symposium, 31 October – 3 November 1985, La Jolla, California, USA, pp. 169–176.
4. Duke, B.C., 2009. The history of modern Japanese education: constructing the national school system, 1872–1890. New Brunswick: Rutgers University Press.
5. Kramers, J., 1850. Geographisch-statistisch-historisch handboek, of Beschrijving van het wetenswaardigste uit de natuur en geschiedenis der aarde en harer bewoners. Gouda: G.B. Van Goor.
6. Phillips, R., 1843. Goldsmith's grammar of geography, for the use of schools. London.
7. Shoji Katoh, 2012. Education and academic interaction between Japan and Great Britain. Annual research report of the Course for Teaching Profession Aichi University, no. 2, pp. 33–53.
8. Масуно Кэйко. Миэру миндзоку, миэнай миндзоку. «Ёти сиряку» но сэкайкан (Видимые нации, невидимые нации. Мироззрение «Ёти сиряку») // Ханга то сясин дзюкю:сэйки ко:хан дэкигото то имэ:дзи со:сюцуи. Йокогама, 2006. С. 47–59.
9. Утида Масао. Ёти сиряку (Краткие записи о земле). Т. 5. Монбусё, 1877.

REFERENCES

1. Sharova, A.B., 2018. Uchida Masao. Vozvrashchenie imeni [Uchida Masao. Returning the name], Vestnik Moskovskogo Universiteta, Ser. Vostokovedenie, no. 2, pp. 87–100. (in Russ.)
2. Zakhod uchebnogo sudna «Kayomaru» v port Vladivostoka [«Kayomaru» training ship visits the port of Vladivostok]. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/japan2018/ru/event/jr7012-ru.html> (in Russ.)
3. Araki, S., 1985. Ruins on the ocean floor (Salvaging the Kaiyo Maru) In: Mitchell, C.T. ed., 1985. Diving for Science: Proceedings of the Joint American Academy of Underwater Sciences and Confederation Mondiale des Activites Subaquatiques Annual Scientific Diving Symposium, 31 October – 3 November 1985, La Jolla, California, USA, pp. 169–176.
4. Duke, B.C., 2009. The history of modern Japanese education: constructing the national school system, 1872–1890. New Brunswick: Rutgers University Press.
5. Kramers, J., 1850. Geographisch-statistisch-historisch handboek, of Beschrijving van het wetenswaardigste uit de natuur en geschiedenis der aarde en harer bewoners [Geographic-statistical-historical handbook, or Description of the most interesting things from nature and history of the Earth and its inhabitants]. Gouda: G.B. Van Goor. (in Dutch)
6. Phillips, R., 1843. Goldsmith's grammar of geography, for the use of schools. London.
7. Shoji Katoh, 2012. Education and academic interaction between Japan and Great Britain. Annual research report of the Course for Teaching Profession Aichi University, no. 2, pp. 33–53.
8. 増野恵子, 2006. 見える民族、見えない民族. 「輿地誌略」の世界観 [Visible nations, invisible nations. World-view of Yochi Shirayaku]. In: 版画と写真 – 19世紀後半 出来事とイメージの創出. 横浜市pp. 47–59. (in Japanese)
9. 内田正雄, 1877. 輿地誌略 [A brief description of world geography]. 卷5. 文部省. (in Japanese)

В.А. Матвеевко*

ТОЛКОВАНИЕ ИМЕН:
«БЭММЭЙ» КАК ПРИМЕР ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ
КАТЕГОРИЙ КОНФУЦИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ФИЛОСОФИИ ОГЮ СОРАЯ**

В статье предлагается обзор основных положений «Толкования имен» – философского словаря Огю Сорая, представителя японского конфуцианства эпохи Эдо. Автор приводит краткий обзор философских установок Огю Сорая, который считал, что философская терминология является не столько основанием для решения философских проблем, сколько фундаментом, на котором держится управление государством и гармонизация общества. Таким образом, «Бэммэй» в буквальном смысле может рассматриваться как инструмент для легитимации и усиления политического авторитета правящей элиты Эдо. В качестве примера переосмысления Огю Сораям категорий конфуцианской культуры приводится анализ его видения таких категорий, как «Путь», «человечность», «ритуал», «правила», «верность» и «доверительность».

Ключевые слова: японская философия, конфуцианство, Огю Сорай, Бэммэй, дао, человечность, ритуал

Distinguishing names: Benmei as Confucian terminology reconstruction in Ogyū Sorai's thought. VALENTIN A. MATVEENKO (Far Eastern Federal University)

The article offers an overview of the main ideas of Ogyū Sorai's Benmei, a philosophical dictionary of Tokugawa Confucian thought. Ogyū Sorai believed that philosophical terminology is not so much the basis for solving philosophical problems, but rather the foundation on which governing and harmonization of society rests. Thus, Benmei can literally be considered as a tool to legitimize and strengthen the political authority of the Tokugawa ruling elite. As an example of Ogyū Sorai's reconceptualization of Confucian terminology the author analyzes his vision of such categories as «way», «humaneness», «rites», «ritual principles», «loyalty» and «trustworthiness».

Keywords: Japanese philosophy, Confucianism, Ogyū Sorai, Benmei, tao, humaneness, ritual

Конфуцианство эпохи Эдо (1603–1868) сосредоточилось на идеях изначальности языка, смысла и истины, которые развивались в противовес буддийским убеждениям об отсутствии у

обыденного языка изначального смысла и способности выражать истину, так как, по убеждению буддистов, по сути своей слова пусты, иначе же они становятся источником ошибок.

* МАТВЕЕНКО Валентин Александрович, ассистент Департамент философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: matveenko_va@dvfu.ru

© Матвеевко В.А., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01094.

Это противоречило пониманию языка представителями японского конфуцианства, которые рассматривали его как посредника смысла, что, однако, вполне соответствует привычному для японцев синтоистскому отношению к слову как к способу раскрытия истины вещей (на что сами конфуцианцы преимущественно закрывали глаза в своей полемике с синтоизмом). Более того, в верном употреблении слов и сокрытой в них истины виделась как минимум основа самопознания, а как максимум – основа управления государством.

В этом свете особенный интерес для нас представляет Школа древней учености (古學派, яп. *Когакуха*, кит. *Гусюэпай*), в центре внимания которой находилось толкование классических китайских текстов. Представители этой школы, в особенности Ито Дзинсай (1627–1705) и Огю Сорай (1666–1728) разрабатывали своего рода философские словари. Их идея заключалась в том, что путем анализа языка возможно обнаружить решения целого ряда традиционных для конфуцианства философских проблем, в частности – найти основу для обоснования правильного социального порядка.

Среди этих работ наибольший интерес для нас представляют труды именно Огю Сорая, который в возрасте пятидесяти лет, по словам Я.Б. Радуль-Затуловского, отвернулся от неоконфуцианства, которое он до этого ревностно проповедовал, поскольку посчитал его несостоятельным во всех отношениях [5, с. 355]. Пафос Сорая состоял в стремлении, так сказать, «назад к Конфуцию», исконное учение которого не шло против воли Неба и было свободно от всякого рода философских спекуляций [5, с. 355]. Один из крупнейших философов Японии первой половины XX в. Иноуэ Тэцудзиро (1855–1944) даже называл Сорая «освободителем японцев от рабства Чжу Си» [6]. Конечно же, отношения Сорая с неоконфуцианством в действительности были несколько сложнее. Сорай ни в коем случае не стремился искоренить чжусианство, но, скорее, пытался реформировать его путем радикального переосмысления ключевых философских категорий, так как «сунская интерпретация классиков искажает их суть и усвоение истинного учения Конфуция требует изучения самого канона, а не позднейших наслоений в виде ошибочных его толкований» [1, с. 284].

Несмотря на то, что в подобных философских тенденциях можно усмотреть черты анахронизации, несомненным элементом новизны или современности в философии Сорая

можно считать ориентир на семантическую однозначность и на концептуальный анализ философских категорий, экспликация которого и представляет собой цель данной работы.

В этом ключе нам интересен труд Огю Сорая «Толкование имен» (辨名, яп. *бэмэй*, кит. *бянь мин*), законченный в 1717 г. и опубликованные его учениками в 1737 г. Для нас важно, что данная работа представляет собой тщательный и систематический анализ значений философских категорий конфуцианства. Сорай считал, что классические философские проблемы могут быть разрешены с помощью кропотливой работы с тем, что в терминологии китайской философской традиции называлось «именами» (名, кит. *мин*, яп. *мэй*), т. е. с философскими категориями, с их этимологией, словоупотреблением и семантикой¹. Однако, что немало важно, для него язык был не столько методом философствования и решения философских проблем, сколько основанием, на котором держится управление государством и гармонизация общества.

Конечно же, такой подход к языку не нов для мировой философии: большинство философов от Платона и Аристотеля до Хайдеггера и Витгенштейна обращались в своих трудах к проблематике понимания смысла языка. Однако важно то, что в нашем случае набор категорий, исследуемый Сораем в «Бэмэй», является не чем иным, как общей парадигмой конфуцианской картины мира, семантика которой благодаря своему концептуальному лексико-ориентированному фундаменту может поддаться определению.

Такой акцент на философскую экспликацию имен уходит к самым истокам конфуцианства, а именно к «Лунь юю», где мы в беседах учителя и учеников можем наблюдать рождение категорий, которые в будущем станут терминологическим базисом конфуцианства. Сорай ясно давал понять, что именно мудрецы древности и Конфуций обладали властью над всеми «именами», а значит и властью над созданием политических и этических категорий. Свободно читавший и писавший на древнекитайском языке, Сорай настаивал на необходимости изучения китайской классики, чтобы понимать истоки взглядов мудрецов, что отразилось и на его отношении к языку этой традиции: китайский язык в его видении имел не только звуковую форму, но и смысловое содержание, в то время как японский язык нес в себе лишь звуковую

¹ Подробнее об этом см.: [3].

форму без какого-либо смысла. Сорай считал, что философский язык китайской древности является единственным ключом к пониманию небесного пути (天道, яп. *тэндо*, кит. *тяньдао*). В своем труде «Бэмэй» он уделяет особое внимание необходимости работы с терминологией, используемой в древности, постулируя эту мысль в самом начале: «С появлением в мире человека появились вещи, появились имена. Изначально имена были озвучены обычными людьми для вещей, которые имеют форму. Для того же, у чего нет формы, видимой простым людям, мудрецы дали объяснения и имена, благодаря чему все смогли их видеть и понимать. Это и называется учением именами» [8, гл. 辨名上].

Предлагаемый Сораем анализ всего набора этих категорий позволяет рассматривать «Бэмэй» как *дзиги* (字義, кит. *цзыи*) – философский словарь своего времени, специфический жанр философской литературы, который появляется в эпоху Эдо. Дж. Такер отмечает, что «Бэмэй» – это по большей части своеобразное критическое переосмысление неоконфуцианской терминологии, понимаемой в свете написанных Чэнь Бэйси (1159–1223) «Значений неоконфуцианских терминов» (性理字義, кит. *синли цзыи*,) [20, р. 6]. Важно отметить, что такие словари были не столько семантически единым жанром философской литературы, сколько попытками прояснить значение конфуцианских категорий, причем в случае с «Бэмэй» целью был даже не конфуцианский дискурс, а дискурс легендарных «мудрецов древности», которым приписывались открытия главных моральных принципов, зафиксированных в чжоуском ритуале.

Таким образом, Огу Сорай является первым мыслителем токугавской Японии, который реставрировал идею ведущей роли мудрецов древности (成人, яп. *сэйдзин*, кит. *чэнжэнь*) и их роли в организации социального порядка, что в определенной мере противоречило неоконфуцианскому взгляду на мир как на изначально гармоничную систему, подвластную лишь системе принципов-ли (理, яп. *ри*). Неоконфуцианцы, конечно же, понимали значимость мудрецов, но представляли их в первую очередь в мифологическом и фольклорном смысле, как героев, принесших культуру в человеческое общество, но не организовавших его.

Генерализируя, мы можем утверждать, что «Бэмэй» в буквальном смысле задумывался как инструмент для легитимации господства с

помощью семантических структур, раскрываемых Сораем и ориентированных на усиление политического авторитета правящей элиты. В этом аспекте «Бэмэй» восходит к «Лунью», где Конфуций утверждает, что для осуществления должного правления, все имена должны быть верно истолкованы. Вот этот пассаж (13.3): «Цзы Лу спросил: «Вэйский князь ждет Вас, Учитель, для осуществления правления. С чего Вы, Учитель предполагаете начать?» Учитель сказал: «[В первую очередь] совершенно необходимо исправить понятия!». Цзы Лу воскликнул: «Даже так! Учитель предлагает идти долгим кружным путем! Зачем это их исправлять?» Учитель сказал: «Какой же ты дикарь, Ю! Благородный человек, если чего-то не понимает, лучше скроет этот пробел. Если понятия неверны, то и речи не соответствуют [делам]. Если речи не соответствуют [делам], то и дела невозможно осуществить, если дела невозможно осуществить, то ритуал и музыка не будут проводиться, если ритуал и музыка не будут проводиться, то и наказания со штрафами будут неумеренны, если наказания и штрафы будут неумеренны, то народ не будет иметь возможности приложить куда-либо свои усилия. Поэтому то, что необходимо благородному человеку – это слова, а то, что необходимо словам – поступки. В словах благородного человека нет места небрежности, и все тут»².

В этом фрагменте очевидна воспринятая Бэйси, Сораем и Дзинсаем идея о том, что для Конфуция исток правильного правления лежит в плоскости исправления имен и прояснения их значения³. Для этих философов языка работа с

² Здесь и далее «Лунь юй» приводится в переводе А.Л. Сергеева и Д.В. Конончука.

³ Это известный пассаж, где появляется концепция исправления имен (正名, кит. чжэнмин). Однако мы должны отметить неоднозначную интерпретацию этих слов Конфуция. А. Уоли отмечает, что этот пассаж мог быть дописан позднее, т. к. во времена Конфуция не наблюдалось никакого «кризиса языка» [21, р. 22] и, как мы можем видеть, само слово имя (名) встречается в «Лунь юе» редко и в контекстах, связанных с репутацией. Следуя этой мысли, Х. Крил [13] предполагает, что данный пассаж был написан под влиянием легизма. В то же время Б. Шварц утверждает, что такой акцент на роли языка вполне согласуется со всем, сказанным в «Лунь юе» [19, р. 91], а Ч. Хансен [15, р. 181], Д. Холл и Р. Эймс [14, р. 270] единогласно утверждают, что именно в «исправлении имен» и кроется основа политического порядка. Тем не менее, мы должны заметить, что, хоть Конфуций и исправлял имена, объясняя, кто такой, например, благородный муж, однозначно

семантикой основных философских категорий представлялась не просто филологическими изысканиями и уж тем более не попыткой лексикографии, но условием возможности описания верного социального порядка, и тем самым делала их участниками политического процесса, так как создавала теоретическую базу для политического действия.

Это объясняет не столько общественную, сколько политическую ориентированность «Бэмэй», так как он был адресован не широкой аудитории, а, подобно другим трудам Сорая, представителям правящей элиты и создавал своеобразный идеал авторитарной утопии, наставляя о путях верного правления [20, р. 8].

«Мэн-цзы говорил только лишь, что человечность и должное берут свое начало в человеческой природе, и поэтому мы можем в общем говорить о ней как о доброй. Как сунские конфуцианцы могли полагать, что обычные люди не отличаются от мудрейших? Результатом этого стало убеждение в том, что Путь скорее свойственен всем людям, а не мудрейшим. В конце концов они полагали ритуал, музыку, наказания и правление не более, чем осадком Пути. Но что более вопиюще, они не осознавали, что Путь не подразумевает ни упрощений, ни изоциренности» [8, гл. 仁四則]. Здесь мы можем артикулировать своеобразный разрыв с конфуцианской традицией, направленной на «доступность» познания Пути с помощью учения и соблюдения этических идеалов, которые в интерпретации Сорая становились скорее «субпродуктами» политического процесса, а не его основой. В его учении люди должны просто-напросто следовать пути древних мудрецов, лучше которого в мире не было и нет. Сорай предлагает не учиться достигать этических идеалов путем чтения или обсуждения, а обретать их путем молчаливого следования правилам – ритуалам, музыке, законам и дисциплине. Именно это, по его мнению, могло обнаружить в человеке данные идеалы⁴. В этом Сорай однозначно противопостав-

нельзя сказать, что он вкладывал в эти слова то, что может быть истолковано как прямое руководство к политическому действию. В этом смысле мы солидарны с Н. Пэймин в том, что Конфуций говорил об исправлении имен в более широком контексте всех форм человеческих отношений [17, р. 302].

⁴ В данном ключе важно отметить, что, на наш взгляд, Сорая ни в коем случае нельзя обвинять в следовании легизму, так как последний не стремился инкорпорировать конфуцианскую этику в методы правления. В то время как Сорай никогда не отступал от конфуцианского убеждения в том, что госу-

ляет себя неоконфуцианству, декларирующему общедоступность мудрости через чтение книг и работу над собой.

Выражаясь словами Маруяма Масао, мы можем сказать, что благодаря четкому разграничению естественного и искусственного, этического и политического, общественного и частного, Огю Сорай был ключевой фигурой в формировании японского политического сознания Нового времени [16, р. 102–111].

В качестве примера переосмысления Огю Сораям категорий конфуцианской философии мы выбрали для анализа следующие главы «Бэмэй»: 1) Двенадцать положений о Пути (道, кит. *дао*); 3) Четыре положения о человечности (仁, кит. *жэнь*); 6) Три положения о ритуале 禮 (кит. *ли*); 7) Восемь положений о правилах (義, кит. *и*); 9) Три положения о верности (忠, кит. *чжун*) и доверительности (信, кит. *синь*). Наш выбор основывается на том, что вышеупомянутые категории играют принципиально важную роль для всего конфуцианского тезауруса в целом.

Путь (道)

Как и Чэнь Бэйси, Огю Сорай рассматривает Путь как первостепенную категорию, достойную особого внимания. Однако, в отличие от Бэйси, он ставит Путь на ступень выше и начинает «Бэмэй» с описания именно этой категории, в то время как Бэйси открывает свой труд значением человеческой природы (性, *син*)⁵.

Сорай рассматривать Путь как основное и наиболее всеобъемлющее понятие во всем тексте. Отдавая дань уважения древности, Сорай сразу же подчеркивает, что Путь был впервые претворен в жизнь правителями прошлого и включает в себя ритуал, музыку, наказания и способ правления: «Путь – это всеобъемлющее имя, означающее то, чему должно следовать. Раз мудрые правители древности сотворили это имя, а последующие поколения претворяли его, следуя их наставлениям, нам тоже должно руководствоваться им в наших деяниях. Будучи сопоставимым с тропой, которой путник следу-

дарство должно демонстрировать собой человечность [20, р. 14]. Подход Сорая был исключительно утилитарен: он старался вернуться к пути мудрецов древности не из любви к прошлому, а из стремления интегрировать его в реальность для достижения человечности и согласия в правлении.

⁵ Это связано с тем, что Бэйси хотел описать используемые им категории в контексте человеческой жизни, в то время как Сорая этот контекст не интересовал [20, р. 21].

ет в дороге, [Дао] именуется «Путем». От того, что Путь внимает в себя сыновнюю почтительность, братскую любовь, человечность, ритуал, должное, музыку, наказания и правление, он может быть назван всеобъемлющим именем» [8, гл. 道十有二則].

Сорай не согласен с идеей о том, что Путь – это то, что относится к людям в отрыве от политической традиции, частью которой они являются. Вместо размышлений о Пути людям следует просто-напросто следовать Пути, который указывает правитель, и тогда они обретут мир и благополучие. Такой взгляд на сущность связи Пути и правления уже с первых строк демонстрирует нам политическую направленность его философской системы и в то же время обнажает его политический утопизм, о котором мы говорили выше.

Таким образом, Путь – это своеобразная система политических взглядов, провозглашенная правящей элитой, следование нормам которых позволяет человечности претворить в жизнь добродетели, присущие правителю и государству. Тем самым, уповая на авторитет царствовавших в древности мудрых правителей, Сорай продолжает древнюю традицию их сакрализации, встраивая в эту систему понятий основателей конфуцианской традиции: «Цари древности были мудрейшими. Поэтому в некоторых чжанах [Дао] это Путь древних царей⁶, а в других – это Путь мудрейших⁷. Благородные мужи высоко чтят следование Пути, поэтому в некоторых чжанах [Дао] это Путь благородных мужей⁸. Учитель Кун передал [этот Путь] и его ученики берегли [его]. Поэтому Путь известен как Путь Кун-цзы или конфуцианский путь. Как бы то ни было, это суть одно» [8, гл. 道十有二則].

В то же время мы должны указать на гуманный (человечный) характер предлагаемого им

⁶ Ср.: «Лунь юй», 1.12: «Ю-цзы сказал: “[Когда] соблюдают ритуал, гармония будет в почете. [Установленная] древними царями Правда этим была превосходна, и большие, и малые исходили из нее. Если кто-то не следовал [Правде], то приобщаясь к гармонии, [сам] становился гармоничным. Не формируя себя посредством ритуала, также невозможно следовать [и Правде]”».

⁷ Ср.: «Мэн-цзы» [7, р. 306–309] и «Чжун юн» [10, р. 143].

⁸ Ср.: «Лунь юй», 5.16: «Учитель обратился к Цзы Чаню: “Благородный человек руководствуется четырьмя правилами: в поступках он осмотрителен, в делах почтителен, в воспитании народа милостив, в принуждении народа соответствует должному”».

политического видения, так как оно однозначно дает понять, что Путь был создан мудрецами для привнесения в государство мира и благополучия: «Никакая из добродетелей царей древности не сравнима в своем величии с человечностью⁹. Все конфуцианские учения полагают человечность как основу. Поэтому цари древности учили, чтобы люди любили, растили, поддерживали и совершенствовали друг друга. Поэтому цари древности учили, чтобы люди трудились вместе и выполняли указания сообща. Они претворяли путь так, что царство и потомки могли следовать ему в своих деяниях и полностью приводить к жизни свою природу. Поскольку таково было их стремление, как они могли желать, чтобы все люди стали мудрейшими? Более того, как бы они могли помыслить, что все люди смогут объять Путь? С чего бы им принуждать людей постичь и претворять то, что для обычного человека так сложно постичь и претворить? Замысел царей древности был прост – умиротворить людей. Последователи должны принимать это во внимание!» [8, гл. 道十有二則].

Об утопизме его системы свидетельствует то обстоятельство, что в неоконфуцианской традиции жестокий правитель понимается¹⁰ как тот, кто сошел с Пути, и более не может быть легитимным правителем, пока тирания не будет искоренена. Сорай же в «Бэмэй» отмечает, что правитель ни при каких обстоятельствах не может стать «отступником», а правление не может быть признано нелегитимным. Причины такого подхода вполне очевидны: народ не понимает Пути, он просто-напросто не в праве выносить суждения о легитимности того или иного правления или об ее отсутствии.

Однако нельзя оставить без внимания убежденность Сорая в том, что Путь – это то, чему людям должно следовать, а не пытаться обновить или даже понять. Философ настаивает на принципиальной непознаваемости Пути обычным человеком, ибо сущность его открыта только правителю: «Путь царей древности неуловим и отдален. Он – нечто, что обычному

⁹ Сорай использует категорию человечности применительно к царям древности в анахроническом порядке, так как употребление иероглифа «仁» в доконфуцианских текстах сводится к случайности. Об этом см. подробнее: [2].

¹⁰ Такое понимание возможно за счет эпистемологической несокрытости Пути для обычных людей, которые могут руководствоваться им как основанием для суждений о легитимности правления.

человеку не дано объять. Потому Учитель Кун и сказал: “Народ можно побудить поступать так. Но нельзя побудить осознать [, почему ему следует так поступать]”¹¹. <...> Учитель Кун осознавал трудность постижения Пути. Он заметил: “Моя истина пронизана одним”¹², однако так и не сказал, чем. Это невыразимо. От того, что Путь невыразим, цари древности привнесли слова и указания, чтобы люди могли сберечь его» [8, гл. 道十有二則].

Неоконфуцианцы предлагали множество вариантов интерпретации Пути, но вне зависимости от этого выделяли одно его свойство, которое не вызывало ни у кого разногласий – его общедоступность, общечеловеческую направленность. Более того, они отмечали в нем этическую составляющую, что позволяло понимать Дао как «моральный путь». Тем самым Путь мыслился как нечто в своем потенциале познаваемое благодаря следованию его рациональным и этическим нормам, соотношенными с человеческой природой. Таким образом, политизированное понимание Пути Сораям ярко контрастирует с неоконфуцианским подходом.

Несмотря на это, взгляд Сорая имел много общего с неоконфуцианским пониманием Пути у Чэнь Бэйси¹³ или Хаяси Радзана и Ито Дзинсая. Все они описывали Дао в терминах «пути» или «тропы», которым следуют люди. Разница заключалась лишь в том, что Сорай не считал этот путь «этическим выбором» отдельного человека, отдавая предпочтение «наставлению» правителя, равно как и игнорировал возможность понимания пути через учение, предавая значение исключительно практическому научению через подчинение.

Человечность (仁)

Известно, что Конфуций в «Лунь юе» не дал человечности строгого определения, предпочитая описывать ее примерами такого отношения к людям, какого каждый бы желал к самому себе. В результате человечность стала моральным законом и этическим идеалом в человеческих отношениях.

Конфуций был первым, кто предложил сам концепт человечности [2]. И хотя он, как и последующие конфуцианцы, считал эту добродетель необходимой для правителя, следует отметить, что он никогда не утверждал, что смысл человечности когда-либо был изложен прави-

телями древности (на что регулярно указывает Сорай).

И классические конфуцианцы, и неоконфуцианцы в целом едины во взгляде на человечность как на то, к чему нужно стремиться, чтобы стать личностью в этическом плане. Однако очень характерно, что Сорай настаивает на том, что человечность – первостепенная добродетель именно правителя, а не обычных людей.

В отличие от Бэйси, который в своем словаре рассматривает человечность как добродетель, свойственную всем людям, а не только правителям [20, р. 23], Сорай утверждает, что человечность была выражена мудрыми царями древности в качестве высшей добродетели Пути, которая присуща исключительно правителю и обуславливает наличие у людей, подчиненных такому правителю, мира и благополучия: «Человечность есть добродетель, обеспечивающая процветание каждому и мир и благополучие для всех людей. Это величайшая добродетель мудрейших. Величайшая добродетель неба и земли, по образцу которой мудрейшие становились самими собой. Потому человечность и известна как добродетель, благоприятствующая совершенствованию. Мудрейшие были правителями Поднебесной в древности. Оттого для правителя нет более чтимой им добродетели, чем человечность. То же сказано и в комментариях [“Да сюэ”]: “Чтобы быть правителем, нужно придерживаться человечности”. Невозможно прийти к мудрости через учение. Тем не менее, правители, познавшие Путь, чтобы совершенствовать свои добродетели, отдавали должное человечности как важнейшей из всех. Конфуций спросил: “Если благородный муж отстает от добродетели, как ему обрести [доброе] имя?”¹⁴. Тем самым для Конфуция человечность – это качество, по которому узнают правителя. Потому конфуцианство требует от правителя полагаться на человечность¹⁵. Это значит, что их разум всегда должен придерживаться человечности мудрейших. Человечность – это великая добродетель мудрейших, которую правитель должен объявить своей добродетелью» [8, гл. 仁四則].

В отличие от многих конфуцианцев Сорай придает большое значение тому, что Конфуций ответил Цыгуну о человечности Гуань Чжуна. Дж. Такер отмечает, что во многих отношениях взгляд Сорая на человечность основывается

¹⁴ См.: «Лунь юй», 4.5.

¹⁵ Ср.: «Лунь юй», 7.6: «Учитель сказал: “Стремиться к Правде, опираться на силу добра, быть в согласии с человечностью, давать волю талантам”».

¹¹ См.: «Лунь юй», 8.9.

¹² См.: «Лунь юй», 4.15.

¹³ Ср.: [11, с. 51а].

именно на этом чжане: «Цзыгун спросил: “А Гуань Чжун не бесчеловечен ли? Когда Хуань-гун убил Гун Цзыцзя, [бывший слугой покойного] Гуань Чжун не только не покончил с собой, но и стал канцлером при Хуань-гуне”. Учитель сказал: “Став канцлером при Хуань-гуне, Гуань Чжун стал повелевать чжухоу, навел порядок в Поднебесной, народ до сих пор пользуется введенными им пожалованиями. Если бы не Гуань Чжун, мы ходили бы с распущенными волосами и запахивали одежду налево [как варвары]. Неужели лучше, выражаясь словами мужичья с бабьем, сдохнуть в канаве? Это же всякий понимает”» («Лунь юй», 14.17).

Отсюда Сораи извлекает свою мысль о том, что люди должны полагаться на добродетель своего правителя, что значит верить в путь, который он предлагает, следовать ему и тем самым совершенствовать себя и все общество в целом, потому что путь этот принципиально верен, а человечность неотделима от правления: «Он [Конфуций] возносил достижения Гуань Чжуна¹⁶. Этот пример показывает, что в древних текстах человечность значила наведение мира и порядка» [8, гл. 仁四則].

Таким образом, понимание человечности Сораем может быть рассмотрено, с одной стороны, как действительный инструмент правления, и с другой стороны, как методичная попытка уберечь присущую правителю добродетель от любой возможности в ней усомниться.

Ритуал (禮)

Ритуал – одна из наиболее часто упоминаемых категорий в «Бэмэй». Сораи считает ритуал неотъемлемой частью Пути, сформулированной мудрыми царями древности наравне со множеством указаний к соблюдению ритуала. Следование этим указаниям ведет к совершенствованию добродетелей. «Ритуал есть имя, указывающее на Путь. Первые цари основали четыре учения и шесть искусств, ритуал – среди них. Три сотни церемониальных правил и три тысячи правил поведения – он и есть. <...> Ритуал и музыка – важнейшие среди шести искусств. Правители чтят их как первостепенные» [8, гл. 禮三則].

Тем не менее, как и у остальных категорий, центр тяжести ритуала смещен в сторону правителей. Сораи отмечает, что благородные мужи учат и постигают ритуал, когда нижестоящие лишь следуют ему на практике, тем самым со временем познавая его: «Первые цари понимали, что одного языка недостаточно, чтобы наставлять людей. По этой причине они основали ритуал и музыку, чтобы наставлять их. Подобно этому они понимали и то, что наказаний также недостаточно, чтобы принести мир и порядок людям. По этой причине они основали ритуал и музыку, чтобы преобразить их¹⁷. Следуя ритуалу, люди преобразуются. <...> Единожды преобразившись, они следуют указаниям неосознанно и бессознательно¹⁸. Как может быть плоха такая возможность, когда ритуал полностью соблюдён? Как могут наказания достичь того же успеха, что ритуал? <...> Правители – учатся, простолюдины – следуют [8, гл. 禮三則].

Для государства ритуал представляется ничем иным, как панацеей, так как следование ему способно изменить государство настолько, что оно ни в чем не будет нуждаться. Но самое главное – метод ритуала мягок и не рождает непонимания: «Когда люди используют слова, рождается понимание. Когда не используют – нет. Ритуал и музыка немые, почему же могут они быть эффективнее, чем язык, в наставлении людей? Потому что они таят способность к преобразению» [8, гл. 禮三則].

Во многом широкое и неоднозначное понимание Сораем ритуала позволяет нам интерпретировать его как комплекс используемых правителями всевозможных средств, уложений и законов, которые предполагаются к исполнению всеми. Как отмечает Дж. Такер, такое отношение приводит его к допущению, что *в ритуал могут* быть привнесены изменения, но только правителем, а не тем, что познает ритуал в практике [20, p. 25].

Правила (義)

Категория *yi* (義, кит. *yi*) является одной из наиболее выразительных в «Бэмэй», а ее интерпретация – одной из наиболее объемных. В контексте конфуцианской и неокон-

¹⁶ Ср.: «Лунь юй», 14.16: «Цзылу возразил: “Хуань-гун убил [своего брата] Гун Цзыцзя, Шао Ху покончил с собой, а Гуань Чжун – нет”. И спросил: “Не бесчеловечно ли это [со стороны Хуань-гуна]?” Учитель ответил: “Хуань-гун многократно объединял чжухоу не оружием, но силой таланта Гуань Чжуна. Как он человек! Как он человек!”»

¹⁷ Ср.: «Лунь юй», 16.2: «Кун-цзы сказал: “Когда Поднебесная живет по Правде, ритуалы и музыка, военные походы исходят от Сына Неба”».

¹⁸ Ср.: «Лунь юй», 7.2: «Учитель сказал: “Осознавать, не говоря ни слова, учиться, не пресыщаясь, наставлять людей, не брезгуя никем – неужели это так трудно для меня?”».

фуцианской традиции *ги* часто переводят как «справедливость», «праведность», «правила», «добродетельность», «долг», «должное». Мы предпочитаем использовать последний вариант, однако в рамках словоупотребления Огю Сорая корректным будет понимание *ги* как «правил (должных к соблюдению)».

Мэн-цзы наделял должное статусом в первую очередь этической категории, часто связывая его с человечностью и описывая его как способность разума-сердца видеть разницу между верным и неверным, истинным и ложным [20, р. 26]. Неоконфуцианцы в общих чертах следовали пониманию Мэн-цзы, расширив его до понимания *ги* как основы для вынесения суждений. Будучи накрепко связанной с человечностью, а тем самым и с правлением, *ги* становится категорией, априорной легитимному правлению, так как постановка вопроса о не должном правлении была равноценна вопросу об отсутствии легитимности. Все эти нюансы можно обнаружить в том числе и в труде Бэйси.

Сорай же подвергает критике последователей Мэн-цзы за ошибочное толкование *ги*, ссылаясь на то, что Мэн-цзы в своем споре с даосами в ответ на их убежденность в неестественности и искусственности конфуцианства напрасно «поместил» человечность и другие добродетели (в том числе и должное) в человеческий разум, делая их тем самым его неотъемлемой частью. «Хань Туйчжи сказал: “Поступать верно значит поступать должно [правилам]”. Учитель Чжу добавил: “Правила упорядочивают разум и делают поступки правильными”¹⁹. Ни один не осознавал, что правила были созданы царями древности, вместо этого они предложили свое собственное видение. Определение правил исходя из чьих-то личных представлений – исток таких слов как: “Церемоний, не соответствующих в точности требованиям церемоний, и долга, не соответствующего в точности требованиям долга, великий муж не исполняет”²⁰. Учитель Чжу основывал свой взгляд на словах из “Мэнцзы” о том, что правила присущи [человеку]²¹. А ведь Мэн-цзы имел в виду лишь то, что цари древности следовали человеческой природе, закладывая Путь. По этой причине он [Чжу Си] и увязал правила с человеческим разумом. Но как из этих слов [Мэн-цзы] следует, что правила приравниваются к человеческой природе? <...> Поучая людей, последующие

конфуцианцы не брали в расчет правила, основанные царями древности, но предложили свои собственные идеи. Что это, если не ошибка? Ничто другое. Не осознавая, почему Мэн-цзы говорил так, как он говорил, они ссылаются на него, предлагая свои собственные формулировки. Их ошибка сравнима с ошибкой лекаря, который продолжает лечение, даже если болезнь ушла. Это верх заблуждения» [8, гл. 義八則].

Сорай убежден, что правила – это часть Пути. Тем самым нельзя говорить о *ги* как об основании, на котором простые люди могут строить свои суждения об истинном и ложном, так как у простых людей не может быть оснований для вынесения подобных суждений: «Правила – это имя, присущее основанному древними царями Пути. Древние цари создали ритуал, чтобы их учение было настолько всеобщим, насколько это возможно. Вместе с тем древние цари создали и правила. <...> Если кто-то не берет во внимание правила, основанные древними царями, вынося суждения, это подобно тому, как если бы кто-то решил разрезать что-нибудь с пустыми руками» [8, гл. 義八則].

Понимая *ги* как «должное в соблюдении ритуалов», Сорай утверждает, что такое понятие было сформулировано мудрыми правителями прошлого и описано в «Шестикнижии», на которое он регулярно ссылается в «Бэмэйи»: «Люди обычно осознают, что ритуал – это ритуал основанный царями древности, но они не осознают, что и правила – это правила, основанные царями древности. Потому никакое их понимание правил не имеет смысла. Правила лучше всего понимать как часть Пути. Каждое из десяти тысяч различий [в ритуале] на своем месте. Потому и говорят, что правила суть то, что правильно»²² [8, гл. 義八則].

Будучи добродетелью исключительно правителей, *ги* не может быть основой, которая позволит народу усомниться в правильности правления: «В свое время цари древности с искренностью объяснили правила, следуя собственному разуму. Однако сделали они так потому, что их разум был направлен на привнесение мира и постоянства людям» [8, гл. 義八則].

Верность (忠) и доверительность (信)

Сорай рассматривает значения верности (忠, кит. *чжун*) и доверительности (信, кит. *синь*) в одной главе, считая их двумя сторонами одной монеты. Неоконфуцианцы не акцентировали внимание на первоисточнике этих добродете-

¹⁹ См.: [9, гл. 1В/1].

²⁰ См.: [7, р. 322].

²¹ См.: [7, р. 353–353].

²² См.: [10, р. 128–129].

лей. Так, упомянутый нами Бэйси говорит, что верность и доверительность имеют источником своего значения усилия человека и являются силой, распространяющей истинные принципы пяти добродетелей [20, р. 27]. Верность при этом является предельным приложением усилий, а доверительность – соответствием вещей действительности [11, р. 37b]. Сорай категорически не согласен с такой интерпретацией, усматривая в этом лишь изрядный субъективизм, так как эти добродетели могли быть сформированы исключительно мудрецами древности и могут происходить лишь от их наставлений, но не от людей.

Говоря о верности, Сорай отмечает, что именно она позволяет нам увидеть других как самих себя: «Верность предполагает очищение собственного разума, когда совершаются поступки для других²³ или от имени других. Древние чжаны говорят²⁴, что верность свойственна министрам в отношении с правителем» [8, гл. 忠信三則]. Тем самым он обращается к «Лунь юю» (3.19), где Конфуций говорит: «[Если] государь повелевает подданными согласно ритуалу, подданные служат государю из преданности». Сорай поясняет: «В “Лунь юе” сказано: Учитель обучал четверем [вещам]: культуре, поведению [в обществе], преданности и честности. Верность здесь подразумевает правление²⁵. А раз правление исходит от правителей, оно рассматривается в связке с верностью» [8, гл. 忠信三則].

Понятие доверительности Сорай накрепко связывает с языком: так как доверительность лежит в плоскости языка, а язык дорожит словами, которые могут быть подкреплены, оттого язык выражает собой доверительность: «Доверительность подразумевает, что слова должны быть обоснованы. Поколениями доверительность понималась как отсутствие в словах ложного. Если слова обоснованы, то не стоит и добавлять, что в них нет места лжи. <...> когда наши слова подкреплены, мы должны подкре-

пить их следованием правилам царей древности. Если же они расходятся с правилами, тогда, как бы мы того не желали, следовать им будет невозможно. В конечном счете, такие слова ничем не подкреплены» [8, гл. 忠信三則]. Тем самым «обоснованность» в его контексте представляется как соответствие должному и ритуалам прошлого, если же это не так, то слова не достойны доверия и не могут осуществиться.

Основываясь на этом, Сорай считает, что доверительность – основа отношений между правителем и народом, потому что в этом основа государства, как сказано в «Лунь юе» (12.7): «Цзы Гун спросил о [принципах государственного] управления. Учитель сказал: “[Их всего лишь три.] Достаточное количество продовольствия. Достаточный размер армии. И народ, доверяющий [власти]”». Однако тут же Сорай предьявляет вполне конфуцианские требования и к правителю – он должен заботиться о народе: «Если правитель внимателен в издании указов и никогда не смеет обманывать народ, то люди будут доверять ему. <...> Только будучи родителем своему народу правитель может получить его доверие. Если это будет достигнуто, народ будет доверять правителю в наивысшей мере» [8, гл. 忠信三則].

Необходимость доверительности Сорай извлекает из слов «Лунь юя» (2.22), потому что при ее отсутствии невозможно следовать Пути. Таким образом, доверительность мыслится при всех предполагаемых условиях качеством правителя, которое дано ему изначально: «Это подчеркивает важность быть в глазах народа достойным доверия. Путь царей древности завещал привнесение мира и благополучия людям, потому путь правителя – в осуществлении мира и благополучия. Ведь какая польза от Пути, если в глазах народа правитель не достоин доверия? Однако причина подобной слепоты в нас самих. Следовательно, правитель высоко чтит доверие» [8, гл. 忠信三則].

Таким образом, мы неоднократно наблюдаем, как интерпретация Сорая конфуцианских категорий демонстрирует крен в сторону задач идеологии, а именно упрочнения позиций правящего режима. Упрекая всех в ошибочном толковании и прочтении языка древних, Сорай, сам того не осознавая, идет по пути реконструкции и переосмысления конфуцианского терминологического аппарата, авторы которого, как известно, вместо того, чтобы слепо следовать древней лексике и семантике, не только наделяли новым смыслом прежние категории, но и по-

²³ Ср.: «Лунь юй», 1.4: «Цзэн-цзы сказал: “Я в день в трех [отношениях] обращаю взор в самого себя: во взаимоотношениях с людьми был ли [я] предан им? В общении с друзьями был ли искренен? Преподавая [знание другим], воплощал ли его сам?”».

²⁴ Ср.: «Лунь юй», 3.19: «Дин Гун спросил: “Как сделать так, чтобы государь повелевал подданными, [а] подданные служили государю?” Кун-цзы сказал в ответ: “[Если] государь повелевает подданными согласно ритуалу, подданные служат государю из преданности”».

²⁵ См.: «Лунь юй», 7.25.

рой предлагали новые, так как их язык должен был быть адекватен выражению их философии человечности. Конфуцианство никогда не ставило своей задачей какие-либо попытки устранения полисемантизма собственного языка. Напротив, расширяя семантические границы используемых категорий, конфуцианцы позволили уже существовавшему до них политическому дискурсу быть сведенным в этическую плоскость. В истории философии мы нередко встречаем ситуации, когда последователи некоего учения стремятся вернуться к «исходной чистоте» его основателей, отвергая последующие наслоения. С этой точки зрения философия Сорая играла благую роль, существенно проясняя значение конфуцианских категорий, хотя значение самой его философии и оказалось несколько снижено постоянной реализацией текущих идеологических установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
2. Конончук Д.В. О происхождении и смысле конфуцианской категории 仁 жэнь // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева: Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 12. М., 2014. С. 176–195.
3. Конончук Д.В. Об одной особенности категориального творчества в древнекитайской философии // Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2014. С. 114–117.
4. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Пер. В.В. Малявин. М.: Феория, 2010.
5. Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.: Либроком, 2011.
6. Иноуэ Тэцудзиро. Ниппон когакуха-но тэ-цугаку (Философия японской школы Когакуха). Токио, 1902.
7. Мэн-цзы // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. П.С. Попов. М.: Восточная литература, 2004. С. 239–396.
8. Огю Сорай. Бэмэй (Толкование имен). Эдо, 1740.
9. Чжу Си. Мэн-цзы цзи чжу (Собрание комментариев к «Мэнцзы») // Сы шу цзи чжу. Токио, 1974.
10. Чжун юн // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. А.Е. Лукьянов. М.: Восточная литература, 2004. С. 125–150.

11. Чэнь Бэйси. Синли цзы и (Значение неоконфуцианских терминов). Чиндзу, 1553.
12. Ямага Соко. Ямага горуи (Терминология Ямага). Токио, 1910.
13. Creel, H.G., 1970. The origins of statecraft in China. Chicago: University of Chicago Press.
14. Hall, D. and Ames, R., 1987. Thinking through Confucius. Albany: State University of New York Press.
15. Hansen, Ch., 1983. Language and logic in Ancient China. Ann Arbor: University of Michigan Press.
16. Maruyama, M., 1952. Studies in the intellectual history of Tokugawa Japan. Princeton: Princeton University Press.
17. Ni, P., 2017. Understanding the Analects of Confucius: a new translation of Lunyu with annotations. Albany: State University of New York Press.
18. Ogyū Sorai, 2006. Distinguishing names (Benmei). In: Tucker, J.A. ed., 2006. Ogyu Sorai's philosophical masterworks: the Bendo and Benmei. Honolulu: University of Hawai'i Press, pp. 171–337.
19. Schwartz, B., 1985. The world of thought in Ancient China. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
20. Tucker, J.A., 2006. The Bendo and Benmei as philosophical dictionaries. In: Tucker, J.A. ed., 2006. Ogyu Sorai's philosophical masterworks: the Bendo and Benmei. Honolulu: University of Hawai'i Press, pp. 3–45.
21. Waley, A., 1938. The Analects of Confucius. London: George Allen and Unwin.

REFERENCES

1. Goreglyad, V.N., 2006. Klassicheskaya kul'tura Yaponii [Traditional Japanese culture]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (in Russ.)
2. Kononchuk, D.V., 2014. O proiskhozhdenii i smysle konfutsianskoj kategorii zhen' 仁 [On the origin and meaning of Confucian term ren (仁)]. In: V puti za kitaiskuyu stenu. K 60-letiyu A.I. Kobzeva: Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN. Vyp. 12. Moskva, 2014, pp. 176–195. (in Russ.)
3. Kononchuk, D.V., 2014. Ob odnoi osobennosti kategorial'nogo tvorchestva v drevnekitaiskoi filosofii [On a feature of categories creation in ancient Chinese philosophy]. In: Komparativnaya istoriya filosofii kak nauchnoe poznanie i khudozhestvennoe tvorchestvo. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2014, pp. 114–117. (in Russ.)

4. Lao Zi, 2010. Dao de tszin [Daodejing]. Moskva: Feoriya. (in Russ.)
5. Radul'-Zatulovskiy, Ya.B., 2011. Konfutsianstvo i ego rasprostranenie v Yaponii [Confucianism and its expansion in Japan]. Moskva: Librokom. (in Russ.)
6. 井上哲次郎, 1902. 日本古学派の哲学 [Philosophy of the Japanese School of ancient learning]. 東京. (in Japanese)
7. Mengzi [Mencius]. In: Konfutsianskoe Chetveroknizhie («Si shu»). Moskva: Vostochnaya literatura, 2004, pp. 239–396. (in Russ.)
8. 荻生 徂徠, 1740. 辨名 [Distinguishing names]. 江戸. (in Japanese)
9. 朱熹, 1974. 孟子集注 [Collected commentaries on the book of Mencius]. In: 四書集注. 東京. (in Chinese)
10. Chzhun yun [Zhong yong]. In: Konfutsianskoe Chetveroknizhie («Si shu»). Moskva: Vostochnaya literatura, 2004, pp. 125–150. (in Russ.)
11. 陳北溪, 1553. 性理字義 [The meaning of human nature and principle]. 晋州. (in Chinese)
12. 山鹿 素行, 1910. 山鹿語類 [Yamaga's terminology]. 東京. (in Japanese)
13. Creel, H.G., 1970. The origins of statecraft in China. Chicago: University of Chicago Press.
14. Hall, D. and Ames, R., 1987. Thinking through Confucius. Albany: State University of New York Press.
15. Hansen, Ch., 1983. Language and logic in Ancient China. Ann Arbor: University of Michigan Press.
16. Maruyama, M., 1952. Studies in the intellectual history of Tokugawa Japan. Princeton: Princeton University Press.
17. Ni, P., 2017. Understanding the Analects of Confucius: a new translation of Lunyu with annotations. Albany: State University of New York Press.
18. Ogyū Sorai, 2006. Distinguishing names (Benmei). In: Tucker, J.A. ed., 2006. Ogyu Sorai's philosophical masterworks: the Bendo and Benmei. Honolulu: University of Hawai'i Press, pp. 171–337.
19. Schwartz, B., 1985. The world of thought in Ancient China. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
20. Tucker, J.A., 2006. The Bendo and Benmei as philosophical dictionaries. In: Tucker, J.A. ed., 2006. Ogyu Sorai's philosophical masterworks: the Bendo and Benmei. Honolulu: University of Hawai'i Press, pp. 3–45.
21. Waley, A., 1938. The Analects of Confucius. London: George Allen and Unwin.

Ю.Г. Благодер*

КИТАЙ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
(ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «КУБАНСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)

В статье представлены результаты анализа публикаций газеты «Кубанские областные ведомости», издававшейся в г. Екатеринодар в начале XX в. Для изучения были выбраны заметки, в которых нашла отражение характеристика Китайской империи и ее жителей, данная россиянами, оказавшимися на Востоке в период русско-японской войны. Отдельные заметки составлены на основе писем кубанских казаков, участвовавших в военных действиях, и статей из столичных газет. На основе представленных материалов автор характеризует взаимное восприятие представителей Российской империи и Китая.

Ключевые слова: русско-японская война, казачество, Китай, периодическая печать

China during the Russo-Japanese War through the eyes of a local Russian newspaper. YULIYA G. BLAGODER (Kuban State Technological University)

The article presents the overview of the publications on the Russo-Japanese War from the local Russian newspaper «Kubanskie oblastnye vedomosti» («Kuban Regional News»). The author tries to piece together a picture of the life of the Chinese empire and its inhabitants during the period of 1904–1905, using the information from the newspaper. The publications that mention China complied on the basis of either the letters from Kuban Cossacks who were sent to fight at the East or the articles reprinted from metropolitan newspapers. It is concluded that the image of China created by the participants of the war was rather unattractive.

Keywords: Russian-Japanese war, Cossacks, China, periodicals

115-летняя годовщина начала русско-японской войны – повод вспомнить героические и, одновременно, трагические события начала XX в. Война, которая должна была стать для России «маленькой победоносной», завершилась поражением и потерями, прежде всего, людскими. На фронт отправлялись военные подразделения из различных губерний Российской империи. Не остались в стороне земли Северного Кавказа и Кубанской области: 1-й Екатеринодарский, 1-й Уманский конные казачьи полки Кубанского войска, Кизляро-Гребенский

и Сунженско-Владикавказский конные казачьи полки Терского войска были объединены в Сводную Кавказскую казачью дивизию; отправилась в Маньчжурию и 2-я пластунская кубанская казачья бригада [11, с. 163].

В данной статье рассматриваются публикации газеты «Кубанские областные ведомости» (г. Екатеринодар), в которых нашла отражение характеристика Китайской империи, данная россиянами, оказавшимися в ее пределах в период русско-японской войны. Большая часть текстов провинциальной ежедневной газеты –

* БЛАГОДЕР Юлия Гариевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета.

E-mail: blagoder_1@mail.ru

© Благодер Ю.Г., 2019

заимствования из петербургских и московских изданий. Отдельные заметки составлены на основе информации, полученной от кубанских казаков, участвовавших в военных действиях.

Несмотря на усиление социально-экономических противоречий, патриотические настроения городского населения и жителей станиц Кубанской области были очень сильны. Кубанское казачье войско уже не одно десятилетие поддерживало мощь и отстаивало интересы самодержавной власти Российской империи. В первые годы XX в. газета «Кубанские областные ведомости» превращается в «рупор» правительства и уделяет много внимания событиям, происходящим в военные годы на российском Дальнем Востоке и за пределами государства – не столько в целях информирования населения, сколько ради идеологического воздействия и патриотического воспитания. В связи с этим в оценках публицистов присутствует одобрение правительственного курса и оправдание ошибок, допущенных в ходе военных действий.

Большая часть жителей Кубанской области не разбиралась в тонкостях азиатской политики российской политической элиты. Казаки считали делом чести отстаивать «достоинство, интересы России, воевать за наше доброе имя, за славу нашего национального флага и оружия ... во имя наших исторических задач на обширном материке Азия, грядущие перспективы которых еще не каждый из нас должным образом прозрел и по достоинству оценил» [22, с. 1].

Безусловно, все внимание редакционной коллегии было сосредоточено на описаниях военных операций, оснащения собственной армии и войска противника, характеристике русских и японских военачальников, их стратегических планов и тактических маневров. Вопросы политического, социально-экономического и культурного развития Китая, ставшего ареной борьбы двух держав, ушли на дальний план.

Тысячи россиян впервые оказались на Дальнем Востоке и соприкоснулись с чуждой им культурой, о которой, в лучшем случае, изредка получали разрозненные и не всегда правдивые сведения из газет. В связи с этим представляют интерес публикации, в которых присутствует портрет Китая и его жителей, составленный сотрудниками газет на основе свидетельств российских солдат. В областной газете в 1904–1905 гг. нет статей, полностью посвященных Китаю. Из всего объема опубликованного материала были выделены абзацы, отдельные фразы и слова, в той или иной степени, характеризующие эту страну.

Обзор публикаций позволяет представить следующую картину. Китай опасается, что воюющие страны начнут захватывать его территории, но участвовать в войне он не готов [17]. Империя в военном и политическом отношении настолько слаба, что оказать сопротивление собственными силами не может. Внутриполитическая обстановка нестабильна. Юань Шикай пытается проводить военную реформу, но встречает мощное противодействие со стороны чиновников [26; 27]. Цинский двор принимает решение соблюдать нейтралитет [10]. «Китайская армия во главе с генералом Ма подходит к Мукдену, чтобы защитить могилы императоров от японской армии» [15, с. 1], но в военный конфликт не вмешивается. В заметке о том, что «небывалая резня близ Мукдена и беспринципное поведение японцев, которые начали хозяйничать в городе, заставили китайские власти потерять голову» [33, с. 3], подчеркивается слабость китайской администрации.

По заявлению Министра иностранных дел Японии Итиро Мотоно, его страна настаивает на неприкосновенности территории Китая и проведении политики «открытых дверей» [25]. Китайцы недовольны исходом войны и подписанным противниками мирным договором, так как «понимают, как много концессий придется уступить Японии» [36]. Раньше Китай от японской агрессии спасал союз Германии, России, Франции [13], теперь же ситуация изменилась. «Сила оказывается могущественнее права, а считать Китай сильным нельзя», – пишет екатеринодарская газета в 1905 г. [39, с. 1].

По свидетельству иностранных информационных агентств, Цинская императрица предписала всем высокопоставленным лицам высказать свои предложения о том, какую позицию следует занять правительству в вопросе о Маньчжурии [5]. Маньчжурская элита опасается, что в случае принятия Россией условий японского правительства, «Мукден – колыбель императорской династии – навсегда окажется во власти Японии» [28].

Маньчжурия разорена войной, «ситуацию усугубляют приливные дожди летом, ненастье и распутица осенью» [20, с.1]. Цинское правительство желает получить компенсацию, так как жители из разоренных или полностью уничтоженных войной деревень бедствуют, скрываясь в лесах [4], рыбаки гибнут, подрываясь на подводных минах [37], «большая часть населения впала в нищету» [39].

Китайцы не были довольны военными успехами японцев, но и к поражению российской

армии относились спокойно [35]. По этому поводу газета «Кубанские областные ведомости» дает следующие комментарии: во-первых, исход некоторых военных операций был ожидаем; во-вторых, несмотря на «давние добрососедские отношения с русскими, китайцы не любят заморских дьяволов» [1, с. 1]. Неудивительно, что в европейских, а вслед за ними и российских (столичных и провинциальных), газетах писали о массе неприятностей, которые Европе еще придется увидеть со стороны Китая. Используя данные иностранных информационных агентств, российские публицисты отмечают, что, несмотря на взаимную ненависть, власти Цинской империи и Японии ведут закулисные переговоры о судьбе Маньчжурии и Кореи [23]. «Любовь Китая и Японии вызвана ненавистью и страхом европейского нашествия» [32].

Серьезной проблемой для россиян в Маньчжурии были хунхузы [29]. Российские офицеры считали их «продуктом несовершенного государственного порядка, народного бесправия, шаткости гражданских прав в Китае и царящего в нем произвола и подкупа» [31]. Как писал своей матери казак 1 сотни 7 пластунского батальона из станицы Воронежской Никита Ханин, «хунхузы грабят и убивают несчастных мирных китайцев в деревнях, нападают и на русских солдат, если видят, что численно превосходят. Пленникам своим выкалывают глаза, обрезают нос, уши, отрубают одна за другой руки, ноги, а то и просто с живого сдирают кожу» [4, с. 1]. Он считает, что «лучше пустить себе пулю в лоб, чем попасть к ним в плен» [4, с. 1]. «Кубанские областные ведомости» публикуют истории, рассказанные очевидцами. Так, российские солдаты сталкивались с китайскими разбойниками во время покупки продовольствия в китайских деревнях [4, с. 1], разыскивали разбойников, напавших на дом китайца-переводчика [31], заступались за местных крестьян, подвергавшихся разорению и насилию со стороны как хунхузов, так и китайской правительственной армии [30]. «Китайцы открывали огонь по русским солдатам, к слову, из японских винтовок, и получали достойный ответ» [2]. Немало россиян пострадало от рук этих разбойников, поэтому в отряде генерала П.К. Ранненкампа совершали ежедневные казни: китайцы публично рубили головы десяткам хунхузов [9].

Простые китайцы миролюбивы и трудолюбивы, поэтому искренне радуются окончанию бомбардировки. Как пишут российские газеты, они «боязливо относятся к японскому влады-

честву» [21], так как считают, что оно «будет гораздо неприятнее русского» [41]. Особенно тревожатся купцы, которые «любят расточительных русских», и китайцы-слуги, так как «русские хозяева платят больше, чем японцы» [21]. Отношения между русскими и жителями Цинской империи не всегда складывались гладко. Так, в одном из номеров газеты за январь 1905 г. отмечалось требование местных властей выдать для суда матроса с крейсера «Аскольд», убившего китайца [38].

Солдаты вынуждены приспособляться к жизни в суровых военных условиях в Маньчжурии. Как пишет газета «Кубанские областные ведомости», «русские не знают нравов, обычаев чужого народа» [8], но, судя по письмам, пользуются китайскими вещами и продуктами. К примеру, солдаты одобрительно отнеслись к китайским ватным халатам, «замечательно легким и теплым», табак критиковали, как, впрочем, и хлеб: «Наш черный хлеб вкуснее белого мукденского» [19, с. 1]. Ужасы войны, тоска по родному крову, конечно, накладывали отпечаток на восприятие чужой страны и чужого народа. В контексте сказанного не вызывают удивления фразы, подобные этой: «Вообще китайское все – дрянь» [19, с. 1].

По мнению одного публициста (имя в газете не указано), «русский и китайский характер ближе, чем японский и китайский... Китаичам никогда не приобщиться к японской точности, педантичности и требовательности к службе и управлению. Особенно будет Китаичам ненавистен всюду проникающий контроль» [41, с. 1].

В первые месяцы войны россияне недооценивали подготовку и оснащение, упорство и решительность солдат японской армии. Военные успехи японцев и трагические поражения собственной армии заставили признать достоинства японских солдат. К Китаичам россияне, в силу объективных причин, относились иначе: храбрость обывателей вызвала сомнение, так как в случае нарастающей опасности они не готовились к обороне, а спешно покидали населенные пункты [3; 24; 34]; солдаты китайской армии и хунхузы проявляли жестокость к безоружным соплеменникам.

В начале XX в. газета «Кубанские областные ведомости» защищала имперскую завоевательную политику российской самодержавной власти и в определенной степени отражала националистическую идеологию черносотенцев. Неудивительно, что выражение «желтая опасность», появившееся в российской периодике

во второй половине XIX в., в начале XX в. и особенно в годы русско-японской войны стало употребляться все чаще, в том числе и в провинциальной прессе. Газета «Кубанские областные ведомости» не стала исключением [6; 7; 14; 16; 18]. В августе 1905 г., после череды сокрушительных поражений российской армии, провинциальная газета цитирует столичных публицистов, доказывавших превосходство западной цивилизации: «Россия неизмеримо выше Японии и Китая по культуре и цивилизации. Китай раньше Японии начал реформы. Разве это делает его “высококультурным”? Япония и Китай ничего не внесли в сокровищницу общечеловеческих знаний и культуры. Ничего не создали ни в литературе, ни в науке, ни в искусстве» [40, с. 1].

Поскольку многие заметки провинциальной газеты дублировали статьи столичных и московских изданий, то можно утверждать, что российская пресса в 1904–1905 гг. формировала малопривлекательный образ Китая не только в Кубанской области, но и других регионах Российской империи.

В годы русско-японской войны газета «Кубанские областные ведомости» была проводником консервативной (монархической) идеологии и отражала позицию правящих кругов. По содержанию статей и оценкам публицистов можно судить о том, что, несмотря на тяжелые поражения российской армии, местная власть не позволяла сломить боевой дух казачества: «Тяжко ошибется тот, кто думает, что Россия выйдет из настоящей войны ослабленной, что ее положение великой державы пошатнется. Напротив! Голос ее в Европе будет столь же могущественен, как и теперь, а в Восточной Азии даже могущественнее» [12].

В заключении следует отметить, что для читателей газеты «Кубанские областные ведомости» интерес представляли местные новости и события русско-японской войны, в которой принимали участие земляки. Судьба же Китая, на территории которого развернулись кровопролитные сражения, их мало интересовала. Образ Китая, созданный участниками русско-японской войны, был малопривлекательным: Китай ослаблен, властвующая элита не способна контролировать политические процессы, протекавшие в пределах империи, население находится в бедственном положении, в стране свирепствуют хунхузы; отношение к азиатским культурам (китайской, японской) было в целом негативным. Стоит заметить, что публикации в

газете «Кубанские областные ведомости» были нацелены на пропаганду политики российского самодержавия, поэтому не отличались высокой степенью объективности оценок событий, происходивших на российском Дальнем Востоке, в Китае и Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Германский офицер о Китае // Кубанские областные ведомости. 1905. № 7. С. 1.
2. Детали мукденских боев // Кубанские областные ведомости. 1905. № 54. С. 1.
3. Еще об отступлении от Мукдена // Кубанские областные ведомости. 1905. № 72. С. 1.
4. Из письма казака // Кубанские областные ведомости. 1905. № 166. С. 1.
5. К мирным переговорам // Кубанские областные ведомости. 1905. № 161. С. 1.
6. К русско-японскому конфликту // Кубанские областные ведомости. 1904. № 28. С. 2.
7. К событиям на Дальнем Востоке // Кубанские областные ведомости. 1905. № 7. С. 1.
8. К событиям на Дальнем Востоке // Кубанские областные ведомости. 1905. № 172. С. 1.
9. Казни в отряде генерала Ранненкампа // Кубанские областные ведомости. 1905. № 155. С. 2.
10. Китай и Япония // Кубанские областные ведомости. 1904. № 43. С. 1.
11. Куценко И.Я. Победители и побежденные. Кубанское казачество: история и судьбы. Кн. 1. Императорский поместный этнос. Краснодар: Диапазон-В, 2010.
12. Маньчжурская армия в середине января // Кубанские областные ведомости. 1905. № 3. С. 1.
13. Мир // Кубанские областные ведомости. 1905. № 184. С. 1.
14. Мнение военных о войне // Кубанские областные ведомости. 1904. № 44. С. 1.
15. Н.В. В Китае // Кубанские областные ведомости. 1905. № 61. С. 1.
16. Н.В. Желтая опасность // Кубанские областные ведомости. 1905. № 191. С. 1.
17. Нейтралитет Китая // Кубанские областные ведомости. 1904. № 55. С. 1.
18. О чем пишут // Кубанские областные ведомости. 1904. № 45. С. 2.
19. Письмо из маньчжурской армии // Кубанские областные ведомости. 1905. № 1. С. 1.
20. Положение России на театре военных действий // Кубанские областные ведомости. 1905. № 175. С. 1.
21. После сдачи Порт-Артура // Кубанские областные ведомости. 1905. № 162. С. 1.

22. Последний день в Мукдене // Кубанские областные ведомости. 1905. № 2. С. 1.
23. Тайный договор // Кубанские областные ведомости. 1905. № 101. С. 1.
24. Телеграммы. Владивосток // Кубанские областные ведомости. 1905. № 169. С. 3.
25. Телеграммы. Париж // Кубанские областные ведомости. 1905. № 1. С. 2.
26. Телеграммы. Пекин // Кубанские областные ведомости. 1904. № 17. С. 3.
27. Телеграммы. Пекин // Кубанские областные ведомости. 1904. № 18. С. 2.
28. Телеграммы. Пекин // Кубанские областные ведомости. 1905. № 164. С. 2.
29. Телеграммы. Петербург // Кубанские областные ведомости. 1905. № 109. С. 2.
30. Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 11. С. 2.
31. Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 14. С. 2.
32. Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 21. С. 2.
33. Телеграммы. Синминтин // Кубанские областные ведомости. 1905. № 49. С. 3.
34. Телеграммы. Токио // Кубанские областные ведомости. 1904. № 20. С. 3.
35. Телеграммы. Хуаньшан // Кубанские областные ведомости. 1905. № 2. С. 2.
36. Телеграммы. Шанхай // Кубанские областные ведомости. 1905. № 185. С. 2.
37. Телеграммы. Шанхай // Кубанские областные ведомости. 1905. № 78. С. 2.
38. Телеграммы. Шанхай // Кубанские областные ведомости. Специальный выпуск. 1905. С. 2.
39. Требования Китая // Кубанские областные ведомости. 1905. № 179. С. 1.
40. Х.Г.В. Россия и Япония // Кубанские областные ведомости. 1905. № 171. С. 1.
41. Япония и Маньчжурия // Кубанские областные ведомости. 1905. № 108. С. 1.

REFERENCES

1. Germanskiy ofitser o Kitae [A German officer on China], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 7, p. 1. (in Russ.)
2. Detali mukdenskikh boev [Details of the Mukden battles], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 54, p. 1. (in Russ.)
3. Eshche ob otstupenii ot Mukdena [More on the retreat from Mukden], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 72, p. 1. (in Russ.)
4. Iz pis'ma kazaka [From Cossack's letter], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 166, p. 1. (in Russ.)

5. K mirnym peregovoram [Towards peace negotiations], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 161, p. 1. (in Russ.)
6. K russko-yaponskomu konfliktu [Towards the Russian-Japanese conflict], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1904, no. 28, p. 2. (in Russ.)
7. K sobyitiyam na Dal'nem Vostoke [Towards the Far Eastern events], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 7, p. 1. (in Russ.)
8. K sobyitiyam na Dal'nem Vostoke [Towards the Far Eastern events], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 172, p. 1. (in Russ.)
9. Kazni v otryade generala Rannenkampfa [Executions in the detachment of General Rannenkampf], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 155, p. 2. (in Russ.)
10. Kitay i Yaponiya [China and Japan], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1904, no. 43, p. 1. (in Russ.)
11. Kutsenko, I.Ya., 2010. Pobediteli i pobezhdennye. Kubanskoe kazachestvo: istoriya i sud'by. Kn. 1. Imperatorskiy pomestnyy etnos [Winners and losers. Kuban Cossacks: history and fate. Book 1. Imperial local ethnos]. Krasnodar: Diapazon-V. (in Russ.)
12. Man'chzhurskaya armiya v seredine yanvarya [Manchurian army in mid-January], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 3, p. 1. (in Russ.)
13. Mir [Peace], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 184, p. 1. (in Russ.)
14. Mnenie voennykh o voine [Militaries' opinion on the war], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1904, no. 44, p. 1. (in Russ.)
15. N.V., 1905. V Kitae [In China], Kubanskie oblastnye vedomosti, no. 61, p. 1. (in Russ.)
16. N.V., 1905. Zheltaya opasnost' [Yellow peril], Kubanskie oblastnye vedomosti, no. 191, p. 1. (in Russ.)
17. Neitralitet Kitaya [Neutrality of China], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1904, no. 55, p. 1. (in Russ.)
18. O chem pishut [What is written about], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1904, no. 45, p. 2. (in Russ.)
19. Pis'mo iz man'chzhurskoy armii [A letter from Manchurian army], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 1, p. 1. (in Russ.)
20. Polozhenie Rossii na teatre voennykh deistvii [Russian position in the theatre of war], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 175, p. 1. (in Russ.)
21. Posle sdachi Port-Artura [After the surrender of Port Arthur], Kubanskie oblastnye vedomosti, 1905, no. 162, p. 1. (in Russ.)

22. Posledniy den' v Mukdene [The last day in Mukden], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 2, p. 1. (in Russ.)
23. Tainyi dogovor [Secret agreement], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 101, p. 1. (in Russ.)
24. Telegrammy. Vladivostok [Telegrams. Vladivostok], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 169, p. 3. (in Russ.)
25. Telegrammy. Parizh [Telegrams. Paris], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 1, p. 2. (in Russ.)
26. Telegrammy. Pekin [Telegrams. Beijing], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1904, no. 17, p. 3. (in Russ.)
27. Telegrammy. Pekin [Telegrams. Beijing], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1904, no. 18, p. 2. (in Russ.)
28. Telegrammy. Pekin [Telegrams. Beijing], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 164, p. 2. (in Russ.)
29. Telegrammy. Peterburg [Telegrams. Saint Petersburg], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 109, p. 2. (in Russ.)
30. Telegrammy. Port-Artur [Telegrams. Port Arthur], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1904, no. 11, p. 2. (in Russ.)
31. Telegrammy. Port-Artur [Telegrams. Port Arthur], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1904, no. 14, p. 2. (in Russ.)
32. Telegrammy. Port-Artur [Telegrams. Port Arthur], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1904, no. 21, p. 2. (in Russ.)
33. Telegrammy. Sinmintin [Telegrams. Xingmingting], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 49, p. 3. (in Russ.)
34. Telegrammy. Tokio [Telegrams. Tokyo], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1904, no. 20, p. 3. (in Russ.)
35. Telegrammy. Khuan'shan [Telegrams. Huanshang], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 2, p. 2. (in Russ.)
36. Telegrammy. Shankhay [Telegrams. Shanghai], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 185, p. 2. (in Russ.)
37. Telegrammy. Shankhay [Telegrams. Shanghai], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 78, p. 2. (in Russ.)
38. Telegrammy. Shankhay [Telegrams. Shanghai], Kubanskije oblastnye vedomosti. Spetsial'nyi vypusk, 1905, p. 2. (in Russ.)
39. Trebovaniya Kitaya [Chinese demands], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 179, p. 1. (in Russ.)
40. Kh.G.V., 1905. Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan], Kubanskije oblastnye vedomosti, no. 171, p. 1. (in Russ.)
41. Yaponiya i Man'chzhuriya [Japan and Manchuria], Kubanskije oblastnye vedomosti, 1905, no. 108, p. 1. (in Russ.)

П.А. Лапин*

ШКОЛА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (ИСЮЭГУАНЬ)
ПРИ ПЕКИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
И ПРЕПОДАВАНИЕ В НЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (1904–1911 гг.)

В связи с большой потребностью в подготовке высококвалифицированных специалистов со знанием иностранных языков, в том числе русского, при Пекинском университете была открыта Школа иностранных языков (*Исюэгуань*). Она впитала в себя традиции более старого специализированного учебного заведения – школы иностранных языков Тунвэньгуань, учрежденной в Пекине при помощи иностранцев в 1862 г. Кроме иностранных языков в школе Исюэгуань преподавались общеобразовательные предметы. С целью повышения качества учебного процесса на все языковые отделения были приглашены иностранные специалисты. Было налажено финансирование. При всем этом просуществовавшее чуть более 10 лет учебное заведение не подготовило ни одного выдающегося выпускника, который впоследствии получил бы известность переводчика или специалиста в какой-либо из новых областей государственного строительства. Неоспоримым же вкладом школы стала наработанная нормативная база и практические методики, которые применялись в будущем при организации работы факультетов иностранных языков Пекинского университета, образовавшихся вследствие расформирования этой школы.

Ключевые слова: Цинская империя, преподавание иностранных языков, Исюэгуань, Пекинский университет, гуманитарные контакты

School of Translation (Yixue guan) under Peking University and Russian language teaching, 1904–1911. PAVEL A. LAPIN (Embassy of Russia in Beijing, China)

The School of Translation (Yixue guan) was opened at Peking University in 1904 due to the great demand for highly qualified specialists with knowledge of foreign languages, including Russian. It absorbed the traditions of Foreign Languages School T'ong-wen Kuan, which was established in Beijing in 1862 with the help of foreigners. The author focuses on the educational process of the school, its curriculum, faculty, and financing issues. Although the educational institution existed only just over 10 years and didn't have prominent persons among its graduates, its undeniable contribution to Chinese education can be found in the developed regulatory framework and practical methods of teaching foreign languages.

Keywords: Qing Empire, foreign languages teaching, Yixue guan, Peking University, humanitarian ties

---

* ЛАПИН Павел Андреевич, кандидат исторических наук, советник по культуре Посольства России в Китае.

E-mail: waijiao2000@mail.ru

© Лапин П.А., 2019

Переводческое дело в Китае являлось важным содержанием работы государственного аппарата и образовательных учреждений. Тема подготовки специалистов-языковедов становилась еще более актуальной по мере втягивания Цинской империи во второй половине XIX в. в новую систему колониальных международных отношений. Маньчжурская администрация была не в силах противостоять активной военно-дипломатической и торгово-экономической политике мировых держав. С 1860-х гг. в Китае были запущены первые реформы – Движение «за усвоение заморских дел» (*янью юньдун*, 洋务运动). Ставилась задача изучения передового иностранного опыта, его адаптации для нужд империи и постепенного внедрения в различные сферы хозяйства, что на первых этапах, в частности, предполагало организацию перевода больших объемов иностранной научно-технической литературы и, как следствие, подготовку высококвалифицированных специалистов со знанием иностранных языков.

Ранние реформы, однако, не принесли ожидаемых результатов, в том числе по причине столкновения интересов прогрессистов и консервативно настроенных групп высших сановников, а также слабого финансирования¹. Такая ситуация с подготовкой специалистов сохранилась вплоть до конца XIX в. «Главные причины постигших в недавние годы китайскую империю невзгод, – подытоживал настроения в среде китайской интеллигенции в сентябре 1898 г. в письме министру иностранных дел М.Н. Муравьеву исполняющий обязанности поверенного в делах России в Китае А.И. Павлов, – заключались в неизмеримом превосходстве западных государств в смысле научного образования и практических познаний и в полной несостоятельности существовавшей до сих пор китай-

ской системы философско-схоластического образования, положенной в основу всего государственного строя Китая» (Архив внешней политики Российской Империи, далее – АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 838. Л. 2–2об.).

В 1898 г. группа прогрессистов во главе с молодым и энергичным императором Гуансюем (1875–1908) инициировала серию преобразований, получивших название «Сто дней реформ». В том же году как результат усилий двора по модернизации системы образования было учреждено первое в истории Китая высшее учебное заведение – Пекинский университет (*Цзиньши дасюэтан*, 京师大学堂, с 1912 г. – 北京大学). На должность ректора нового университета планировалось назначить бывшего китайского посланника в Санкт-Петербурге, а в то время занимавшего должность председателя Общества Китайской восточной железной дороги Сюй Цзинчэна² (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 838. Л. 8об.–9). Однако, не успев открыться в декабре 1898 г., в июле 1900 г. учебное заведение было закрыто по причине отсутствия средств на его содержание и малого количества учащихся. Работа университета была восстановлена в начале 1902 г.³ Разовое финансирование в размере 212 тыс. лянов серебра⁴ было открыто по линии Русско-китайского банка в часть дивидендов «на вложенный в него китайским правительством... капитал в пять миллионов лянь» (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 838. Л. 8).

С учетом требований времени в новом университете особое внимание уделялось преподаванию иностранных языков. Идея подготовки специалистов этой категории была заложена уже в первый устав учебного заведения 1898 г. В документе говорилось о необходимости организовать преподавание английского, француз-

¹ Например, в 1865–1895 гг. из средств центральной казны на реформы выделялось не более 7% годового бюджета, из чего на поддержание нового образования – не более 0,3% [3, с. 191]. В итоге за продолжительный период с 1862 по 1895 гг. в Китае открылось всего 30 военных, технических и гуманитарных (в т.ч. переводческих) учебных заведений нового типа [6, с. 47]. Они не могли подготовить критическое количество новых специалистов, способных обеспечить качественное развитие и усиление Китайской империи. «Несмотря на то, что школы эти существуют по несколько десятков лет, – справедливо отмечали сами же китайские чиновники, – из них не вышло ни одного надежного деятеля, который мог бы послужить своему отечеству в годину нужды» [7, с. 819].

² Сюй Цзинчэн (许景澄; 1845–1900) – видный китайский политический и общественный деятель, дипломат, участник многих российско-китайских переговоров, в том числе конференций по приграничному размежеванию. В июле 1898 г. был назначен на должность старшего преподавателя и по совместительству инспектора университета (总教习), а первым главным чиновником по управлению делами университета – ректором (管理大学堂事务大臣) стал министр Ведомства чинов Сунь Цзянай (孙家鼐, 1827–1909). Сюй Цзинчэн получил должность ректора университета лишь в июле 1899 г.

³ Подробнее о работе Пекинского университета в ранний период его деятельности см., напр.: [9, с. 1–18; 23, с. 95–100; 19, с. 49–61].

⁴ Лян – мера веса в императорском Китае. Один «таможенный» лян весил 37,7 гр серебра.

ского, русского, немецкого и японского языков. Предполагалось, что каждый учащийся университета будет изучать один из иностранных языков [22, с. 438]. При этом, если для обучения английскому языку планировалось пригласить 12 преподавателей-иностранцев, то для преподавания русского – всего одного [19, с. 55].

Назначенный в январе 1902 г. ректором университета видный прогрессист Чжан Байси (张百熙, 1847–1907)⁵ предложил комплекс мер по улучшению работы учебного заведения, в том числе в части содержания образования⁶. Во исполнение положений еще прежнего устава учебного заведения в январе 1902 г. было принято решение включить в состав университета созданную еще в 1862 г. в столице школу иностранных языков Тунвэньгуань (同文馆), в которой велось преподавание английского, французского, немецкого, русского (с 1863 г.) и японского языков [12, с. 94].

В связи с ограниченным финансированием отдельное подразделение учреждено не было и по принятому летом 1902 г. новому уставу университета было решено «на подготовительном отделении (预备科) и отделении ускоренной подготовки (速成科) организовать преподавание пяти иностранных языков – английского, французского, русского, немецкого и японского с приглашением иностранных учителей» [21, с. 244].

Вскоре вопросы финансирования и найма преподавателей были решены и в начале 1904 г. в рамках университета появилось специальное подразделение по преподаванию иностранных языков – Исюэгуань (译学馆, досл. «Школа по изучению перевода»). В январе 1904 г. был принят первый устав школы [21, с. 435–442]. Школа создавалась с целью «обучения [слушателей] иностранным языкам в интересах перевода документов с иностранного языка на китайский, а также [подготовки] переводчиков для внешних дел». Сохранялись прежние отделения: «Открыть по одному отделению английского, французского, русского, немецкого и японского языков. Каждому слушателю изучать один язык, прилагать усилия и не лениться» [21, с. 435].

Работа по набору учащихся началась еще до официального открытия школы. Предполагалось зачислить 120 слушателей (именно такое количество учащихся потом и будет зафиксировано в уставе школы) [21, с. 438]. Часть

мест была заполнена учащимися, переведенными с подготовительного отделения и отделения ускоренной подготовки (видимо, не более 10 человек), оставшуюся часть планировалось укомплектовать путем проведения всеобщих экзаменов. В апреле 1903 г. в центральной газете «Дагунбао» (大公报)⁷ было размещено объявление о наборе абитуриентов. Заявку на участие в экзаменах подало «около тысячи желавших учиться», среди которых было немало «детей вельмож» [5, с. 46].

Вступительные экзамены делились на два тура: «в ходе первого – написать сочинение на общую этико-политическую тему, ответить на шесть вопросов по истории Китая и зарубежных государств и еще на три вопроса по арифметике. На втором туре — шесть вопросов по географии Китая и зарубежных государств, три вопроса по физике» (Архив Пекинского университета, далее – АПУ. JS0000145/1. Л. 2). По итогам первого тура были отобраны 197 абитуриентов, которым было предложено участвовать во втором туре. Однако, несмотря на значительное количество претендентов на обучение в школе при университете, их уровень знаний был весьма посредственным. По итогам вступительных испытаний в школу приняли не более 70 абитуриентов. Было объявлено о дополнительном наборе учащихся, «предполагалось набрать еще 20 учащихся в возрасте от 15 до 20 лет из числа детей военнослужащих» [1, с. 174]. Соответствующее извещение было размещено в январе 1904 г. в той же газете «Дагунбао». Из всех заявленных абитуриентов экзамены сдали лишь 12, при этом для данной категории кандидатов требования были совсем низкие – они должны были всего лишь подтвердить хорошее знание китайского языка и не иметь вредных привычек, таких как курение опиума. Все они были зачислены, но, в отличие от принятых ранее учащихся, на платную основу – 55 юаней серебром за один семестр. К началу 1904 г. первый курс был укомплектован учащимися лишь частично (всего 92 человека), но занятия было решено начинать [21, с. 438].

В целом высокий интерес молодых китайских подданных к поступлению в Исюэгуань объяснялся в том числе тем, что уже с 1903 г. в империи шла реформа по упразднению системы сдачи традиционных государственных экзаменов *кэцзюй* (полностью отмечена в 1905 г.), и многие представители думающей молодежи искали возможности обучения и прежде всего –

⁵ В это должности служил до февраля 1904 г.

⁶ Подробнее о первых мероприятиях по модернизации Университета см., напр.: [17, с. 22; 19, с. 100].

⁷ Издавалась в Тяньцзине.

в новых учебных заведениях, дававших практические навыки и умения.

С 1905 по 1931 г. администрацией школы и образованной впоследствии ассоциацией выпускников было издано семь серий «Журнала учащихся и выпускников школы Исьюэгуань» (京師譯學館同學錄), из которых сегодня доступны для исследователей являются редакции 1905 г. (первая серия)⁸ и две редакции 1918 и 1925 гг. (пятая и шестая серии) этого документа [15; 14, с. 273–357]⁹. В настоящее время эти материалы являются весьма ценным и наиболее полным источником по истории Исьюэгуань, содержат ценную статистическую информацию, а также данные об учащихся и преподавателях, в том числе иностранных.

За всю историю существования школы туда были приняты более 700 учащихся [5, с. 45]¹⁰. При этом полный курс обучения завершили всего 358 человек, большинство из них – 200 выпускников – окончили школу в революционный 1911 г. [14, с. 356]¹¹.

По данным журналов, в ходе первой кампании по приему учащихся в 1903 г. на отделение русского языка были зачислены 13 человек, в

⁸ «Журнал» вошел в Устав учебного заведения 1905 г. и в связи с отсутствием на тот момент выпускников название звучало следующим образом: «Устав Пекинской школы иностранных языков Исьюэгуань. С приложением журнала учащихся и доклада» (*Цзинши исьюэгуань гуйчжан. Фу тунсюэлу цзи баогаошу*, 京師譯學館規章. 附同學錄及報告書) (см.: [13]).

⁹ «Журналы» также издавались в 1910 г. (вторая серия), 1911 г. (третья), 1915 г. (четвертая) и 1931 г. (седьмая).

¹⁰ По воспоминаниям одного из учащихся Цай Лу (поступил в 1903 г.), там в общей сложности обучались 635 учащихся. С 1903 по 1907 г. было организовано пять вступительных сессий в учебное заведение. При этом в 1905 г. учащиеся зачислялись дважды. Слушатели в зависимости от года поступления делились на группы по номерам китайских циклических знаков: тех, кого зачислили в 1903 г., именовали учащимися группы «цзя» (甲级, всего 92 человека), в 1905 г. – кто в первую группу (120) – «и» (乙级), кто во вторую (73) – «бин» (丙级), принятые в 1906 г. учащиеся (300) были объединены в группу «дин» (丁级), а те, кто поступил в 1907 г. (50), – в группу «ю» (戊级) [11, с. 805].

¹¹ В сентябре 1911 г. обучение завершили всего 139 учащихся из 300 поступивших в группу «дин» в 1906 г. Еще 61 ученик, принятый в учебное заведение в 1907 г. со сроком окончания в 1912 г., был вынужден досрочно пройти итоговую аттестацию и покинуть учебное заведение в октябре 1911 г. [14, с. 356].

1906 г. – 18, а в 1907 г. – всего 4 [15, с. 23, 38, 40, 42; 14, с. 308–351]. Эти данные, однако, не в полной мере соответствуют информации российского посольства в Пекине, которое в своей депеше в МИД осенью 1907 г. со ссылкой на нашего учителя школы сообщало, что «в течение слишком четырехлетнего существования русского класса (то есть с первого набора в 1903 г. – прим. авт.) курс проходил одними и теми же лицами, число которых ... постепенно уменьшалось и опустилось, наконец, до 11 человек». После переговоров российской миссии с директором школы произошло «увеличение с весны текущего года (1907 г.) числа учеников на 27 человек и, таким образом, в Школе переводчиков имеется ныне два русских класса – один находящийся в школе уже слишком четыре года ..., другой же приступивший к занятиям лишь шесть месяцев тому назад» (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 108–108об.).

Большинство учащихся поступали на отделение русского языка из граничившей в то время с центральной провинцией Чжили провинции Хэбэй (12 человек), а также располагавшейся недалеко от Пекина провинции Шаньдун. Возрастной ценз абитуриентов полностью соответствовал требованиям устава учебного заведения. Самому младшему из принятых, некому уроженцу провинции Чжэцзян по имени Сунь Байин (孙百英), на момент поступления в школу в 1903 г. было 16 лет, самому старшему по имени Цинь Симин (秦锡铭, поступил в 1903 г.) из провинции Шаньдун – 23 [13, с. 6об., 4об.].

Обращает на себя внимание, что некоторые поступали на русское отделение переводом или отучившись в других школах схожего уровня, в том числе с преподаванием русского языка. Скажем, учащийся Чэнь Пу (陈浦) ранее прошел курс обучения в Школе русского языка при КВЖД, Чэнь Даянь (陈大岩) учился в Тяньцзиньской школе русского языка, а Бо Шань (柏山) четыре года обучался русскому языку в Гуанчжоуской школе иностранных языков Тунвэньгуань [13, с. 3–3об., 1об.].

Содержание обучения в школе определялось целями этого учебного заведения – подготовка людей со знанием иностранных языков и общей политической ситуации «в интересах разных важных государственных дел» [21, с. 435].

Срок обучения составлял пять лет. Слушатели изучали общеобразовательные предметы и один из иностранных языков. Было разработано довольно сбалансированное урочное расписание.

сание: в рамках общих курсов преподавали основы китайского этико-философского учения, китайскую и зарубежную литературу, историю и географию, математику, естествознание (физиология, основы гигиены, минералогия, ботаника, зоология), физику, химию, рисование, учащиеся посещали уроки физкультуры. Начиная с третьего курса вводились специальные предметы, такие как основы права, теория переговоров, международные отношения, финансы и педагогика. Общие и специальные курсы читались один-два раза в неделю [21, с. 436–437].

С учетом специфики учебного заведения основное внимание, естественно, уделялось преподаванию иностранных языков. Если на все общие и специальные предметы каждого из курсов выделялось по 20 учебных часов в неделю, то на изучение иностранного языка закладывалось 16 часов. В рамках языковой подготовки на первом курсе учащиеся изучали азбуку, словосочетания, учились письму, на втором и последующих составляли диалоги, изучали грамматику, писали сочинения, на четвертом и пятом курсах вводилось чтение литературы на иностранном языке [21, с. 436–437]¹².

Учебные пособия частично разрабатывались школой самостоятельно, на основе китайской базы учебников, но подавляющее большинство обучающих материалов составляли японские переводные образовательные издания¹³. В историографии не сохранилось информации о том, какими учебниками пользовались при обучении на отделении русского языка. Вполне возможно, что основным пособием был дважды изданный в 1906 г. старшим учителем Школы русского языка при КВЖД Я.Я. Брандтом (англ. J.J. Brandt, кит. 卜郎特, 1869–1946) трехтомный

учебник по русскому языку для китайских учащихся «Почин. Опыт учебной хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах» [2, с. 585], а также разработанные самими же преподавателями дидактические пособия.

В административном плане школа формально подчинялась руководству университета, но, как сообщали находившиеся тогда в Пекине россияне, она «одно время была соединена с Пекинским университетом, но уже несколько лет существует самостоятельно, в качестве специальной школы иностранных языков» (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 108). Учебным заведением руководил директор (*цзяньду*, 監督), у которого был один заместитель (*цзяоу тидяо*, 教务提调). Штатное расписание также дополняли административные и хозяйственные служащие [21, с. 439–440]. За все время существования школы в ней сменились шесть директоров [11, с. 806]. Последним из них с 1909 г. служил хорошо известный в то время русист Шао Хэнцзюнь (другое чтение – Шао Хэнсюнь, 昭恒浚, 1870–1951)¹⁴.

Администрация школы уделяла большое внимание формированию педагогического коллектива. Для обучения приглашались местные и иностранные преподаватели, при этом местные наставники вели преподавание как общеобразовательных предметов, так и иностранных языков, иностранцы занимались только обучением иностранных языков. С учетом того, что школа имела все же статус языкового гуманитарного заведения, особое значение придавалось качественному преподаванию родного языка: в раз-

¹² Занятия в школе начинались в шесть часов утра с зарядки, потом ученики завтракали, после чего в течение трех часов велось преподавание иностранных языков. В полдень предусматривался обед. С двух часов после полудня в течение трех часов им преподавали общеобразовательные предметы. В пять часов вечера ужинали и до семи часов занимались самоподготовкой. В девять часов вечера слушатели отходили ко сну. В школе ночевали все учащиеся группы «цзя» и часть учащихся группы «и», все остальные учащиеся ночевали за пределами школы [24, с. 519].

¹³ Например, в перечне учебников по математике, которые использовались для преподавания в Исюэгуань, из 121 наименования 102 были японскими пособиями, которые перевели на китайский язык и адаптировали для нужд школы [1, с. 259–262].

¹⁴ Шао Хэнцзюнь родился в уезде Вэньдэн провинции Шаньдун. В ранние годы учился в академии Гоцзыцзянь. В 1886 г. поступил на русское отделение пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань. В 1896 г. в числе первых китайских студентов был командирован в Санкт-Петербург, где проходил языковую стажировку в Учительском институте. По возвращении в Китай в 1889 г. занимал различные должности в Судебном ведомстве, в должности старшего делопроизводителя (主事) служил в центральном управлении по переговорам при Хэйлуңцзянской железной дороге. Впоследствии был назначен на должность начальника отделения (ланчжун) в Ведомстве по делам просвещения. В 1909 г. возглавил школу Исюэгуань. После революции 1912 г. продолжал деятельность госслужащего, в частности, в 1912 г. возглавлял Специальную школу русского языка при Министерстве иностранных дел (俄文专修馆), а в 1917 г. получил назначение генконсулом во Владивосток (подробнее см.: [5, с. 45; 26, с. 24–25]).

ное время там служили 12 наставников китайской словесности [11, с. 806]. Среди преподавателей иностранных языков преобладали учителя английского (5 китайских, 3 английских и 2 американских преподавателя) и французского языков (7 китайских и 5 французских учителей) [15, с. 1–10].

На отделении русского языка в общей сложности трудились четверо китайских преподавателей и двое россиян [15, с. 2, 4–6]. Среди китайских преподавателей наиболее известными были Фань Сюйлян (范绪良), Хао Шуцзи (郝树基) и Чэнь Цзяцзюй (陈嘉驹)¹⁵. Информация о четвертом преподавателе, Юй Дапэне (余大鹏), практически отсутствует. Известно лишь, что он был выпускником отделения русского языка Хубэйской школы «самоусиления» (湖北自强学堂) [13, с. 2об.]. О деятельности китайских учителей русского языка известно мало. Не исключено, что они рутинно осуществляли свои функции и в соответствии с учебными планами обучали слушателей русскому языку.

Больше оценочной информации сохранилось о российских преподавателях школы. Вскоре после открытия учебного заведения там в течение незначительного времени (не более полугодя – с зимы до лета 1904 г.) преподавал выпускник Восточного факультета Санкт-Пе-

¹⁵ Эти три учителя были выпускниками разных лет русского отделения пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань. Чэнь Цзяцзюй поступил на русское отделение школы в 1886 г., Фань Сюйлян – в 1893 г., по окончании остался там работать в должности ассистента преподавателя [16, с. 30, 32]. В 1896 г. Чэнь Цзяцзюй в числе первых китайских учащихся в истории российско-китайских образовательных связей был направлен в Россию для продолжения обучения в Санкт-Петербурге в учительском институте. В 1899 г. в то же учебное заведение был направлен и Хао Шуцзи (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, далее – ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Д. 888. Л. 18, 22). Хао Шуцзи показывал достойные результаты в обучении. Характеризуя его навыки в области русского языка, один из российских преподавателей, в частности, отмечал, что читать он стал «довольно свободно», прочитанное понимал и потом пересказывал «довольно хорошо», а разъясненный материал излагал «письменно довольно понятным языком и без грубых ошибок» (ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Д. 888. Л. 25об.). В 1902 г. Хао Шуцзи был направлен в Горный институт имени Екатерины II для изучения горных наук [10, с. 35]. В 1904 г. он вернулся в Китай [18, с. 163]. Впоследствии (не ранее 1916 г.) Фань Сюйлян и Чэнь Цзяцзюй перешли на работу в МИД [16, с. 30, 32].

тербургского университета Алексей Иванович Иванов (кит. имя: *Ифэнгэ*, 伊凤阁; 1878–1937), находившийся в 1902–1904 гг. в Пекине в научной командировке (подробнее о нем см.: [8, с. 264–271])¹⁶.

После возвращения А.И. Иванова в Россию в школу в качестве наставника был приглашен другой выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета по фамилии Григорьев¹⁷. В 1906 г. Григорьев проводил экзамен, темы для которого им были разработаны самостоятельно с учетом специфики учебного заведения и, видимо, предложений администрации учебного заведения¹⁸. О его преподавательской деятельности, относящейся к 1906 г., также сообщается в подготовленном российским посольством в Пекине обзорном материале «Данные о школах в собственном Китае, в которых производится преподавание русского языка» (Российский государственный исторический архив, далее – РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 780. Л. 53об.–54).

Григорьев ответственно исполнял свои функции, содействовал повышению качества работы русского отделения. Он, часто указывая «на равнодушие, проявляемое начальством школы к делу преподавания нашего языка», сообщал в российское посольство, что «русскому преподавателю не давали новых учеников и в течение слишком четырехлетнего существования русского класса (1907 г.) курс проходил одним

¹⁶ Россиянин, по-видимому, начал свою преподавательскую работу еще до учреждения Исюэгуань, обучая слушателей русскому языку в самом Пекинском университете. Упоминания об этом сохранились в уставных документах университета от декабря 1903 г. [20, с. 18].

¹⁷ Прямых данных, указывающих на то, что Григорьев был принят в школу в 1904 г., не имеется. Но с учетом того, что в нормативных документах о деятельности этого учебного заведения нет упоминаний о работе там какого-либо другого россиянина и в то же время понятно, что А.И.Иванов вернулся в Россию в 1904 г., можно заключить, что Григорьев приступил к исполнению своих обязанностей учителя русского языка в Исюэгуань в том же 1904 г., скорее всего, со второй половины года. Первые же документальные свидетельства о работе россиянина в этой школе относятся к 1905 г. [13, с. 2об.].

¹⁸ В Архиве Пекинского университета сохранились подписанные россиянином экзаменационные задания – «Темы письменного ответа для учеников первого русского класса (учащиеся группы «цзя», 1903 г.) на экзамене 22-го октября 1906 года» (АПУ. JS0000123/1. Л. 84). Это весьма ценный источник по работе русского отделения школы Исюэгуань.

и теми же лицами» (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 108). После долгих разъяснений со стороны россиянина, школьное начальство весной 1907 г. распорядилось набрать новый класс с преподаванием русского языка.

В конце октября 1907 г. в школе проводилась аттестация, организованная Ведомством по делам просвещения. Возглавлял проверочные мероприятия лично доверенный Министра просвещения Чжан Чжидун секретарь Шао Хэнцзюнь, который, как указывалось, с 1909 г. возглавлял это учебное заведение. В каждый из своих приездов Шао Хэнцзюнь особо интересовался работой русского отделения, что «объясняется, конечно, прежде всего личностью экзаменатора, но также и тем значительным интересом, который проявляет к делу преподавания русского языка сановник Чжан Чжидун» (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 108об.).

Григорьев при каждом удобном случае пытался привлечь внимание представителей образовательного ведомства, посещавших школу, к вопросам преподавания русского языка. В том же октябре 1907 г. посланник в Пекине Д.Д. Покотиллов писал в МИД, что «по поручению китайского министерства народного просвещения Григорьев занят ныне составлением соображений об упорядочении и расширении порученного ему дела (преподавание русского языка. — прим. авт.), причем можно казалось бы рассчитывать, что в дальнейшем преподавание русского языка в Пекинской школе переводчиков будет поставлено нормально и устранится возможность недоразумений, благодаря которым состав русского класса не пополнялся в течение целого ряда лет» (АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 108об.).

Российский преподаватель зарекомендовал себя как хороший специалист. За работу школьное начальство выплачивало ему весьма высокое жалованье — 5 тыс. долл. в год¹⁹. Это была максимальная ставка, установленная местными властями работавшим в китайских учебных заведениях российским преподавателям (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 780. Л. 53 об.—54).

Степень усвоения знаний проверялась в ходе регулярных аттестаций и экзаменов. Предусматривались месячные (один раз в три месяца), семестровые (один раз в полгода) и выпускные экзамены (по итогам полного пятилетнего курса обучения). От одного до двух раз в месяц проводились аттестации по китайскому языку. Оценки за экзамены проставлялись на самих

работах, которые передавались на хранение в Ведомство по делам просвещения.

Слушатели русского отделения, судя по всему, учились неплохо. Например, по итогам второго семестра (зима 1904 г.) среди 7 учащихся, о которых сохранились данные, общий балл девяти учебных дисциплин четырех из них составлял 89–90 (высший; применялась столбальная система оценок), при этом оценки по русскому языку первых трех²⁰ были 95 и 96 баллов, а четвертого из них, упоминавшегося выше Чэнь Пу (陈浦), — 100 баллов [4, с. 1–2].

По своему содержанию экзамены были довольно сложными. Скажем, на экзамене по истории ученикам русского отделения предлагалось ответить на вопросы «о причинах строительства россиянами пограничной крепости Албазин» или пояснить, «какие участки российско-китайской границы были согласованы и получили юридическое оформление по результатам подписанного сторонами Кяхтинского договора» (АПУ. JS0000123/1. Л. 33).

Вместе с тем, с учетом специфики учебного заведения главным был экзамен по иностранному языку, который требовал от выпускников не только высокого уровня языковой подготовки, но и демонстрации знаний по самому широкому кругу общественно-политических вопросов. Например, на экзамене осенью 1907 г. учащимся русского отделения было предложено на русском языке ответить на вопрос: «Что такое “натурализация”? История натурализации в Англии. Русский закон о натурализации 10-го февраля 1864 г.» (АПУ. JS0000123/1. Б.л.). А годом ранее слушатели группы «цзя» (1903 г.) на переводном экзамене с третьего на четвертый курс отвечали на следующий вопрос: «Венский конгресс. Какие главные вопросы были решены на нем? Как был решен вопрос об устройстве нового политического порядка в Европе?» (АПУ. JS0000123/1. Л. 85).

Особое внимание уделялось выпускным экзаменам. Учащиеся сдавали экзамены по основным общеобразовательным предметам и изучаемому иностранному языку, оценки за которые проставлялись в аттестат. На основании этих оценок выводился общий балл успеваемости выпускника [25, с. 273]. Выделялось пять разрядов таких общих оценок, начиная с разряда «лучший» (最优等) и заканчивая разрядом «худший» (最下等) [21, с. 439]. По воспоминаниям учащихся, выпускники, сдавшие выпускные эк-

¹⁹ Эквивалентно 5 тыс. лян серебра.

²⁰ Цинь Имин (秦锡铭), Цай Бажуй (蔡宝瑞) и Чжу Шижуй (朱式瑞).

замены по первому разряду, в должности старшего делопроизводителя (主事) назначались на вакантные позиции в ведомствах центральной провинции Чжили, округах, а также в провинциальных управлениях портов, открытых для международной торговли; сдавших по второму разряду в должности секретарей Дворцовой канцелярии (内阁中书) направляли для работы в уездах и также международных портах; наконец, сдавшим по третьему разряду присваивали седьмой ранг государственной службы (七品官) с рекомендациями на нижние должности в местных органах власти [11, с. 807–808].

Информации о том, как сдавали выпускной экзамен учащиеся русского отделения, не сохранилось. Но, судя по данным пятого «Журнала выпускников Исюэгуань» (1918), в котором были зафиксированы места работы некоторых бывших слушателей этого отделения, учились будущие русисты в целом неплохо. И несмотря на то, что каких-либо значительных результатов в карьере никто из них не достиг, некоторые выпускники впоследствии были назначены на должности в центральные министерства и ведомства, местные управления и на новые производства, где имели возможность в полной мере использовать приобретенные в школе общие знания, в том числе знание русского языка²¹. Трое учащихся школы продолжили обучение в России²².

²¹ Например, Ван Жумин (王汝明), принятый в школу в 1906 г., и Чжао Шифэнь (赵世葵), принятый в 1903 г., впоследствии служили в Ведомстве финансов, Цзинь Тицян (金体乾), принятый в 1906 г., – в правительстве провинции Цзянсу, а Ян Чжаонянь (杨兆年), принятый в 1907 г., – в правительстве провинции Аньхуэй. Многие были задействованы в активно развивающихся новых отраслях, в том числе железнодорожном строительстве: Чжу Шижу (朱式瑞), Сунь Байин (孙百英), Цинь Имин (秦锡铭), Ян Шичэн (杨世震), принятые в школу в 1903 г., и Сюй Миндэ (许明德), принятый в 1906 г., – в Центральном управлении железных дорог. Некоторые трудились на педагогическом поприще, как, например, Тянь Шэньюй (田乘玉) и Ли Пэйкэ (李佩珂), принятые в 1906 г., и служившие преподавателями Пекинского педагогического университета [15, с. 13–15, 18, 23–24, 26, 31, 38, 40].

²² Выпускник отделения русского языка Гуанжоуской школы иностранных языков (广州同文馆) Бо Шань (柏山), принятый в школу Исюэгуань в сентябре 1903 г., в ноябре того же года был направлен на обучение в Россию. Выпускник Школы русского языка при КВЖД Чэнь Пу (陈浦), зачисленный в школу также в сентябре 1903 г., был командирован в Россию в сентябре 1905 г. Чэнь Даянь (陈大岩), вы-

пустился в Пекин в сентябре 1905 г., а выпускник Тяньцзиньской школы русского языка, начавший обучение в школе в 1903 г., выехал в Россию в сентябре 1905 г. [13, с. 1об., 3–3об.].

Школа иностранных языков Исюэгуань просуществовала до 1911 г., когда была расформирована как отдельное учебное учреждение и в качестве факультетов иностранных языков была включена в Пекинский университет²³. Так, в старейшем вузе Китая начал свою работу факультет русской литературы (俄罗斯文学门), с 1919 г. – факультет русского языка (俄语系), плодотворно функционирующий и по настоящее время. Вместе с тем, несмотря на закрытие школы, ее традиции, подкрепляемые выпускниками, продолжили свое существование. В 1920 г. была учреждена Ассоциация выпускников этой школы (*Цзинши исюэгуань сяо ю хуэй*, 京师译学馆校友会). В 1958 г. бывшие выпускники учебного заведения составили сборник всех сохранившихся документов, посвященных учащимся и самой школе, который был преподнесен в дар Пекинскому университету в ходе празднования 60-летней годовщины его создания [11, с. 811–812]. Летом 1961 г. на заседании ассоциации был утвержден устав, определивший целью этого объединения «поддержку чувств [выпускников школы] и развитие культуры» [11, с. 812]. О дальнейшей судьбе этой структуры ничего не известно.

Такова была история школы иностранных языков при Пекинском университете. Учебное заведение просуществовало не более десяти лет, было образовано вскоре после появления самого университета, заложив основы преподавания иностранных языков, в том числе русского, в стенах этого уважаемого вуза. С точки зрения организации образовательного процесса школа Исюэгуань была весьма хорошим учебным заведением. По всей империи был организован прием учащихся, местная администрация разработала сбалансированное урочное расписание, где с учетом специфики школы приоритет отдавался преподаванию иностранных языков. Было обеспечено стабильное финансирование, в том числе позволявшее приглашать иностранных наставников, что было в интересах повышения качества преподавания. Российскому преподавателю было назначено максимальное среди других россиян, работавших в китайской системе образования, жалование.

пускник Тяньцзиньской школы русского языка, начавший обучение в школе в 1903 г., выехал в Россию в сентябре 1905 г. [13, с. 1об., 3–3об.].

²³ На момент расформирования в школе обучалось чуть более 50 слушателей, преподавание велось на русском, английском, немецком и французском отделениях.

Степень внимания к преподаванию конкретных иностранных языков демонстрировала приоритеты внешней политики империи. Количество преподавателей-иностранцев английского и французского языков в несколько раз превышало количество российских наставников. Ситуация повторялась и на уровне учащихся: слушателей, изучавших русский язык, было намного меньше, чем тех, кто изучал другие европейские языки²⁴, да и те, кто числились в русской группе, демонстрировали вполне обычные знания предмета и в общих рейтингах успеваемости занимали средние позиции. Общая неблагоприятная обстановка, которая складывалась вокруг преподавания русского языка, не раз становилась предметом дискуссий русского учителя Григорьева с руководством школы. Сложно сказать, улучшилась ли ситуация в будущем и смог ли россиянин выполнить поставленную ему Ведомством по делам просвещения задачу по составлению плана по совершенствованию преподавания русского языка. Скорее всего, каких-либо заметных преобразований в образовательном процессе не последовало, и одной из важных причин была низкая заинтересованность учащихся. Если поначалу в школу пытались попасть многие абитуриенты, сделавшие выбор в пользу нового западного образования перед классическим, вследствие реорганизации экзаменационной системы *кэцзюй*, то в последующие годы высоким спросом школа не пользовалась. Мало кто из выпускников учебного заведения, и в частности отделения русского языка, достиг каких-либо выдающихся результатов по окончании школы. Ни один из выпускников русского отделения не продолжил обучение в университете, хотя они имели на то права и, возможно, обладали некоторыми льготами при поступлении и обучении. В итоге даже спустя много лет после окончания эти выпускники продолжали служить на низких и средних исполнительских позициях в государственных ведомствах и учреждениях.

Как бы то ни было, школа Исюэгуань внесла вклад в становление практики преподавания иностранных языков, включая русский, в стенах Пекинского университета. Разработанная правовая база, обеспечивавшая образовательный процесс в школе, была использована при орга-

низации преподавания иностранных языков в Пекинском университете, в организационном плане делая это направление в вузе стабильно работающим и наиболее привлекательным для последующего поколения студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэйцзин дасюэ шиляо (Исторические материалы по Пекинскому университету). Т. I (1898–1911). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1993.
2. Дацышен В.Г. Изучение русского языка в Китае в конце XIX – начале XX вв. // Сборник материалов 43-й научной конференции «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 2013. С. 577–586.
3. Дэн Шаохуэй. Ваньцин цайчжэн юй чжунго цзиньдайхуа (Финансы в поздние годы династии Цин и модернизация Китая). Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998.
4. Исюэгуань цзя цзи ди эр сюэци фэньшу пинцзюньбяо (Таблица баллов за успеваемость второго семестра группы «цзя» Школы иностранных языков «Исюэгуань»). Пекин, 1904.
5. Ли Наньцю. Цин мо исюэгуань юй фаньи жэньцай (Школа иностранных языков Исюэгуань в поздние годы династии Цин и переводческие кадры) // Чжунго фаньи. 1996. № 3. С. 45–46.
6. Ли Хуасин. Миньго цзяюй ши (История образования в Китайской Республике). Шанхай: Шанхай цзяюй чубаньшэ, 1997.
7. Попов П.С. Основание университета в Пекине и реальных гимназий в разных провинциях Китая // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 818–826.
8. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977.
9. Сяо Цижань, Ша Цзяньсунь, Чжоу Чэньэнь, Лян Чжу. Бэйцзин дасюэ сяоши (История Пекинского университета). Шанхай: Шанхай цзяюй чубаньшэ, 1981.
10. Тридцатилетие С.-Петербургского учительского института (1872–1902). СПб.: типография журнала «Строитель», 1903.
11. Цай Лу. Цзинши исюэгуань шимо хуэйи (Воспоминания об истории Пекинской школы иностранных языков Исюэгуань) // Вэньши цзыляо цуньгао сюяньбянь (цзяюй). Т. 24. Пекин, 2002. С. 800–812.
12. Цзинши дасюэтан данъань сюаньбянь (Сборник архивных материалов о Пекинском университете). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2001.

²⁴ Если, как указывалось, на русском отделении учились всего 34 человека, то за все время работы учебного заведения на отделении английского языка обучались 154 человека, а французского – 145 [14, с. 356].

13. Цзинши исюэгуань гуйчжан. Фу тунсюэлу цзи баогаошу (Устав Пекинской школы иностранных языков Исюэгуань. С приложением журнала учащихся и доклада). Пекин: Цзинши сюэчучу гуаньшу цзюй, 1905

14. Цзинши исюэгуань сяо ю лу (Журнал выпускников Пекинской школы иностранных языков Исюэгуань) (1925) // Миньго вэньсянь лэйбянь. Пекин: Гоцзя тушугуань чубаньшэ, 2015.

15. Цзинши исюэгуань сяо ю лу, цзисюй (Журнал выпускников Пекинской школы иностранных языков Исюэгуань. С вступлениями) (1918) // Цзиньдай чжунго шиляо цункань сюйбянь. Т. 50. Тайбэй: Тайбэй вэньсянь чубаньшэ, 1978.

16. Цзинши тунвэньгуань сюэ ю ди и цы хуэй баогаошу (Доклад первой конференции выпускников пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань). Пекин: Цзинхуа иньшучзюй, 1916.

17. Цзинь Илин. Цзиньдай чжунго дасюэ яньцзю: 1895–1949 (Исследования университетов в Китае в Новое время: 1895–1949). Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2000.

18. Цзиньдай ши цзыляо (Материалы по Новой истории). № 92. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1997.

19. Чжунго гаодэн цзяоюй ши (История высшего образования в Китае) // под ред. Чжэн Дэньюня. Т. I. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1994.

20. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Гаодэн цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Высшее образование). Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2007.

21. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Сюэчжи яньбянь (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Эволюция системы образования). Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2007.

22. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ канькао цзыляо (Справочные материалы по преподаванию истории образования в Китае в Новое время). Т. I. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1986.

23. Чжунго цзяоюй ши яньцзю, цзиньдай фэньцзюань (Исследования истории образования в Китае. Раздел «Новая история»). Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2009.

24. Чэнь Исянь. Цзи исюэгуань (Записи о Школе иностранных языков Исюэгуань) // Юйчжоуфэн (и кань). 1940. № 27. С. 519–520.

25. Ян Ян. Цзинши исюэгуань вэньпин као (Исследования аттестата об окончании Пекин-

ской школы иностранных языков Исюэгуань) // Шоуду боугуань луньцун. Пекин: Бэйцзин яньшань чубаньшэ, 2016. С. 272–279.

26. Янь Годун. Китайские преподаватели в Санкт-Петербургском университете до 1917 г. // Институт Конфуция (СПбГУ). 2012. Вып. 11. № 2. С. 21–27.

REFERENCE

1. 北京大学史料. 第一卷 (1898–1911) [Historical records on Peking University / Vol. 1 (1898–1911)]. 北京: 北京大学出版社, 1993. (in Chinese)

2. Datsishen, V.G., 2013. Izuchenie russkogo yazyka v Kitae v kontse 19 – nachale 20 vv. [Russian language studies in China in the late XIXth – early XXth century]. In: Sbornik materialov 43-y nauchnoy konferentsii «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Ch. I. Moskva, 2013, pp. 577–586. (in Russ.)

3. 邓绍辉, 1998. 晚清财政与中国近代化 [Finance in the late Qing Dynasty and the modernization of China]. 成都: 四川人民出版社. (in Chinese)

4. 译学馆甲级第二学期分数平均表 [Second term performance tables of «jia» group of Yixueguan]. 北京, 1904. (in Chinese)

5. 黎难秋, 1996. 清末译学馆与翻译人才 [Yixueguan during late Qing Dynasty and translation personnel], 中国翻译, no. 3, pp. 45–46. (in Chinese)

6. 李华兴, 1997. 民国教育史 [History of education in People's Republic of China]. 上海: 上海教育出版社. (in Chinese)

7. Popov, P.S., 1897. Osnovanie universiteta v Pekine i real'nykh gimnazii v raznikh provintsiyakh Kitaya [The establishment of Peking University and intermediate schools in various provinces of China], Vestnik Evropy, no. 2, pp. 818–826. (in Russ.)

8. Skachkov, P.E., 1977. Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya [Essays on the history of Russian Sinology]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. 萧起然, 沙健孙, 周承恩, 梁柱, 1981. 北京大学校史 [History of Peking University]. 上海: 上海教育出版社. (in Chinese)

10. Tridtsatiletie S. Peterburgskogo uchitel'skogo instituta (1872–1902) [The thirtieth anniversary of the St. Petersburg Teacher Training Institute, 1872–1902]. Sankt-Peterburg, 1903. (in Russ.)

11. 蔡璐, 2002. 京师译学馆始末回忆 [Memories of the history of Yixueguan]. In: 文史资料存稿选编 (教育). 第24册. 北京. (in Chinese)

12. 京师大学堂档案选编 [Collection of archival documents on Peking University]. 北京: 北京大学出版社, 2001. (in Chinese)
13. 京师译学馆规章 (附同学录及报告书) [Charter of Beijing Yixueguan (with a student journal and report)]. 北京: 京师学务处官书局, 1905. (in Chinese)
14. 京师译学馆校友录 (1925) [Journal of Yixueguan graduates (1925)]. In: 民国文献类编, 教育卷 (844). 北京: 国家图书馆出版社, 2015. (in Chinese)
15. 京师译学馆校友录. 记序 (1918) [Journal of Yixueguan graduates. With introductions (1918)]. In: 近代中国史料丛刊续编. 第50辑. 台北: 台北文献出版社, 1978. (in Chinese)
16. 京师同文馆学友第一次会报告书 [Report of the first conference of graduates of T'ong-wen Kuan School]. 北京: 京华印书局, 1916. (in Chinese)
17. 金以林, 2000. 近代中国大学研究: 1895–1949 [University studies in China in modern times, 1895–1949]. 北京: 中央文献出版社. (in Chinese)
18. 近代史资料 [Materials on modern history]. 第 92. 北京: 中国社会科学出版社, 1997. (in Chinese)
19. 郑登云 ed., 1994. 中国高等教育史主编. 上册 [History of higher education in China. Vol. 1]. 上海: 华东师范大学出版社. (in Chinese)
20. 中国近代教育史资料汇编. 高等教育 [Collection of materials on the history of education in China in modern times. Higher education]. 上海: 上海教育出版社, 2007. (in Chinese)
21. 中国近代教育史资料汇编. 学制演变 [Collection of materials on the history of education in China in modern times. The evolution of the educational system]. 上海: 上海教育出版社, 2007. (in Chinese)
22. 中国近代教育史教学参考资料. 上册 [Reference materials on teaching the history of education in China in modern times. Vol. 1]. 北京: 人民教育出版社, 1986. (in Chinese)
23. 中国教育史研究. 近代分卷 [Research on the history of education in China. Section «Modern history»]. 上海: 华东师范大学出版社, 2009. (in Chinese)
24. 陈诒先, 1940. 记译学馆 [Records on Yixueguan], 宇宙风 (乙刊), no. 27, pp. 519–520. (in Chinese)
25. 杨洋, 2016. 京师译学馆文凭考 [Studying the graduation certificate of Beijing Yixueguan]. In: 首都博物馆论丛. 北京: 北京燕山出版社. (in Chinese)
26. Yan Guodong, 2012. Kitaiskie prepodavateli v Sankt-Peterburgskom universitete do 1917 goda [Chinese faculty in Saint-Petersburg University before 1917], Institut Confutsiya, no. 11, pp. 21–27. (in Russ.)

О.П. Еланцева, Ван Юе*

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ ВОСТОКОВЕДА М.И. СЛАДКОВСКОГО (ПО ДОКУМЕНТАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА 1924–1930 гг.)

В статье рассматриваются студенческие годы будущего академика-китаеведа М.И. Сладковского, проведенные в Дальневосточном университете во Владивостоке. Анализируя исторические свидетельства тех лет – заявления, ходатайства, анкеты, авторы уточняют и дополняют историю профессионального становления известного ученого.

Ключевые слова: китаеведение, Дальневосточный университет, М.И. Сладковский, студенческие годы

Archival documents on the student years of Mikhail Sladkovsky in the Far Eastern University, 1924–1930. OLGA P. ELANTSEVA, WANG YUE (Far Eastern Federal University)

The article deals with the student years of a future academician and prominent specialist in Chinese studies Mikhail Sladkovsky, who graduated from the Far Eastern University in Vladivostok. Analyzing various minor historical evidence of those years such as statements, petitions, questionnaires, the authors clarify and restore the history of his professional development.

Keywords: Chinese studies, Far Eastern University, M.I. Sladkovsky, student years

В 2019 г. исполняется 120 лет с того времени, когда вузовское китаеведение пришло во Владивосток. В этой связи вполне обоснованным является обращение к его истории, к тем, кто получил профессиональную подготовку китаиста в Восточном институте (1899–1920 гг.) или на восточном факультете ГДУ–ДВГУ (1920–1939 гг.).

Среди выпускников китайского отделения Дальневосточного университета 1930 г. был Михаил Иосифович Сладковский, в будущем – академик, директор Института Дальнего Востока Академии наук СССР. Его деятельность высоко оценивается как в России, так и за ру-

бежом [10, с. 621, 654, 673, 684 и др.]. Китаевед, академик РАН М.Л. Титаренко называл М.И. Сладковского среди своих выдающихся учителей и коллег по работе [7, с. 494]. Он отмечал, что Михаил Иосифович имел «глубокое знание Китая», являлся «опытным, знающим, заслуженным китаистом» [7, с. 521]. Не менее весомо мнение академика РАН С.Л. Тихвинского: он относил Сладковского к крупнейшим классикам отечественного (российско-советского) востоковедения [8, с. 360].

Начальный этап профессионального становления М.И. Сладковского, совпавший с его сту-

---

* ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ВАН Юе, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: 3172084817@qq.com

© Еланцева О.П., Ван Юе, 2019

денческими годами, нашел незначительное отражение в исследовательской литературе. Как правило, в ней встречаются лишь упоминания об учебе М.И. Сладковского в Дальневосточном университете во Владивостоке [1, с. 45; 2, с. 211, 572; 7, с. 245; 9, с. 57; 11, с. 144 и др.]. Более подробная информация по интересующему нас вопросу содержится в публикациях самого академика Сладковского, подготовленных в середине 1970-х – начале 1980-х гг. Они носят автобиографический характер и рассказывают о поступлении на восточный факультет университета, о первых вузовских впечатлениях, о преподавателях и студентах, их общественной деятельности [4, с. 39–85; 5, с. 148–152], а также о прохождении студенческой практики в Шанхае и Харбине в 1926 г. и 1927 г. [4, с. 104–121; 6, с. 169–178] и т. д. Благодаря архивным документам Дальневосточного университета и опубликованным материалам в данной статье удалось восстановить важные детали и дополнить историю профессионального становления ученого-китаеведа.

Путь М.И. Сладковского во Владивосток во многом был определен школьными годами. Аттестат, сохранившийся в личном деле студента Дальневосточного университета и датированный 28 июня 1924 г., утверждал, что за время учебы Михаил не только показал «соответствующие требованиям школы познания» по основным предметам программы – русскому языку, истории, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, химии, минералогии и геологии, географии и другим дисциплинам, но и «обнаружил особую работоспособность» (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 31об.).

За официальными словами об «особой работоспособности» юноши стояло преодоление распространенного в те годы явления – крайней нужды. Не случайно раздел в книге «Знакомство с Китаем и китайцами», касавшийся после-революционной ситуации в Амурской области, М.И. Сладковский дал под названием «Тяжелые годы» [4, с. 27–30]. В семье Сладковских, состоявшей из семи человек, на производстве трудился только один – отец. Во время гражданской войны и иностранной военной интервенции старший брат и отец были мобилизованы в армию. «Я, пятнадцатилетний юноша, – замечал Михаил, – остался кормильцем семьи» [4, с. 28].

Бедность мешала получению образования. В анкете, заполненной в ГДУ осенью 1924 г.,

Михаил Сладковский отвечал положительно на вопрос, были ли перерывы в учебных занятиях, и пояснял, что он «с сентября 1920 г. по май 1921 г. работал в ремонте телеграфа; ... с 1 июня 1922 г. по 1 августа 1923 г. работал в ремонте железнодорожного пути» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 49–50). В названной выше монографии М.И. Сладковский подтверждал факт одновременной работы и учебы, нерегулярное посещение школьных занятий в вечерние часы, хотя и указывал иной период: «С ранней весны 1923 года и до лета 1924 года, я совмещал учебу в школе с черновой работой в железнодорожных мастерских, на вокзалах». В артели на разъезде Ольгохта Михаил подружился с «бывшим хунхузом» Ваном, что усилило интерес молодого человека к Китаю и китаеведению [4, с. 28, 33, 35].

Успехи Сладковского в освоении школьных предметов общественно-политического цикла, склонность к комсомольской работе и искреннее желание стать активным участником создания нового общества (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 18, 31об.) дали основания уездному комитету Российского коммунистического союза молодежи (укому РКСМ) и дорожному профсоюзу направить Михаила на месячные педагогические курсы в Хабаровск. После их окончания Сладковского командировали во Владивосток на должность учителя младших классов школы-семилетки, располагавшейся в районе Первой речки¹. В ней он прослужил с 1 сентября 1924 г. по 1 января 1925 г. (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 44). В первые дни своей трудовой деятельности учитель М.И. Сладковский обратился к директору школы за разрешением поступить в университет и получил поддержку – полное одобрение планируемого шага и недельный отпуск для сдачи экзаменов [4, с. 39].

В 1924 г. вступительные экзамены для всех факультетов Дальневосточного университета (технического, агрономического, педагогического и восточного (с китайским и японским отделениями)) были общими. После успешного прохождения двух первых испытаний следовал выбор факультета. Вот как вспоминает о своем решении сам М.И. Сладковский: «...У меня колебаний не было. В дни экзаменов я встретил комсомольцев Шуру Лысых, прибывшего из Харбина, где его отец работал на КВЖД, и Ваню Шишкина, выдававшего себя за бывало-

¹ В 1920-е гг. этот район считался пригородом Владивостока.

го моряка торгового флота, уже якобы побывавшего в Гонконге. Все трое мы считали себя в какой-то степени знакомыми с Китаем, с китайцами, и каждый из нас знал несколько десятков обыденных китайских слов. Мы могли по-китайски поздороваться, попрощаться, спросить фамилию, адрес или назвать некоторые предметы обихода. Со стороны казалось, что мы «зрелые» китаисты, и поэтому наше решение о поступлении на китайское отделение Восточного факультета было убедительным» [4, с. 39].

Сохранилось заявление М.И. Сладковского, написанное 9 сентября 1924 г. в адрес «Примочной комиссии» при Дальневосточном государственном университете (Приложение 1). Штамп на первой странице заявления с вписанным в него текстом свидетельствует: 10 октября 1924 г. М.И. Сладковский был зачислен студентом.

В течение обучения в Дальневосточном университете Сладковский неоднократно бывал в Китае, в том числе в 1926 г. в Шанхае. Об этом через много лет он достаточно подробно рассказал в своих публикациях [4; 6], считая эту поездку одним «из ярких, навсегда запомнившихся периодов» своей жизни [4, с. 102]. Вместе с тем удалось выявить любопытные архивные документы, позволяющие оттенить эти важные моменты в становлении профессионального китаевода. Например, заблаговременное, но далеко не простое решение организационных вопросов, связанных с командировкой. Еще в декабре 1925 г. стало известно о том, что в Китай, вслед за выехавшим туда студентом В. Войлошниковым, будут направлены и другие студенты-китаисты. В феврале 1926 г. объявили, что выбор пришелся на Ивана Шишкина и Михаила Сладковского. Ходатайствуя о выдаче документов, необходимых для заграничной поездки, и тот, и другой связывали ее цель со стремлением получить практику по языкам – английскому и китайскому (разговорному и письменному) (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 7, 8). 31 марта 1926 г. Сладковскому было выписано удостоверение Правления университета за № 504 о предоставлении ему *отпуска* (здесь и далее курсив наш. – прим. авт.) до 1 октября текущего года для поездки в Китай (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 11). Итак, речь в документе шла не о *командировке*, а о полугодовом *отпуске*. Данная весьма существенная деталь конкретизирована и в апрельской (1926 г.) расписке Сладковского, студента второго курса китайского разряда восточного факультета:

«Расписка ... дана сия Правлению университета в том, что я еду в Шанхай по собственному желанию и на собственные средства вне плана командировок и никаких материальных требований к университету предъявлять не буду» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 14).

Сладковский получил стипендию за апрель–сентябрь 1925 г. (всего 150 руб.) и обменял ее в Госбанке на китайскую валюту. Это были весьма скромные деньги, явно недостаточные для пребывания за границей. Но, несмотря на неизбежные в ближайшей перспективе финансовые затруднения, Сладковский не отказался от посещения страны изучаемого языка.

Еще один интересный документ – заявление Михаила Сладковского, написанное им 17 ноября 1926 г. по возвращении во Владивосток (Приложение 2). Причиной появления документа явилось оставление студента Сладковского на повторный курс обучения, так как он не успел вовремя, до отъезда в Китай, сдать зачет по английскому языку; к тому же задержался за границей на месяц с лишним. Ключевой фразой документа можно считать следующую: «Я ехал в Китай не отдыхать, а заниматься». Лаконичный текст заявления раскрывает перипетии, связанные с напряженным ежедневным трудом по пополнению багажа знаний по китаеведению, с поиском источника заработка за границей, с приемом и увольнением с работы в Телеграфном агентстве Советского Союза в Китае. Сладковский подчеркивал, что он совершенно не протестует против решения Правления, но, одновременно, не видит «особенной пользы в своем оставлении» на повторное обучение на втором курсе и просит перевести его на третий курс. В обоснование ходатайства студент-китаист приводил несколько весомых аргументов, в их числе – ликвидированная академическая задолженность. О том, что доводы китаиста возымели действие, говорят пометы на документе: «Просить Правление перевести» от 18 ноября 1926 г.; «Числить студентом 3-го курса» от 22 ноября 1926 г. Обе пометы сопровождалась ссылками на протоколы Правления.

Таким образом, документ, составленный Михаилом Сладковским, видимо, имевшие место устные пояснения и успешная сдача зачета по английскому языку убедили преподавателей и студенческий актив востфака и университета в значительном объеме работы, выполненной им в Китае, в достижении поставленной цели поездки – приобретении богатого опыта языковой практики.

Рис. 1. Студент М.И. Сладковский

Многочисленные мелкие письменные свидетельства (просьбы, ходатайства, заявления) и заполненные анкеты, имеющиеся в личном деле Сладковского, позволяют увидеть тяжелые материально-бытовые условия студентов Дальневосточного университета и варианты решения возникших проблем. Так, начинающий китаист Сладковский вынужден был в университете, как и в школьные годы, совмещать учебу и работу. В осеннем семестре первого курса он учительствовал в первореченской школе, затем в течение нескольких лет преподавал во владивостокской Советской партийной школе на китайском отделении. Безусловно, здесь он почерпнул много ценного из области китаеведения: лучше узнал китайцев и их культуру, овладел тонкостями разговорного китайского языка. Однако вознаграждение за указанную работу было скромным и служило лишь маленькой прибавкой к стипендии, которую получали студенты восточного факультета (при условии хорошей успеваемости).

Михаилу Сладковскому на первом курсе выплачивали стипендию в 225 руб. в годовом измерении, а на третьем курсе – 300 руб. или в среднем от 18 до 25 руб. в месяц, что явно не покрывало повседневных потребностей. Данное обстоятельство признавалось Дальневосточным университетом: хотя увеличение числа стипендий способствовало некоторому улучшению материального обеспечения студентов, но в целом положение учащихся ухудшилось в связи с удорожанием жизни [3, с. 32, 55].

Второкурсник Сладковский, добиваясь стипендии, указывал: она составляет главные средства существования, не имея которых, он будет «вынужден бросить занятия» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 45).

Весьма красноречиво заявление четверокурсника Сладковского (октябрь 1927 г.): «Прошу стипендиальную комиссию дать мне стипендию, в каковой я чрезмерно нуждаюсь. Три предшествующих года я находился на стипендии. В настоящее время нахожусь на последнем, четвертом курсе и думаю, что *мне время дорого больше, чем когда-либо*» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 47).

31 октября 1928 г. студент-выдвиженец Михаил Сладковский обращался в стипендиальную комиссию при Дальневосточном университете: «В виду того, что размер стипендии в 60 руб. меня удовлетворить не может, так как на моем иждивении находится жена, я поступил на службу в Дальторг. Тем не менее, желая ра-

ботать по выдвижению, я в учреждении остался практиком-стажером. Это мне, опять-таки, дает недостаточную сумму, посему я прошу зачислить меня на 30-[ти] рублевую стипендию». Как видим, возрастающая интенсивность занятий требовала больших затрат времени; от получения стипендии зависело не только продолжение учебы в Дальневосточном университете, но и ее результативность.

Несомненный интерес представляют расходы студентов Дальневосточного университета. Михаил Сладковский указывал в анкете за 1927 г.: ежемесячно на жизнь нужно было иметь минимум 48 руб. Большая часть этой суммы (приблизительно 63%) уходила на питание, около 14% – на оплату жилья с отоплением и освещением (подсчитано по данным: РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 46); добавим к этому, что нужны были деньги на учебники, газеты, письменные принадлежности, посещение кино и театра.

Итак, финансов не хватало, в том числе и на оплату жилья, приходилось искать что-то более подходящее. Неслучайно Михаил Сладковский за время студенчества несколько раз менял место проживания (ул. Пушкинская, д. 25, д. 51, д. 95 и т. д.). Какое-то время он жил в университетском общежитии (ул. Ключевая). Чтобы покрыть расходы на оплату жилья, при его наиме студентам приходилось объединяться. Так, в 1926 г. Сладковский со своими тремя товарищами снимал комнату за 10 руб. в месяц (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 48), то есть по 2 руб. 50 коп. с человека.

Какие-то статьи студенческих расходов, допустим, проезд в каникулярное время по железной дороге, компенсировало государство. В соответствии с просьбами студента-китаиста Сладковского ему практически ежегодно предоставлялись литеры и льготные билеты от Владивостока до места жительства родителей и обратно (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 9, 13, 35, 58).

В личном деле студента имеется еще один весьма любопытный документ – копия свидетельства об окончании Дальневосточного университета. Документ государственного образца позволяет получить сведения о перечне освоенных теоретических курсов. Всего таковых указано 31, среди них – политические, юридические, торгово-экономические дисциплины. Особую группу составляли предметы, связанные с государствами Восточной Азии: гражданское и торговое законодательство, товароведение

ние, рынковедение, экономическая география и т. д. Безусловно, в университетской программе весьма значительно были представлены дисциплины китаеведческого направления: история социально-экономического и политического строя и общественного движения в Китае, экономическая география Китая, современный политический строй Китая и др. По китайскому языку изучалось около десятка дисциплин: история и анализ китайской иероглифической письменности, сравнительная фонетика китайского наречия, синтаксис и стиль китайского разговорного языка, мандаринская грамматика и чтение относящихся сюда текстов, интерпретация китайских текстов, китайский литературный язык и газетный стиль и др. (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 78, 78об.).

Практические занятия включали семинары по экономической политике СССР, по географии и картографии Восточной Азии и советского Дальнего Востока, а также товароведению и языкам – китайскому и английскому (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 78об.).

Иными словами, из копии свидетельства видно: учеба Михаила Сладковского совпала со временем реализации восточным факультетом Дальневосточного университета новой целевой установки, суть которой состояла в отказе от прежней лингвистической подготовки [3, с. 25] и переходе к подготовке восточников-экономистов [3, с. 8], с конкретными экономическими знаниями, практическим владением английским языком и одним восточным языком. Вот почему «в виду выполнения всех требований учебного плана соответствующей специализации» М.И. Сладковскому была присвоена квалификация экономиста-китаиста (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 78об.).

Наш особый интерес к копии свидетельства объясняется признанием М.И. Сладковского о завершении его университетского поприща в 1928 г. [4, с. 122]. Однако в рассматриваемом документе трижды указываются другие даты: 1930 г. как год окончания Михаилом Иосифовичем курса наук в ДВГУ, 14 июня 1930 г. как дата приказа № 119 директора университета о присвоении выпускнику соответствующей квалификации и, наконец, делопроизводственный штамп с датой 16 декабря 1930 г. и № 346 копии свидетельства. Почему возникло расхождение (1928 г. или 1930 г.)?

В книге «Знакомство с Китаем и китайцами» находим объяснение несоответствию. В начале 1928 г. студентам-китаистам объявили, что

их пребывание на факультете заканчивается к осени. К этому времени им следовало сдать зачеты по основным дисциплинам и получить направление на работу по специальности. «При существовавших в те годы порядках, – замечал М.И. Сладковский, – студенты могли сдавать зачеты за все прошедшие годы на четвертом курсе ..., причем разрешалось при согласии преподавателя и декана сдавать зачеты по незавершенному курсу лекций.

Так как у большей части выпускников многие зачеты были перенесены на осень, а основные экзамены по военным дисциплинам предстояло сдавать в 1929 году, никакого официального выпускного вечера на нашем факультете не было» [4, с. 123].

В августе 1928 г. прошло распределение на работу. М.И. Сладковский получил направление во Владивостокскую контору Дальгосторга, затем, в середине 1929 г. был призван в армию, в октябре того же года – откомандирован в распоряжение той же торговой организации и почти год работал в Китае, затем вновь служил в армии...

Понятно, что стремительно меняющиеся задачи, возлагавшиеся на М.И. Сладковского, отодвигали не только дату официального окончания университета, но получение документа о важном событии. Именно об этом говорит доверенность, написанная 26 июня 1932 г.: «Ввиду невозможности в настоящее время лично получить аттестат об окончании Восточного факультета Китайского отделения ГДУ прошу таковой выдать Александру Васильевичу Лысых. В чем и расписуюсь. Михаил Иосифович Сладковский» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 63).

Таким образом, воспоминания М.И. Сладковского значительно дополняются и уточняются, благодаря документам, извлеченным из фонда Дальневосточного университета в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток). Данные исторические свидетельства позволили увидеть и оценить насыщенность студенческой жизни, стремление Михаила Сладковского, несмотря на многочисленные трудности и проблемы, получить высшее китаеведческое образование. Он выполнил поставленную задачу, а изучению Китая и китайского языка посвятил всю свою дальнейшую жизнь.

**Заявление Михаила Иосифовича Сладковского
в «Приемочную комиссию»
при Дальневосточном государственном университете**

Окончив в настоящий учебный год школу 2-й ступени, я был командирован укомом РКСМ и профсоюзом на педагогические курсы [в] гор[од] Хабаровск, по окончании которых службой просвещения командирован [в] гор[од] Владивосток на должность учителя школы-семилетки. Еще и раньше я имел желание продолжить образование, но заявление не мог подать своевременно потому, что так слагались обстоятельства. Теперь, живя во Владивостоке, имея материальную возможность, я прошу товарищей принять меня в качестве студента на факультет восточных языков. Я выходец из семьи пролетария. Свое образование, в школе 2-й ступени, получал перерывами (о чем могут свидетельствовать мои документы).

Желаю, товарищи, быть активным строителем коммунистического общества. При сем прилагаю следующие документы: свидетельство об окончании школы II-й ступени, членскую книжку РКСМ № 962, справку о моем производственном стаже и личную карточку от военкомата. Остальные д[окумен]ты обязуюсь представить в 2-х-недельный срок. 9 сент[ября] 1924 г.

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 18 –18-об.

«Я ехал в Китай не отдыхать, а заниматься...»

Получив отпускное свидетельство для поездки в Китай на практику, я выехал в город Шанхай. Первое время, а именно в течение 1 ½ месяцев ушло исключительно на то, чтобы подыскать службу, устроиться на квартиру, подыскать сяньшэна², подыскать пособия и т. д. Служба была найдена, я приступил к усиленному занятию. Ежедневно я со словарем читал английскую газету. Занимался по дисциплинам китайского языка, по книге «The Mandarin Primary lessons». Работая в ТАСС, я старался собрать все возможные материалы по политико-экономическому положению Китая. Собрал до 100 фотографических снимков из жизни Китая. Словом, я ехал в Китай не отдыхать, а заниматься. Отпуск Университета кончился 1-го октября, но как было тяжело устроиться, так стало тяжело выбираться. Меня не сразу хотели отпустить. Уволили меня со службы только тогда, когда пришел советский пароход «Томск», а оттуда сняли на мое место моряка. Мне пришлось опоздать на один месяц. Прибыл во Владивосток 10 ноября. Уезжая в Китай, я не успел сдать одного зачета – английского языка, за что и был оставлен вами на повторный курс. Совершенно не протестуя против вашего постановления, я, тем не менее, должен заявить, что пользы особенной в своем оставлении я не вижу. Посещать II-й курс мне нет никакого смысла, ибо я в Китае усиленно занимался, и думаю, что знаю не меньше любого среднего студента III-го курса. Не посещать второго курса, а посещать III-й <...> значит выбыть механически из университета. Кроме того, в чисто формальных отношениях, как-то в получении стипендии оставление на повторный курс сильно стесняет. Поэтому я решил просить вас перевести меня на третий курс, тем более, что вчера мною был сдан последний зачет проф[ессору] Ливину [П.Ф.]³.

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 21–21об.

² Сяньшэн (先生) – учитель, человек, занимающийся преподавательской деятельностью.

³ Профессор Павел Федорович Ливин преподавал английский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Юе, Еланцева О.П. Академик М.И. Сладковский: становление китаеведа и его вклад в изучение Китая // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 43–48.

2. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.

3. Отчет Дальневосточного Государственного университета за 1926–1927 год. Владивосток: Типография ГДУ, 1928.

4. Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984.

5. Сладковский М.И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 143–153.

6. Сладковский М.И. Шанхай, год 1926 // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 1. С. 163–179.

7. Текст интервью с Титаренко М.Л. // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX – XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачева. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 428–527.

8. Текст интервью с Тихвинским С.Л. // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX – XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачева. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 350–366.

9. Хаматова А.А. Преподаватели и выпускники-китаеведы университета в 20–30-е годы прошлого века // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 47–67.

10. Э су чжунго сюэ шуоцэ (Справочник советского китаеведения). Т. 2. Пекин, 1986.

11. Бай Юньфэй. Сулянь чжунго сюэ яньцзю (Исследование советского китаеведения). Чанчунь: Цзилиньский университет, 2009.

REFERENCES

1. Wang Yue and Elantseva, O.P., 2018. Akademik M.I. Sladkovskiy: stanovlenie kitaeveda i ego vklad v izuchenie Kitaya [Academician Mikhail Sladkovsky: professional development of a sinologist and his

contribution to the Chinese studies]. In: Kul'turno-istoricheskoe nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: issledovanie i sokhranenie: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. posvyashch. 100-letiyu vysshego ist. obrazovaniya na Dalnem Vostoke Rossii (Vladivostok, 16–17 oktyabrya 2018 g.). Khabarovsk, pp. 43–48. (in Russ.)

2. Dalnevostochnyi gosudarstvennyi universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899–1999 [Far Eastern State University. History and present time. 1899–1999]. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1999. (in Russ.)

3. Otchet Dalnevostochnogo Gosudarstvennogo universiteta za 1926–1927 god [Report of Far Eastern State University for the 1926–1927 academic year]. Vladivostok: Tipografiya GDU, 1928. (in Russ.)

4. Sladkovsky, M.I., 1984. Znakomstvo s Kitaem i kitaitсами [Getting acquainted with China and the Chinese]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

5. Sladkovsky, M.I., 1979. Pervyi tsentr kitaevedeniya na Dalnem Vostoke i ego vypuskniki v 20-e gody [The first center for the Chinese studies in the Russian Far East and its graduates in the 1920s], Problemy Dalnego Vostoka, no. 4, pp. 143–153. (in Russ.)

6. Sladkovsky, M.I., 1976. Shangkhai, god 1926 [Shanghai, 1926], Problemy Dalnego Vostoka, no. 1, pp. 163–179. (in Russ.)

7. Tekst interv'yū s Titarenko M.L. [The text of interview with M.L. Titarenko]. In: Rossiiskoe kitaevedenie – ustnaya istoriya. Sbornik interv'yū s vedushchimi rossiiskimi kitaevedami XX – XXI vv. T. 2. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2015, pp. 428–527. (in Russ.)

8. Tekst interv'yū s Tikhvinskim S.L. [The text of interview with S.L. Tikhvinsky]. In: Rossiiskoe kitaevedenie – ustnaya istoriya. Sbornik interv'yū s vedushchimi rossiiskimi kitaevedami XX – XXI vv. T. 1. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2014, pp. 350–366. (in Russ.)

9. Khamatova, A.A., 2014. Prepodavateli i vypuskniki-kitaevedy universiteta v 20–30-e gody proshlogo veka [Teachers and graduates specializing in sinology in the Far Eastern University in the 1920s–1930s]. In: Puti razvitiya vostokovedeniya na Dalnem Vostoke Rossii. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, pp. 47–67. (in Russ.)

10. 俄苏中国学手册 [A handbook of the Russian and Soviet studies of China]. Vol. 2. 北京, 1986 (in Chinese)

11. 白云飞, 2009. 苏联中国学研究 [Soviet studies of China]. 长春: 吉林大学. (in Chinese)

ПЕРЕКРЕСТКИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (73)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1/74-85

Е.С. Юрченко*

ПРОБЛЕМА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ В ПОЛИТИКЕ США 1917–1920 гг.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с решением правительства США признать независимость Финляндии и установить с ней дипломатические отношения в 1917–1920 гг. Автор анализирует попытки американской дипломатии использовать предоставление признания как инструмент воздействия на характер внутренней и внешней политики Финляндии и выявляет факторы, которые определяли политику правительства США в этом вопросе.

Ключевые слова: Финляндия, независимость, США, дипломатическое признание, территориальный вопрос, международные отношения

Recognition of Finland's independence in US policy, 1917–1920. EKATERINA S. YURCHENKO (Pacific National University)

The article discusses the issues related to the decision of the US government to recognize the independence of Finland and establish diplomatic relations with the country in 1917–1920. The author analyzes the attempts of American diplomacy to use the recognition of independence as a tool to influence the nature of Finland's domestic and foreign policy and identifies the factors that determined the policy of the US government in this matter.

Keywords: Finland, independence, USA, diplomatic recognition, territorial issue, international relations

Дипломатическое признание в XXI в. стало одним из эффективных и наиболее активно применяемых методов реализации геополитических проектов в арсенале ведущих игроков на международной арене. Современные этнополитические процессы с их бурной динамикой создают благоприятные возможности для манипулирования идеей самоопределения. Зачастую переход от стадии борьбы за национальное самоопределение к стадии борьбы за независимость находится в непосредственной

зависимости от готовности влиятельных мировых держав, в первую очередь США, не только поддержать эту борьбу, но и выступить гарантами получения статуса субъекта международных отношений.

Действенность такого механизма в полной мере проявилась в период проведения Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Инициатором включения принципа о праве наций на самоопределение в перечень основополагающих принципов развития послевоенной си-

---

* ЮРЧЕНКО Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории факультета востоковедения и истории Тихоокеанского государственного университета.

E-mail: y-k22@yandex.ru

© Юрченко Е.С., 2019

стемы международных отношений выступили США. Примечательно, что для самих Соединенных Штатов данный принцип изначально подразумевал сочетание права народов на выбор формы правления с обретением независимости. Эта идея получила политико-правовое воплощение в Декларации независимости и стала краеугольным камнем всей американской политической системы. Однако в силу особенностей исторического развития данная идея не содержала национального компонента.

Развитие революционных процессов в многонациональных империях в ходе Первой мировой войны актуализировало американский исторический опыт. Мысль о возможности использовать право на самоопределение в качестве рычага воздействия на политические процессы в Германской и Австро-Венгерской империях отчетливо прослеживается в политике американского государства в ходе войны. Тогда же в концепцию был включен и национальный аспект в виде «польского вопроса», участие в решении которого, по мнению американского руководства, существенно повысило бы авторитет и значение США в послевоенном урегулировании. Однако лавинообразное развитие дезинтеграционных процессов не только в Австрийской, но и в Российской и Османской империи заставило Белый дом корректировать политико-идеологическое наполнение концепции. Возникла и необходимость определиться, в какой степени американское государство готово участвовать в ее реализации на практике. В этом отношении исследование роли США в борьбе Финляндии за международное дипломатическое признание позволяет проанализировать эволюцию позиции американского руководства по вопросу о статусе и границах новых государств в Европе.

Вопрос о роли, которую США сыграли в становлении финской государственности, в определении Финляндией основного вектора своего внутри – и внешнеполитического развития до сих пор оставался преимущественно вне поля зрения исследователей. Для большинства отечественных и финских авторов проблема самоопределения в первую очередь сопряжена с историей гражданской войны в Финляндии и характером развития российско-финских отношений. Тема США лишь косвенно упоминается в отдельных публикациях по проблеме финского вопроса на Парижской мирной конференции [5; 7; 8]. Исключением является работа Я. Сачолса. Автор полагает, что финская проблема

возникла в политике США в связи с окончанием Первой мировой войны и была частью более актуальных для Вашингтона вопросов, а именно «русского» и «германского» [13].

Вместе с тем именно позиция официально Вашингтона, декларировавшего готовность стать гарантом суверенной демократии, стала мощным стимулом для большинства новообразованных государств апеллировать к принципу права наций на самоопределение в период проведения мирной конференции, которая должна была решить вопрос об их международно-правовом статусе и границах.

Впервые проблема дипломатического признания Финляндии была внесена в повестку дня официального Вашингтона в декабре 1917 г. В обращении финляндского Сената «К народу Финляндии» 6 декабря 1917 г., ставшего финским аналогом Декларации независимости, выражалась надежда, что «признание другими народами того, что, будучи свободным и независимым, этот народ может успешнее всего выполнить задачи, исполнение которых сделает его достойным самостоятельного положения среди культурных народов» [6, с. 164].

Первым независимость Финляндии признало российское Советское правительство. На заседании ВЦИК 4 января 1918 г. большинством голосов было принято решение поддержать Декларацию о независимости Финляндии, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, поскольку это соответствовало принципу полного самоопределения народов [6, с. 180]. Руководство Белого дома, также заявлявшего о намерении поддержать борьбу народов за самоопределение, оказалось совершенно не готово к решению этого вопроса. Мнения американского дипломатического корпуса о предоставлении признания разделились. Консул в Хельсингфорсе Т. Хэйнс настаивал, что признание необходимо с военно-стратегической точки зрения, поскольку это позволило бы предотвратить утверждение Германии в восточной Балтике (Kesaris, P. ed., 1982. Confidential U.S. diplomatic post records. Part 1. Russia: from Czar to Commissars, 1914–1918. A microfilm project of University Publications of America. Reel 5. 0083. Telegram: State Dept. to Embassy-St. Petersburg. December 13). Давние экономические и политические связи Финляндии с Германией и готовность Вильгельма II незамедлительно предоставить финскому буржуазному правительству П. Свинхувуда дипломатическое признание, а также экономическую и военную помощь в слу-

чае начала вооруженного конфликта с финскими социалистами, способствовали стремительному росту германофильских настроений среди финской политической элиты. По мнению американского консула, предотвратить превращение Финляндии в сателлита Германии можно было лишь признанием со стороны США. Однако посол США в России Д. Френсис был категорически против, полагая, что «финский вопрос» является частью «русского вопроса» и решать его до созыва общероссийского Учредительного собрания нельзя.

Последовавший за сменой власти в Петрограде в октябре 1917 г. парад суверенитетов национальных окраин бывшей империи не только грозил ее развалом и потерей Соединенными Штатами основного союзника по антигерманской коалиции, но и ставил под угрозу осуществление послевоенных планов американского руководства. Великобритания и Франция, имевшие значительный исторический опыт использования национального вопроса в качестве метода колониальной политики, уже в декабре 1917 г. не только отказались от всех довоенных соглашений с Россией, но и начали разрабатывать планы территориальной экспансии в отношении бывшей империи.

Предложенная президентом США В. Вильсоном концепция права наций на самоопределение предполагала широкое международное участие в решении вопроса о судьбе новых государств, их политическом развитии и границах. В связи с этим поспешное предоставление дипломатического признания национальным правительствам, возникшим на территории бывшей Российской империи, ставило под угрозу воплощение внешнеполитической программы американского президента. В знаменитую программу мирного урегулирования «14 пунктов» президента В. Вильсона в январе 1918 г. вопрос о Финляндии не вошел.

Германия, Франция и скандинавские страны в середине января 1918 г. предоставили правительству П.Э. Свинхувуда дипломатическое признание. Начавшаяся в Финляндии гражданская война между буржуазным правительством и социалистическим Советом народных уполномоченных Финляндии, опиравшихся на поддержку правительства В.И. Ленина, поставила под вопрос политическое будущее страны Суоми. В этих условиях правительство США отказалось обсуждать вопрос о дипломатическом признании до окончания гражданской войны не только в самой Финляндии, но и в России, заяв-

вив, что «не намерено признавать независимость ни одного государства, до тех пор, пока русский народ отчетливо не выразит свою волю по этому генеральному вопросу» (Kesaris, P. ed., 1982. Confidential U.S. diplomatic post records. Part 1. Russia: from Czar to Commissars, 1914–1918. A microfilm project of University Publications of America. Reel 9. 0191. Telegram: State Dept. to Embassy – St. Petersburg. January 18).

Консул США в Хельсингфорсе Т. Хэйнс продолжал настаивать на необходимости признания как способе укрепить влияние США в регионе и фактора, который во многом не только предопределил будущие отношения США и Финляндии, но и усилит дипломатические позиции президента В. Вильсона перед началом мирных переговоров. По его мнению, «ни одна маленькая нация, требующая независимости, не может предложить таких исторических достоинств или географических торговых преимуществ». В очередном обращении в государственный департамент консул указывал на то, что ее немедленное признание обеспечит США симпатии Датско-Шведско-Норвежской лиги. Двойственную позицию президента В. Вильсона, который, с одной стороны, выступил как защитник малых народов в их борьбе за самоопределение, с другой стороны, избегал действий, которые ускорили бы развал Восточного фронта, консул не разделял. «Немедленное признание независимости Финляндии ограждает нас от клеветы в том, что мы – хвастливый лидер малых наций, который пожертвует Финляндией в бесплотной надежде приобрести несколько французских траншей, прилипнув к российскому трупу», – писал он в обращении к государственному секретарю Р. Лансину [10, р. 743–744].

Иного мнения был посланник США в Швеции А.Н. Моррис, считавшийся ведущим экспертом по России. Он полагал, что предоставление независимости Финляндии нейтральными и союзническими державами являлось преждевременным шагом, обусловленным международной ситуацией. Он рекомендовал госдепартаменту воздержаться от подобных действий, поскольку их могли использовать в своих целях большевики [10, р. 740]. Схожего мнения придерживался и глава государственного департамента Р. Лансинг. В итоге президент отказался принять верительные грамоты от дипломатов буржуазного правительства. Существование социалистического правительства было проигнорировано.

7 марта в Берлине правительство П.Э. Свинхувуда подписало договор с Германией. Германия гарантировала Финляндии независимость. Однако договор предусматривал, что Финляндия не может отдать часть своей территории или попасть в какую-либо зависимость от любой иностранной державы без предварительного соглашения с Германией [10, р. 791]. Советская Россия по условиям Брестского мира вывела свои части из Финляндии, и немецкие социалисты остались без поддержки. Хельсинки был захвачен немецкими войсками. Вооруженные силы Сената под командованием К.Г. Маннергейма добились перевеса, и 15 мая 1918 г. гражданская война в Финляндии окончилась. Избранный парламентом на должность премьер-министра П.Э. Свинхувуд продолжил курс на сближение с Германией. Правительство Финляндии объявило войну России, рассчитывая решить таким образом вопрос о вхождении в состав Финляндии Карелии и Кольского полуострова. Руководство страны полагалось на поддержку Германии в этом вопросе, но кайзер Вильгельм II отказался участвовать в этой аванюре, не желая ставить под угрозу мир с большевиками [9]. Тем не менее, финские вооруженные отряды развернули активные действия на приграничных территориях.

Претензии финского правительства на Восточную Карелию, имевшую стратегическое значение для осуществления союзной интервенции на северо-западе России, серьезно беспокоили правительства США и Великобритании. Министр иностранных дел Финляндии Саро заявил на встрече с иностранными дипломатами, что у финляндского правительства нет намерения оккупировать российскую территорию, «...но если карелы захотят присоединиться к Финляндии, он не знает, как финское правительство может им отказать». По мнению А. Морриса, финские банды, действовавшие на Мурманской железной дороге, были оплачены Германией с «целью дать Германии под прикрытием Финляндии занять Кольскую железную дорогу и полуостров до Белого моря, отрезав наши коммуникации от России» [10, р. 781].

Переход Финляндии в стан союзников Германии заставил страны Антанты предпринять меры по укреплению своего военно-стратегического положения в северо-западном регионе. Франция отозвала свое признание. В июне 1918 г. Англия и Франция взяли под свой контроль Печенегу. Требование финского прави-

тельства вывести оттуда союзные войска едва не привело к началу боевых действий.

В мае 1918 г. правительство США, прервавшее все контакты с финским руководством после подписания германо-финского договора, начало рассматривать возможность признать независимость Финляндии как способ предотвратить окончательное превращение страны в германский протекторат. Госсекретарь США Р. Лансинг обсудил этот вопрос с президентом. Однако В. Вильсон счел этот шаг слишком рискованным. Руководство Белого дома рассматривало вопрос о присоединении к интервенции в России и придерживалось тактики непризнания всех правительств, возникших на территории бывшей Российской империи, включая национальные. Она являлась частью провозглашенной президентом В. Вильсоном политики невмешательства во внутривнутриполитические дела в России и должна была противодействовать попыткам других держав разделить бывшую империю на сферы влияния до начала мирной конференции.

Нежелание стран Антанты и США признать независимость Финляндии способствовало дальнейшему росту германского влияния. 9 октября 1918 г. принц Фредерик Карл Гессенский был приглашен стать королем Финляндии. Однако последовавшая в ноябре капитуляция Германии исключила возможность правления в Финляндии немецкого монарха. Прогерманская партия в Финляндии оказалась в условиях изоляции со стороны союзников, которым теперь предстояло решать судьбу страны на мирной конференции. Руководство США отказалось приглашать представителей прогерманского правительства на мирную конференцию [9, с. 151–153].

Решение вопроса о предоставлении признания со стороны США зависело от нескольких факторов. Первым и наиболее важным фактором являлась форма правления и характер политического режима Финляндии. Выбор в пользу демократии должны были продемонстрировать назначенные на весну 1919 г. выборы в Сенат. В высшем эшелоне власти германофилы должны были уступить место сторонникам Антанты. Кроме того, Финляндия должна была окончательно решить вопрос о форме правления, закрепив переход к республике в новой конституции. Также необходимо было добиться политической стабильности с учетом сохраняющегося в стране влияния социалистов. Это было невозможно в условиях продолжающихся

репрессий в отношении участников гражданской войны, воевавших на стороне красных.

Вторым по значению фактором являлись территориально-пограничные споры Финляндии с Россией и Швецией. Под предлогом защиты шведского населения Швеция взяла под свой контроль Аландские острова. В ноябре 1918 г. американский поверенный в делах в Стокгольме Ш. Уайтхауз передал президенту обращение от «исполнительного комитета и временной ассамблеи Аландских островов, умоляющих его рассмотреть вопрос о принадлежности островов на мирной конференции с учетом желания населения присоединиться к Швеции» [11, р. 447]. Данная делегация уже вручила соответствующее ходатайство шведскому королю. Рассчитывая на поддержку Вашингтона, шведский король Густав V встретился с послом А. Моррисом и попытался убедить его в том, что настало наилучшее время для решения вопроса о принадлежности островов. Во время своих встреч с американским дипломатом он утверждал, что таково желание населения и апеллировал к праву наций на самоопределение.

Швеция, как и другие нейтральные страны, оказалась в сложном положении по окончании мировой войны. Морская блокада, введенная союзниками в период военных действий, наносила серьезный ущерб экономике скандинавских стран, укрепляя позиции социалистических партий и движений. Урегулирование территориально-пограничных споров теперь целиком и полностью находилось в руках стран-победителей. Швеции было жизненно необходимо добиться приглашения на мирную конференцию, и король рассчитывал на поддержку США в этом вопросе. В качестве основного аргумента шведский монарх использовал рост большевизма в Германии и скандинавских странах. По его мнению, вывод немецких войск из оккупированных регионов бывшей Российской империи неминуемо приведет к их большевизации. Густав V настаивал в беседе с Моррисом, что распространению большевизма в Европе значительно способствует нехватка продовольствия во многих странах и голод. Поэтому поставки продовольствия в Швецию, Финляндию и другие страны и скорейшее снятие продовольственной блокады для них крайне необходимы. Он торопил американскую сторону с принятием решения. Король напомнил А. Моррису о намерении шведских социалистов провести в стране референдум по вопросу о форме правления, заявив, что не знает, «сколько еще ему осталось

занимать трон». Кроме того, он недвусмысленно намекнул, что может стать посредником на предстоящих переговорах с Германией [11, р. 447].

Решение вопросов о границах новых государств, по мнению В. Вильсона, было неотъемлемой прерогативой Лиги наций, создание которой являлось базовым элементом американской мирной программы. Президент США негативно воспринимал любые попытки национальных государственных образований, возникших на руинах империй, самостоятельно выстроить линию границ. Понимая, что воплощение в жизнь американских мирных предложений будет во многом зависеть от позиции союзников, правительство США ориентировалось на Лондон, намереваясь совместно с кабинетом Д. Ллойд Джорджа противостоять планам Франции укрепить свое положение в послевоенной Европе за счет поддержки государств-лимитрофов.

В ноябре 1918 г. К.Г. Маннергейм отправился в Великобританию. Однако заместитель министра иностранных дел Великобритании лорд Р. Сессиль заявил, что Великобритания не желает иметь дело с Финляндией до тех пор, пока она остается германским протекторатом. Более того, он дал понять, что в споре за Аландские острова британский кабинет поддержит притязания Швеции. Все попытки К.Г. Маннергейма связать вопрос о помощи Финляндии с угрозой распространения большевизма в Европе на британских политиков должного впечатления не произвели [4, с. 136–137].

Результаты встреч с представителями французского правительства оказались значительно успешнее. Министр иностранных дел Франции С. Пишон заявил о готовности его страны возобновить прерванные после финско-германского договора отношения и посодействовать решению вопроса о принадлежности Аландских островов. Также французское правительство выразило намерение способствовать признанию независимости Финляндии Великобританией и США [4, с. 138–139]. Однако великие державы стремились получить гарантии того, что прогермански настроенные монархисты будут удалены из правительства Финляндии. Под их давлением Карл Гессенский вынужден был отречься, а Свинхувуд покинул пост регента. К.Г. Маннергейм был назначен новым регентом Финляндии. Немецкие войска были выведены с территории страны.

Однако к началу работы мирной конференции вопрос о Финляндии оставался составной

частью «русского вопроса», вызывавшего серьезные противоречия среди держав-победительниц. Консолидация антибольшевистского движения в России и стремление А. В. Колчака, признанного Верховным правителем, предотвратить отделение национальных окраин, способствовали активизации деятельности русской дипломатии в этом направлении. В 1918 г. в Париже было создано Русское политическое совещание, которое должно было выполнять функции представительства антибольшевистской России на Парижской конференции. Одной из его задач было воспрепятствовать признанию союзниками самопровозглашенных национальных государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи. По воспоминаниям К. Г. Маннергейма, он постоянно ощущал сильное противодействие его дипломатическим усилиям со стороны российских представителей [4, с. 139]. В этих условиях поддержка союзников стала бы для финляндского правительства мощным фактором давления на лидеров белого движения. В середине февраля 1919 г. посланник США в Швеции А. Моррис информировал госдепартамент о телефонном разговоре с министром иностранных дел Финляндии Ч. Энкелем. Министр уведомил Морриса, что Франция и Великобритания уже готовы признать Финляндию и ждут лишь ответа от союзников. [11, р. 210]. Однако Р. Лансинг ответил, что вопрос союзниками еще не обсуждался и никаких дополнительных разъяснений по этому вопросу не будет [11, р. 211].

Позиция президента исключала возможность предоставления признания правительству до получения результатов выборов. Всеобщие выборы, назначенные на 1 марта 1919 г., должны были показать, получит ли новое правительство мандат от народа. По мнению государственного департамента, в случае поддержки со стороны населения действующее финское правительство могло получить признание со стороны США: «Если это произойдет, мы должны предоставить признание, не только для того чтобы прояснить ситуацию, но и для того чтобы придать устойчивости правительству. Если выборы провалятся, тогда мы должны отправить послание консулу в Хельсингфорсе, в котором выразить поддержку и симпатию американского народа финскому народу в его стремлении к независимости» [11, р. 211].

Консул Т. Хэйнс получил распоряжение незамедлительно информировать о результатах выборов. 11 марта он предоставил подробный

отчет. По итогам выборов в Сейм голоса распределились следующим образом: Шведская партия – 22, Национальная коалиция – 28, прогрессисты – 26, аграрии – 42, социалисты – 82. Консул отметил, что влияние социалистов снизилось вследствие репрессий. В стране были запрещены митинги, конфисковались материалы пропаганды, многие бедные рабочие просто боялись участвовать в политической жизни. Вместе с тем, консул полагал, что как только 1 апреля соберется новый Сенат, социалисты потребуют разоружения белой гвардии, восьмичасового рабочего дня, политической амнистии и отмены репрессивных законов. По мнению американского дипломата, камнем преткновения станет вопрос о разоружении. И здесь все будет зависеть от того, на чьей стороне выступят аграрии. Открытым оставался и вопрос о том, сохранит ли К. Маннергейм пост главы государства [11, р. 212–213]. Новым главой правительства стал прогрессист К. Кастрен.

По мнению Т. Хэйнса, предоставить дипломатическое признание нужно было сразу после принятия в Финляндии конституции. Государственный департамент уведомил консула, что де факто может быть предоставлено раньше, однако рекомендовал воздержаться от действий, которые могли быть неверно истолкованы финскими властями. «Вы можете с большей свободой неофициально общаться с представителями правительства, но так, чтобы ваши действия не были похожи на признание», – гласила инструкция госдепа [11, р. 213]. Новому парламенту предстояло решить вопрос о форме правления. Шаткое политическое равновесие в Финляндии удерживало Вашингтон от скоропалительных решений. Кроме того, судьба Финляндии была все еще неразрывно связана с «русским вопросом».

Зимой 1919 г. В. Вильсон четко дал понять союзникам, что не желает продолжения иностранной интервенции в России и готов рассмотреть альтернативные сценарии решения «русского вопроса» вплоть до переговоров с большевиками. Одной из таких альтернатив могла стать замена союзных войск, участвовавших в интервенции, на вооруженные формирования стран лимитрофов.

В феврале 1919 г. регент Финляндии предложил союзникам использовать финские войска для захвата Петрограда, выдвинув в качестве условия передачу Финляндии всей Карелии и Кольского полуострова [3, с. 178]. В течение января–февраля 1919 г. Эстония при помощи фин-

ских войск выдворила войска Красной армии со своей территории. Однако развить наступление вглубь России К.Г. Маннергейм отказался. По его мнению, это укрепило бы положение белых в гражданской войне [4, с. 144]. Идея привлечь финские войска для наступления на Петроград нашла поддержку и среди части лидеров белого движения. Н.Н. Юденич обращался к А.В. Колчаку с предложением привлечь финнов к войне с большевиками начиная с января 1919 г., считая необходимым «воздействовать на Финляндию и прибалтийские правительства через союзников, дабы они предоставили возможность и техническую помощь для формирования белой Северо-Западной армии на их территории, а также продовольствие для населения Петрограда после его взятия» [8]. Омское правительство зимой 1919 г. не смогло сформулировать четкой позиции по «финскому вопросу». Министр иностранных дел Д.С. Сазонов полагал, что право предоставления независимости Финляндии принадлежит «исключительно будущему Русскому народному собранию». Однако в сложившихся обстоятельствах министр призвал «считаться с создавшимся положением, противодействовать которому мы бессильны» [8].

Военные успехи антибольшевистских армий весной 1919 г. вызывали опасение у правительства Финляндии и у глав союзных держав, что исходом Гражданской войны в России станет установление право-реакционной диктатуры, демонстрировавшей намерение добиться возврата утраченных территорий. Верховный правитель категорически отказывался решать вопрос о судьбе национальных окраин до созыва Учредительного собрания. Это особенно беспокоило президента США В. Вильсона, который настаивал на необходимости решения вопросов о статусе всех новых государств только при посредничестве Лиги Наций. Американское правительство стало рассматривать участие Финляндии в интервенции в Россию в качестве фактора сдерживания для А.В. Колчака. 3 мая 1919 г. на совещании министров иностранных дел стран-участниц Парижской конференции было принято решение о предоставлении независимости Финляндии. Было решено, что «после того как признание будет предоставлено и будут назначены официальные дипломатические представители, США, Франция и Великобритания подготовят инструкции своим представителям, чтобы убедить финское правительство принять решения Парижской конференции относительно границ Финляндии.

Кроме того, финское правительство необходимо заставить договориться с красными по вопросу об амнистии» [11, р. 214].

7 мая 1919 г. правительства Великобритании и США признали независимость Финляндии. В официальном заявлении для прессы Белый дом заявил о предоставлении признания де факто в связи с тем, что «народ Финляндии создал представительное правительство» [11, р. 214]. К.Г. Маннергейм изъявил готовность начать боевые действия в России, если США согласятся быстро доставить запасы продовольствия в Финляндию и пообещают ему территориальную компенсацию на Мурманском полуострове. Однако в Финляндии еще не была принята конституция и полномочия К.Г. Маннергейма зависели от итогов предстоящих президентских выборов.

Представителем Финляндии в Вашингтоне был назначен чрезвычайный уполномоченный в Копенгагене А.Х. Саатамойнен. Его основной задачей стало признание де юре. В отсутствие президента и государственного секретаря, продолживших работу на мирной конференции, А. Саатамойнен сосредоточился на взаимодействии с государственным департаментом. Он встретился с заместителем Р. Лансинга Ф. Полком и подготовил несколько меморандумов для президента. В телефонном разговоре с помощником государственного секретаря Б. Лонгом Саатамойнен подчеркнул, что его правительство было избрано легитимно и полностью контролировало политическую и экономическую ситуацию в стране [11, р. 220]. В своем обращении к Вильсону он горячо поблагодарил американского президента за продовольственную помощь, подчеркнув, что помощь Американской продовольственной администрации спасла Финляндию от голода. Посол не забыл упомянуть и о том, что первые финны приехали в американский Делавер еще два века назад и с тех пор уже тысячи финнов проживают на территории США. По его словам, идеи, которые они почерпнули в Америке, оказали большое влияние на Финляндию. С просьбой оказать содействие финскому послу обратился в своем послании к В. Вильсону и К.Г. Маннергейм, назвавший в письме американского президента «дорогим и великим другом» [11, р. 220–221]. В ответном письме американский лидер ограничился любезными фразами.

Признание де юре со стороны Вашингтона зависело от множества факторов, среди которых важнейшими были позиция Конгресса и разви-

тие ситуации в России. Военно-стратегическая ситуация, сложившаяся в северо-западном регионе России к лету 1919 г., способствовала тому, что 19 июня 1919 г. состоялось соглашение между К.Г. Маннергеймом и Н.Н. Юденичем о совместных действиях. В соответствии с достигнутыми договоренностями Россия должна была признать независимость Финляндии. Также соглашение предусматривало, что за карелами Олонецкой и Архангельской губерний признается право на полное самоопределение, ни Россия, ни Финляндия не будут иметь на Ладожском озере военных судов, а всеми военными операциями русских войск, наступающих на финском фронте, будет руководить генерал К.Г. Маннергейм через генерала Н.Н. Юденича [8].

7 июля 1919 г. союзники информировали финскую сторону о том, что «у них нет возражений против начала боевых операций с целью взятия Петрограда» [7, с. 623]. Однако А.В. Колчак отверг соглашение Юденича-Маннергейма, заявив, что только русское Учредительное собрание может признать независимость Финляндии. Он решился на этот шаг даже несмотря на то, что союзники в перечне условий продолжения союзнической помощи антибольшевистским силам включили пункт об обязательном признании со стороны Омского правительства независимости Финляндии.

17 июля 1919 г. в Финляндии была принята конституция, утвердившая пост президента и однопалатный парламент. Однако президентские выборы К.Г. Маннергейм проиграл кандидату от прогрессистов К.Ю. Стольбергу [10, р. 707], который отказался от идеи участвовать совместно с антибольшевистскими силами России в наступлении на Петроград.

Ухудшение военного положения белых армий осенью 1919 г. способствовало тому, что лидеры движения разделились во мнениях относительно возможности поддержать «белое дело» ценой уступок национальным правительствам. В конце сентября 1919 г. вопрос о признании независимости Финляндии был поставлен на повестку дня Русского политического совещания в Париже. Вернувшийся из поездки в Финляндию член делегации Н.Н. Щебеко выступил на заседании с предложением заключить соглашение с Финляндией даже ценой уступки Печенег и Карелии. По его мнению, это позволило бы К.Г. Маннергейму вернуться к власти и отвоевать Петроград. Описывая обсуждение этого вопроса, член Совещания, бывший посол временного правительства во Франции кадет

В.А. Маклаков не мог сдержать горькой иронии: «Савинков говорил об ответственности, которая ляжет на нас за бездействие; Чайковский – о праве народов на самоопределение, причем договорился до того, что в России не найдется человека, который в Учредительном собрании посмел бы возражать против независимости Финляндии... Слава богу, что в 7 часов все стали смотреть на часы и разошлись, не приняв никакого решения, иначе мы большинством голосов отдали бы Финляндии и Печенегу и Карелию, и, конечно не получили бы взамен ничего, так как Финляндия для похода требует еще одной мелочи – 500 миллионов марок от союзников [1, с. 121–122].

В конце октября 1919 г., министр Северо-Западного правительства М.С. Маргульес, который встретился с министром иностранных дел Финляндии Р. Холсти, чтобы вновь обсудить совместное наступление на Петроград, так охарактеризовал позицию финской стороны: «Основной тон их возражений – они боятся будущей России, они не верят будущим диктаторам и предпочитают сохранить свои войска для того, чтобы отбиваться от будущих, неизбежных, по их мнению, посягательств на их свободу со стороны белых генералов» [6, с. 295]. Оценивая перспективы сотрудничества с Финляндией, П.Б. Струве на заседании кадетского Национального центра отметил, что в Финляндии «отношение к большевизму, как и на других окраинах России, – двойственное: враждебное к большевизму у себя дома и снисходительное к большевизму вовне, как фактору, ослабляющему мощь России и косвенно содействующему самостоятельности окраины». Он полагал, что «окончательно вопрос о Финляндии может быть поставлен лишь после того, как большевизм будет подавлен и Россия возродится» [2, с. 301].

В условиях поражения белого движения в России в конце 1919 – начале 1920 гг. великие державы одна за другой приняли решение о прекращении иностранной интервенции. Однако выработать согласованную позицию по вопросу об отношении к национальным государствам, выделившимся из состава Российской империи, никак не удавалось. Камнем преткновения в спорах между союзниками стали территориальные претензии новых государств. В 1921 г. финскому руководству удалось при поддержке великих держав добиться возврата Швецией Аландских островов, которые получили статус демилитаризованной зоны. По вопросу о гра-

ницах на востоке Финляндии союзники договориться не могли. Поддержать военные попытки правительства Финляндии расширить свою территорию на Карельском полуострове Вашингтон отказался, расценивая одобрение этих планов со стороны союзных держав как попытку переключить карту Европы, установленную Парижской конференцией.

В условиях стремительного наступления Красной армии в конце 1919 г. правительство США решило вернуться к вопросу о признании финского правительства де юре. Это должно было стать своеобразным предостережением для руководства Советской России. Президент Вильсон поручил американскому послу в Лондоне Дэвису выяснить позицию правительства Великобритании по этому поводу. Посол получил противоречивый ответ. В Палате общин заявили, что признание было предоставлено лишь де факто. Форрин офис заявил, что признание де юре подразумевалось изначально и в Лондоне уже работает финский посол Доннер [11, р. 223]. В конце декабря государственный департамент вновь обратился к президенту с вопросом о дипломатическом признании правительства Финляндии. Еще в июле 1919 г. было принято решение послать временную дипломатическую комиссию, которая бы выразила симпатии финскому народу по поводу независимости, и посланника в ранге уполномоченного представителя в сопровождении военного, коммерческого и финансового атташе. Таким представителем стал консул США в Хельсингфорсе Т. Хейнс [11, р. 216]. В начале января 1920 г. правительство США приняло окончательное решение об открытии постоянной дипломатической миссии в Финляндии. 12 января 1920 г. Ч. Магрудер был назначен поверенным в делах в Хельсинки. 6 марта 1920 г. Конгресс США одобрил основание посольства США в республике Финляндия.

К этому моменту «германский вопрос», Гражданская война в России, характер политического развития самой Финляндии утратили свое значение как факторы, влиявшие на позицию Белого дома по вопросу о дипломатическом признании Финляндии. Парламентская обструкция вильсоновского внешнеполитического курса поставила крест на неолиберальной концепции трансформации системы международных отношений. Задуманная как институт надгосударственного регулирования Лига Наций фактически превратилась в средство нового колониального передела. Принцип са-

моопределения народов, закрепленный в договорах с новыми государствами в Европе, стал расцениваться ими как механизм реализации собственных политических амбиций. Для правительства Финляндии это означало в первую очередь борьбу за Восточную Карелию.

20 марта Ч. Магрудер сообщил о том, что его посетили министр иностранных дел и президент Финляндии, которые не только горячо поблагодарили американское правительство за признание, но и поинтересовались, будут ли США действовать в вопросе Советской России в русле политики Франции и Великобритании или будут придерживаться собственного независимого курса. Дипломат ответил, что не уполномочен делать заявления по русской политике правительства [12, р. 253]. Через два дня посол Саатамоинен в Вашингтоне передал в госдепартамент телеграмму своего правительства. Финская сторона сообщила, что большевики атакуют финскую границу от Ладожского озера до Арктического океана и попросила совета у американского руководства относительно ответных действий. Ответ из Вашингтона пришел незамедлительно. Правительство США уведомило финское руководство о том, что не может оказывать финансовую или военную поддержку и предложило действовать на собственное усмотрение [12, р. 254]. Тем не менее, финская сторона продолжила попытки привлечь США к развитию ситуации. С вопросом о возможном участии Вашингтона обратились к американским дипломатам финские представители в Стокгольме и Варшаве. Американский посол в Польше Х. Гибсон передал информацию о намерении финского правительства пойти на соглашение с большевиками. На вопрос финского дипломата, одобрит ли Белый дом данный курс, Гибсон ответил в соответствии с инструкцией государственного департамента: поскольку правительство США не может оказывать какую-либо помощь или поставки, оно не будет вмешиваться и давать советы. Финский дипломат предложил в качестве моральной поддержки послать американские военные корабли. Однако Гибсон ответил, что сомневается в необходимости подобного шага. Финского дипломат посетовал, что «у его правительства мало надежды на то, что соглашение с Советской Россией будет соблюдаться, но в отсутствие каких-либо шагов демонстрирующих, что Финляндия не брошена великими державами на произвол судьбы, у его правительства просто связаны руки» [12, р. 255].

Советское руководство было заинтересовано в скорейшем урегулировании отношений с Финляндией. В первую очередь к этому подталкивала правительство В.И. Ленина советско-польская война, длившаяся к этому моменту уже более года. 28 января 1920 г. СНК РСФСР объявил о готовности заключить мир с Польшей и урегулировать вопрос и границах, уступив значительные территории в Белоруссии и Западной Украине. Однако в случае согласованных действий Финляндии и Польши правительство РСФСР оказалось бы в крайне затруднительном положении. Нарком иностранных дел Г.Н. Чичерин полагал, что финнам необходимо намекнуть, «что переговоры будут более благоприятны для Финляндии в зависимости от скорости их начатия, а также в зависимости от того, чтобы Финляндия не оказывала содействия какому-либо враждебному нам правительству» [6, с. 301].

Уже 25 марта 1920 г. Чичерин доложил председателю СНК В.И. Ленину о том, что, по сообщениям финской прессы, правительство Финляндии готово к ведению переговоров. В качестве основных требований выдвигались следующие положения: переход к Финляндии нескольких приходов вдоль границы; нейтрализация Карельского края вокруг Ухты; status quo в Печенеге. Нарком полагал: «...Мы могли бы принять с Финляндией такой фактическийmodus vivendi, отодвигая принципиальное решение до момента, когда выйдем из кризиса отн. Польши» [6, с. 306].

Посол в Швеции А. Моррис сообщил о том, что правительства Финляндии и Советской России намерены провести переговоры по вопросу о границах и что норвежское правительство также обратилось к правительствам двух стран, выразив желание участвовать в переговорах по вопросу о Печенеге. По его сведениям, Советское руководство заявило, что никаких изменений на границе с Норвегией не будет. В ноте финского правительства прозвучало заявление, что вопрос о северной границе – это вопрос исключительно России и Финляндии. Норвежское правительство отказалось от прав на эту территорию по договору с Россией 1826 г. Финляндия будет обсуждать этот вопрос с Норвегией только после соглашения с Россией и не раньше.

Реакция по этому вопросу последовала из Вашингтона только 4 июня 1920 г. Правительство США в секретной инструкции уведомило своего дипломата, что никакие соглашения с советскими представителями не могут быть

признаны законными и одобренными до тех пор, пока они не санкционированы признанным правительством России. Моррису было рекомендовано не афишировать позицию Белого дома и не обсуждать этот вопрос с норвежским правительством, пока не встанет вопрос о Шпицбергене [12, р. 254].

Не получив должной поддержки со стороны союзников, финское руководство согласилось начать мирные переговоры. 12 июня 1920 г. состоялось первое заседание мирной конференции между Россией и Финляндией. 14 августа поверенный в делах в Хельсинки Ч. Магрудер сообщил в Вашингтон о том, что накануне между Финляндией и Советской Россией был подписан Договор о перемирии. «За основу демаркационной линии за небольшими отклонениями признана старая линия границы. России отказано в доступе к судоходству в Финском заливе, несмотря на усилия советских представителей» [12, р. 256].

14 октября 1920 г. между Финляндией и РСФСР был заключен договор, в соответствии с которым правительство Советской России признало независимость Финляндии и согласилось передать ей области Петсамо, Восточная Карелия стала автономным районом в составе РСФСР. Уже через год Финляндия нарушила условия мирного договора. Финские войска с ноября 1921 г. по март 1922 г. попытались вновь захватить Карелию. Их попытка провалилась, территориально-пограничный спор между Россией и Финляндией остался нерешенным [5].

Президент В. Вильсон отказался признать законность как соглашений с Советской Россией, так и попыток аннексии со стороны Финляндии российской территории. Он полагал, что подобная ситуация стала возможной только благодаря поддержке захватнических планов национальных государств со стороны Великобритании и Франции. По его мнению, великие державы должны были отказаться от подобной политики, придерживаясь принципа территориальной целостности России [14, р. 236].

На протяжении 1917–1919 гг. Вашингтон продолжал рассматривать дипломатическое признание Финляндии как часть более значимых «русского» и «германского» вопросов. Предоставление признания стало инструментом воздействия на характер внутренней и внешней политики Финляндии. Страна Суоми оказалась вовлечена в борьбу великих держав за реализацию собственных проектов послевоенного мироустройства в ходе Парижской мир-

ной конференции. Попытки финского руководства опереться на американский проект с его концепцией права наций на самоопределение, чтобы отодвинуть линию границ, встретили противодействие со стороны Вашингтона. Противоречивая позиция Вашингтона, стремление оказывать влияние на политику Финляндии в период становления финской государственности продемонстрировали политической элите Финляндии, что США – ненадежный союзник в решении таких задач, как расширение территории страны, укрепление ее военно-стратегического положения и закрепление за Финляндией статуса значимого регионального игрока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахметев Б.А., Маклаков В.А. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1953. В 3-х т. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. М.: РОССПЭН, 2002.
2. Всероссийский Национальный Центр / Отв. ред. В.В. Шелухаев. М.: РОССПЭН, 2001.
3. Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2005.
4. Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск: Пупури, 2012.
5. Похлебкин В.В. Война, которой не было // Окрестности Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aroundspb.ru/finnish/pohlebkin/war1917-22.php>
6. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: сборник документов. М.: РОССПЭН, 2017.
7. Фоглесонг С.Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 602–626.
8. Хандорин В.Г. А.В. Колчак и «финляндский вопрос» // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 4. С. 395–404.
9. Хауз Э. Архив полковника Хауза. Дневники и переписка с президентом В. Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1917: в 4 т. Т. 2. М., 1939.
10. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. 3. Washington: U.S. Government Printing Office, 1931.
11. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1919. The Paris Peace Conference. Vol. 2. Washington: U.S. Government Printing Office, 1942.

12. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920. Vol. 2. Washington: U.S. Government Printing Office, 1936.

13. Suchoples, J., 2000. Finland and the United States, 1917–1919: Early years of mutual relations. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

14. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 67. December 24, 1920 – April 7, 1922. Princeton: New Jersey, 1992.

REFERENCES

1. Bakhmetev, B.A. and Maklakov, V.A., 2002. «Sovershenno lichno i doveritel'no!»: B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Perepiska. 1919–1953. V 3-kh t. T. 1. Avgust 1919 – sentyabr' 1921 [«Absolutely personal and confidential!»: B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Correspondence. 1919–1953. In 3 volumes. Vol. 1. August 1919 – September 1921]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
2. Shelokhaev, V.V., 2001. Vserossiiskii Natsional'nyi Tsentri [All-Russian national center]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
3. Ioffe, E., 2005. Linii Mannergeima. Pis'ma i dokumenty. Tainy i otkrytiya [Mannerheim lines. Letters and documents. Secrets and discoveries]. Sankt-Peterburg: Izd-vo zhurn. «Zvezda». (in Russ.)
4. Mannerheim, K.G., 2012. Vospominaniya [Memoirs]. Minsk: Pupuri. (in Russ.)
5. Pokhlebin, V.V. Voina, kotoroi ne bylo [The war that never existed]. URL: <http://www.aroundspb.ru/finnish/pohlebkin/war1917-22.php> (in Russ.)
6. Zelenov, M.V. ed., 2017. Rossiya i Finlyandiya: ot protivostoyaniya k miru. 1917–1920: sbornik dokumentov [Russia and Finland: from confrontation to peace. 1917–1920: a collection of documents]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
7. Foglesong, S.D., 1998. Soedinennye Shtaty, problema samoopredeleniya natsii i bor'ba protiv bol'shevikov v Pribaltike. 1918–1920 [United States, self-determination of nations and the fight against Bolsheviks in the Baltic region, 1918–1920]. In: Pervaya mirovaya voina: Prolog XX veka. Moskva, 1998, pp. 602–626. (in Russ.)
8. Khandorin, V.G., 2013. A.V. Kolchak i «finlyandskii vopros» [A.V. Kolchak and the Finnish problem], Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya, no. 4, pp. 395–404. (in Russ.)
9. House, E.M., 1939. Arkhiv polkovnika Khausa. Dnevnik i perepiska s prezidentom V. Vil'sonom i drugimi politicheskimi deyateliyami za period 1914–1917: v 4 t. T. 2. [Colonel House files. Diaries and correspondence with president

W. Wilson and other political figures, 1914–1917]. Moskva. (in Russ.)

10. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. 3. Washington: U.S. Government Printing Office, 1931.

11. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1919. The Paris Peace Conference. Vol. 2. Washington: U.S. Government Printing Office, 1942.

12. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920. Vol. 2. Washington: U.S. Government Printing Office, 1936.

13. Suchoples, J, 2000. Finland and the United States, 1917–1919: Early years of mutual relations. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

14. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 67. December 24, 1920 – April 7, 1922. Princeton: New Jersey, 1992.

К.Т. Тихий, Д.В. Лихарев*

ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В 1920-е гг. В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ

Статья содержит анализ американской периодической печати 1920-х гг., освещавшей положение политических заключенных в Советской России. Авторы выделяют две тенденции в подходах американских журналистов к этой проблеме. Для республиканских периодических изданий было характерно негативное отношение к способам борьбы большевиков с их политическими противниками. Консервативные журналисты нередко преувеличивали масштабы репрессий, используя тенденциозно подобранные факты. Они безоговорочно поддерживали Белое движение и демократическую оппозицию в России. Либеральная печать, напротив, нередко публиковала статьи американских интеллектуалов, симпатизировавших советской власти. Зачастую они впадали в другую крайность, пытаясь оправдать беззаконие национальными особенностями России, жестокостями Гражданской войны, приоритетом свободы для класса перед свободой для индивида.

Ключевые слова: американская печать, Советская Россия, Гражданская война, политзаключенные, обозреватели

The situation of Soviet political prisoners in the 1920s in the assessment of American observers. KONSTANTIN T. TIKHIY, DMITRIY V. LIKHAREV (Far Eastern Federal University)

The authors analyze the articles from American periodicals, which depicted the situation of political prisoners in Soviet Russia in the 1920s. It is concluded that Republican newspapers, as a rule, demonstrated negative attitude to the way the Bolsheviks treated their political opponents, often exaggerating the scale of political repressions, using tendentious or one-sided facts. Liberal periodicals, on the contrary, published American intellectuals who sympathized with Soviet Russia. They often ran to the other extremes, trying to justify political repressions and lawlessness by the national peculiarities of Russia, the cruelties of the Civil War and the priority of class freedom over individual freedom.

Keywords: American periodicals, Soviet Russia, Civil War, political prisoners, observers

Красный террор был притчей во языцех в западной прессе. Для американцев, относительно недавно переживших свою Гражданскую войну, последняя представляла как национальная катастрофа, сопровождавшаяся многочисленными ненужными жертвами. Поэтому любые упоминания

---

* ТИХИЙ Константин Теодорович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: tihij.kt@dvfu.ru

ЛИХАРЕВ Дмитрий Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: liharev.dv@dvfu.ru

© Тихий К.Т., Лихарев Д.В., 2019

нения о количестве жертв, особенно среди мирного населения в России, вызывало возмущение действиями той или иной стороны, будь то еврейский погром, устроенный денкинцами, или расстрел представителей старой интеллигенции чекистами.

Но следует отметить, что подача американской прессой информации такого рода изначально была предвзятой. Так, например, осенью 1922 г., по случаю реорганизации ВЧК в ГПУ, журнал «The Atlantic Monthly» привел отчет по «красному террору», опубликованный ЧК в советской прессе. Из него следовало, что после крестьянства (815 тыс. чел.), больше всех за годы Гражданской войны погибло представителей интеллигенции и так называемого среднего класса (355 350 чел.). Всего же погибло приблизительно 1 572 700 чел., что было выше потерь Франции в годы Первой мировой войны. Якобинский террор с 17 тыс. казненных тем более не шел ни в какое сравнение. Пресса справедливо отмечала, что молох революции перемолол десятки тысяч невинных жертв. Но ответственность за это перекладывалась только на большевиков. Доходило до явного абсурда. Так, например, утверждалось, что все врачи, погибшие в годы Гражданской войны в России, были казнены чекистами. Единственная вина их заключалась в том, что они выдавали людям фиктивные справки, спасающие от призыва в армию [8, р. 432]. Сведения подобного рода, снабженные соответствующими комментариями, шокировали общественность США. Хотя непредвзятое отношение к информации требовало параллельной публикации цифр потерь и противоположной стороны, а они, безусловно, фигурировали в советской периодике.

Особенно болезненной была реакция американского общества на преследования политических противников. Летом 1922 г. в США поступили первые сообщения о начале судебных процессах по делу правых эсеров, которые сразу привлекли внимание американской общественности. Отчасти этому способствовала гласность судебных заседаний, достигнутая на основе соглашения трех Интернационалов 2–3 апреля 1922 г. в Берлине на совместной конференции. Несмотря на заверения Н. Бухарина и К. Радека от имени Коминтерна о неприменении к подсудимым смертной казни, двенадцать человек трибунал приговорил к расстрелу с отсрочкой исполнения. Фактически они находились на положении политических заложников, чья жизнь ставилась в зависимость от того,

прекратит ли партия эсеров «подпольную заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу» против Советской власти.

Тяжесть приговора не соответствовала общей обстановке в Стране Советов: закончилась Гражданская война, почти все войска интервентов были выведены с территории России. Тем более, что большинство обвиняемых попадало под амнистию 1919 г. Поэтому консервативно настроенные американцы рассматривали вердикт трибунала как продолжение террористической практики большевиков, характерной для периода Гражданской войны.

Более разнообразным был спектр представлений представителей либеральных интеллектуальных кругов. Лишь немногие из них в то время были уверены в законности судебного процесса, но они с пониманием отнеслись к решению суда [9, р. 24–26, 28]. Часть обозревателей находилась под впечатлением советского «эксперимента» в системе ускоренного судопроизводства. Другие отмечали, что западные стандарты и методы в сфере укрепления правопорядка не всегда можно прямо переносить на Россию. Так, например, американский журналист Э. Халлингер, приводил данные, согласно которым в 1919 г. за 2–3 месяца в Москве было расстреляно 300 грабителей. Этот же метод использовался зимой 1921–1922 гг., когда за одну неделю было казнено 25 бандитов. В итоге, отмечал журналист, спустя несколько недель улицы Москвы стали спокойными [5, р. 236–237].

В Соединенных Штатах в период бурных «гангстерских» 1920-х гг. шли споры о том, какими должны быть законы: основанными на римском (писанном) праве или на англо-саксонском праве судебных прецедентов. На этот вопрос частично ответила Страна Советов, считал Халлингер. С 1921 по 1923 гг. российские суды работали без письменных законов, по общим декретам Советского правительства. После введения НЭПа появилась система письменных законов. Но советская судебная система была еще далека от совершенства, считал журналист. Не было, например, открытых судов над политзаключенными, хотя по закону они могли быть истребованы. Правда, по сравнению с системой трибуналов в период революции и Гражданской войны прогресс был несомненным [5, р. 238].

Трибуналы, свидетельствовал обозреватель «The Nation» А. Эпштейн, первоначально служили в большей степени инструментом карающих органов, а не институтом правосудия.

Такова была обстановка. Поэтому А. Эпштейн полагал, что по процессам по делу священников и эсеров нельзя судить о судебной системе Советского государства в целом. Это было равноценно тому, чтобы оценивать американскую систему судопроизводства, основываясь на процессах против коммунистов, членов организации ИРМ и других радикалов [4, р. 315].

Упразднение ВЧК рассматривалось в Соединенных Штатах как обнадеживающий факт, несмотря на то, что организация лишь сменила название. Казалось, что всеилюе политической полиции будет существенно ограничено, а ее работа будет поставлена под контроль. На возросшую гуманность трибуналов указывало уменьшение количества смертных приговоров [4, р. 318]. С другой стороны, большая часть дел передавалась народным судам. Последние, по мнению Эпштейна, проявляли необычное великодушие по отношению к большинству преступников, свидетельством чего были частые условные приговоры в отношении лиц, совершивших преступление впервые. Правда, автор упустил из виду то, что эта практика не касалась политических преступлений.

Постепенно на протяжении 1920-х гг. выработалась определенная позиция американских интеллектуалов в отношении проблемы политзаключенных в Советском Союзе. Движение к этому началось в 1923 г., когда американскому журналисту И.Д. Левину во время пребывания в Советском Союзе удалось получить некоторые сведения о казнях и истязаниях в Соловецком концлагере. Он вывез в Соединенные Штаты письма 323 политзаключенных и опубликовал их. Предварительно рукопись этой книги была разослана духовным лидерам западного мира с просьбой сделать предисловие. Большинство из них отказались. Среди них были такие известные деятели культуры, как Р. Роллан, Г. Уэллс, К. Чапек, Б. Шоу и др. Одни обвинили автора в антикоммунизме, другие усомнились в подлинности документов. Известный американский писатель Э. Синклер заявил: «Я признаю право государства охранять себя от тех, кто действительно совершает насилие против него... Я надеюсь, что правительство рабочей России утвердит уровень гуманности более высокий, чем то капиталистическое государство, в котором я живу» (цит. по: [1, с. 148]).

Согласно другим источникам, известные западные интеллектуалы все-таки опубликовали письма протеста [12]. В заявлении Р. Болдуина, председателя Международного комитета

политзаключенных, говорилось, что группа американских либералов, включая Ю. Деббса, обратилась во ВЦИК СССР с ходатайством о прекращении преследования социалистов в России [12, р. 24].

Многочисленные свидетельства бывших узников лагерей о реалиях тюремной системы побудили Советское правительство организовать специальную поездку представителей зарубежной общественности для ознакомления с пенитенциарной системой. 15 февраля 1925 г. комиссия, в которую входило много иностранных журналистов, посетила тюрьму на Лубянке. Условия содержания заключенных в ней казались вполне удовлетворительными. Но зарубежные представители сознавали, что эта тюрьма в своем роде являлась элитарной, а содержащиеся в ней 80 человек представляли собой «сливки» всех противников советской власти. Общее количество политзаключенных, по некоторым зарубежным данным, составляло 25 тысяч человек, и условия их содержания были далеки от идеальных. Так, например, в Соловках 300 политзаключенных содержались вместе с 3 тыс. уголовников, что противоречило сложившейся на Западе системе [3, р. 11].

Результаты поездки широко освещались в западной прессе. Отчеты о посещении тюрьмы на Лубянке были в основном положительными. Даже в консервативной газете «The New York Times» сообщалось о хорошем режиме, который установлен для заключенных на Лубянке. Газета отмечала, что в остальных тюрьмах и на Соловках по-прежнему действуют более строгие правила, но «нельзя не прийти к заключению, что Советское правительство стало, наконец, прислушиваться к протестам мирового сообщества, начав преодолевать жестокость тюремного режима, которая существовала при царе...» [11].

Другим подтверждением наметившейся апологетической тенденции могли служить часто проводившиеся амнистии. Комментируя амнистию бывшим белогвардейцам, «Chicago Daily Tribune» писала: «Это самая радикальная уступка русскому народу со времени революции. Она охватывает десятки тысяч людей, которые были связаны с контрреволюционным движением до 1921 г.» [3, р. 11].

Положительные отчеты иностранных корреспондентов об осмотре тюрьмы на Лубянке подверглись резкой критике на митинге протеста против преследования людей из-за политических взглядов, проходившем в здании мэрии

Нью-Йорка. Митинг как будто раскололся на две части. Те, кто утверждал о полной свободе слова и мнений в России, были объявлены лжецами. Митинг практически был сорван. Впоследствии «The New York Times» писала, что «воинствующие симпатизеры Советов свели на нет все попытки реализовать эту свободу на Сорок третьей улице» только для того, чтобы доказать, что в России допускается свобода слова. «Из опыта митинга в мэрии можно представить, – продолжала газета, – насколько свободно чувствует себя простой московский рабочий, участвуя в открытом голосовании в присутствии председательствующего комиссара с вооруженной охраной» [13, р. 22].

Либеральные еженедельники заняли иную позицию. Свою позицию редакции журналов сформулировали так: «Если либералы сконцентрируют свои усилия на этих непрекращающихся обвинениях, но не будут в целом осуждать русское правительство и его руководство, то такое давление может ускорить процесс либерализации, некоторые признаки которой (в России. – *прим. авт.*) уже очевидны» [7, р. 232].

Сообщения некоторых обозревателей об условиях содержания политических узников вызвали множество критических замечаний со стороны очевидцев. Подвергалось сомнению утверждение редакции «The Nation» о том, что в Соловках насчитывалось 350 политзаключенных. На самом деле среди 3 тыс. заключенных были и другие политзаключенные, так как к этой категории Советское правительство официально относил только членов социал-демократической партии и эсеров, хотя были еще анархисты, священники и др. Неправдой была и информация о том, что прекратилась практика ссылки русских за посещение иностранных посольств «по общественному делу», отмечал американских журналист Ф. МакКензи [6, р. 293–294].

Ответ корреспондента журнала «Nation» в России Л. Фишера был опубликован лишь два месяца спустя. Все это время он искал новые факты для подтверждения своей мысли о постепенной либерализации советской тюремной системы. Частично признавая свои ошибки, он писал, что в тюрьмах к священникам часто относятся намного лучше, чем к политзаключенным. Архиепископу Цыпляку дали 10 лет тюремного заключения, писал он, а просидел священник лишь один год. Кроме того, никто из оппонентов Л. Фишера не упоминал об амнистиях. Не верил журналист и в возможность по-

сещений отдельными советскими гражданами иностранных посольств по «общественному» делу [10, р. 573].

Спор между двумя журналистами, представлявшими два противоположных направления в американском общественном мнении, затянулся и вышел далеко за пределы издательских рамок. После окончания работы в Москве, МакКензи возвратился в США, где продолжил работу на газету «Chicago Daily News». Он выступил с серией лекций о положении в Советском Союзе. Особое внимание он уделял критике методов преследования Советским правительством контрреволюционеров и других политических заключенных. Его публичные лекции и многочисленные интервью в американской прессе основывались преимущественно на реальных фактах. Тем не менее, не обошлось без конфузов. В Хьюстоне (штат Техас) редактор местной газеты «Chronicle» пригласил журналиста на экскурсию в местную тюрьму. Поскольку условия содержания заключенных в этой тюрьме уже неоднократно критиковались, ожидалось, что МакКензи «узнает» в ней советскую исправительную систему. Но общее впечатление «эксперта» от знакомства с местной пенитенциарной системой было настолько негативным, что его отчет дальше «Chronicle» не пошел (Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 56-б. Оп. 26. Д. 13. Л. 62).

Известный критик политических преследований в Советском Союзе Р. Болдуин в 1927 г. специально посетил страну для изучения методов политического контроля и оценки степени свободы граждан. Болдуин сознавал, что едет в страну в период «военной тревоги» и ожиданий войны после разрыва отношений с Великобританией. Но, несмотря на установление жесткого режима, Болдуину удалось посетить более десятка тюрем, свободно поговорить и с официальными лицами, и с заключенными оппонентами режима.

Позже он отмечал, что иностранцу побеседовать с официальным лицом легче в России, чем где-либо в Европе. В этом отношении Р. Болдуин явно преувеличивал. Власти признавали важность создания у заокеанского гостя положительных впечатлений. Поэтому ему был оказан особый прием. Тем не менее, американец вынужден был констатировать, что на некоторые вопросы собеседники отказывались отвечать. Это касалось определения количества заключенных и ссыльных, методов казней, количества сотрудников спецслужб и т. п. Но в итоге

Болдуин сделал важный для себя вывод: «Хотя ... свободы политических убеждений сегодня в России нет, из этого не следует, что в России нет важных свобод» [2, р. 505]. Утвердившиеся в Советском Союзе тенденции, писал он, не совпадают с традиционными западными концепциями индивидуальной свободы, исторически обоснованными появлением частнособственнического производства. В политической структуре Советского государства действуют групповые и классовые свободы. Социальная значимость «групповых и классовых свобод» Болдуину представлялась важнее, чем политические ограничения [2, р. 505].

На представителей интеллектуальной среды США производили глубокое впечатление некоторые новшества в советской педологии, ранее не имевшие прецедентов на Западе. Р. Болдуин, например, рассказывал читателям «The Nation» о двух «толстовцах», которые за отказ служить в армии были посажены в тюрьму. Но администрация тюрьмы посчитала возможным отпустить их на встречу с единоверцами, взяв с них обещание вернуться через два-три дня. «Увольнительные из тюрьмы, – писал Болдуин, – являются одной из характерных черт новой педологии в России» [2, р. 507].

Хвалебные отзывы о советской системе педологии не снимали остроты проблемы политзаключенных. Либеральная общественность по-прежнему с негодованием воспринимала сообщения о политических преследованиях в СССР. Однако, начиная с середины 1920-х гг., в связи с началом борьбы с троцкизмом, вопрос о преследованиях традиционных оппонентов Советской власти отошел на задний план. Прежних политических противников как субъектов репрессий начали во многом искусственно реанимировать лишь во время массовых чисток со второй половины 1930-х гг. в связи с убийством С.М. Кирова, и реакция на процессы была уже не столь положительной.

Таким образом, в освещении проблем политзаключенных в Советской России в американской прессе 1920-х гг. отчетливо прослеживаются две тенденции. Республиканская пресса и журналисты правого толка продемонстрировали весьма критический настрой. Описывая политические репрессии большевиков, они нередко использовали тенденциозно подобранные факты, безоговорочно становились на сторону их политических противников. Для интеллектуалов леволиберальной ориентации идеи социального эксперимента большевиков

оказались необычайно привлекательны. Февральская революция, завершившаяся свержением самодержавия, их не удивила: отсталая Россия пыталась догнать Запад, заимствуя его политическую модель. В октябре, с захватом власти большевиками, революция приобретает небывалый характер. Теперь она разворачивается уже не под знаменем буржуазии, а под знаменем рабочего класса и учения Маркса о низвержении буржуазии и капитализма. Они искали оправдания репрессивной политике большевиков, уверяя, что к России нельзя подходить с той же шкалой ценностей, по которой оцениваются западные демократии, что свобода для класса важнее, чем свобода для индивида. Многие успокаивали себя тем, что политические репрессии носили временный характер, будучи издержками Гражданской войны и борьбы за удержание власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шафаревич И.Р. Две дороги – к одному обрыву // Новый мир. 1989. № 7. С. 147–165.
2. Baldwin, R.N., 1927. Liberty under the Soviets. The Nation, November 9.
3. Chicago Daily Tribune, 1925, February 3.
4. Epstein, A., 1922. The judicial system of Russia. The Nation, September 27.
5. Hullinger, E.W., 1925. The reforging of Russia. New York.
6. Political prisoners in Russia. Editorial. The Nation, 1925, March 18.
7. Russia is Russia. Editorial. The Nation, 1925, March 4.
8. The Atlantic Monthly, 1922, September.
9. The Nation, 1922, July 5.
10. The Nation, 1925, May 20.
11. The New York Herald Tribune, 1925, December 6.
12. The New York Times Book Review, 1925, December 20.
13. The New York Times, 1925, March 11.

REFERENCES

1. Shafranovich, I.P., 1989. Dve dorogi – k odnomu obryvu [Two roads to the same cliff], Novyi mir, no. 7, pp. 147–165. (in Russ.)
2. Baldwin, R.N., 1927. Liberty under the Soviets. The Nation, November 9.
3. Chicago Daily Tribune, 1925, February 3.
4. Epstein, A., 1922. The judicial system of Russia. The Nation, September 27.
5. Hullinger, E.W., 1925. The reforging of Russia. New York.

6. Political prisoners in Russia. Editorial. The Nation, 1925, March 18.
7. Russia is Russia. Editorial. The Nation, 1925, March 4.
8. The Atlantic Monthly, 1922, September.
9. The Nation, 1922, July 5.
10. The Nation, 1925, May 20.
11. The New York Herald Tribune, 1925, December 6.
12. The New York Times Book Review, 1925, December 20.
13. The New York Times, 1925, March 11.

К.С. Еременко*

«ОТ КОЛОНИИ К НАЦИИ И СНОВА К КОЛОНИИ»:
ТРАЕКТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАНАДЫ
В ДИСКУРСЕ КАНАДСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ СЕРЕДИНЫ XX в.

В статье рассматривается динамика коннотаций понятия «колония» в интеллектуальном дискурсе Канады в период с конца 1940-х до начала 1970-х гг. в контексте дискуссий о траектории национального развития страны. Если в знаменитой книге «От колонии к нации» (1946) Артура Лоуэра статус британской колонии представал в судьбе Канады важной и неизбежной ступенью на пути к обретению статуса независимой нации североамериканского континента, то в новых реалиях конца 1950-х – начала 1970-х гг. на смену этим представлениям пришла уверенность, что страна стремительно возвращается к статусу колонии, на этот раз – американской, а ее прошлый колониальный опыт и сам статус колонии во многом драматизировались и переосмыслились в постмодернистском ключе, как отношения власти и подчинения, агрессора и жертвы, центра и периферии, создавая новый национальный нарратив.

Ключевые слова: Канада, колония, нация, интеллектуалы, дискурс, власть, подчинение

«Colony-to-nation-to-colony»: Canada's national development in the discourse of Canadian intellectuals in the mid-XXth century. KSENIYA S. EREMENKO (Far Eastern Federal University)

The paper examines how the concept of colony was changing its connotations in the intellectual discourse of Canada during the period of the late 1940s to the early 1970s in the context of the discussions on the path of the country's national development. The famous book «From Colony to Nation» (1946) by Arthur Lower saw the status of a British colony in the fate of Canada as an important and inevitable step towards gaining the status of an independent North American nation. But in the new realities of the late 1950s and early 1970s this optimistic vision of Canada's nation-building trajectory was replaced by the belief that the country is rapidly returning to its colonial status, this time becoming an American colony. In this context the country's past colonial experience and the status of colony itself in many respects were dramatized and reinterpreted in the postmodern sense as the relations of power and subjection, aggressor and victim, center and periphery, creating a new national narrative.

Keywords: Canada, colony, nation, intellectuals, discourse, power, subjection

Три послевоенных десятилетия – с середины 1940-х до середины 1970-х гг. – представляют чрезвычайно важный период в истории становления канадской нации и национальной идентичности. Это период укрепления авторитета Канады на международной арене, беспре-

* ЕРЕМЕНКО Ксения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: eremenko.ks@dvfu.ru

© Еременко К.С., 2019

цедентного экономического роста, развития системы социального обеспечения, роста интереса внутри общества ко всем сферам канадской культуры, но в то же время – это период наиболее активных общественных дискуссий о статусе канадской нации, ее отличительных чертах, ее будущем, когда с особой остротой звучали пессимистичные прогнозы канадских интеллектуалов о скором исчезновении национального суверенитета. Понятие «колония» неизменно фигурировало в осмыслении канадцами своего исторического опыта и текущего положения в тот период времени. Интересно обратиться к вопросу, какое место оно занимало в интеллектуальном дискурсе канадского национализма, как менялось его смысловое наполнение и взаимосвязь с другими важными понятиями этого дискурса, такими как «нация» и «империя»?

Прежде всего, обращает на себя внимание, что понятие «колония» зачастую употреблялось в связке с понятием «нация». Формула «колония – нация» использовалась в первую очередь для того, чтобы особым образом упорядочить канадское прошлое, которое под таким углом зрения превращалось в нарратив нациестроительства. Квинтэссенцией этого подхода стала книга «От колонии к нации» [8], впервые опубликованная в 1946 г., в которой ее автор, известный историк Артур Лоуэр, представил историю Канады как естественное, линейное и постепенное движение от статуса зависимой территории Великобритании к статусу независимой нации североамериканского континента. Другой известный канадский историк Уильям Мортон в своем труде «Канадская идентичность» (1961) продолжил эту линию рассуждений и акцентировал внимание на том, что эволюция колонии в направлении национальной независимости происходила «путем развития самоуправления в рамках империи», что представляло собой принципиально отличный от американского вариант построения нации [9].

Нарратив национальной строительства как неуклонного движения от колонии к нации в свое время занимал ключевое место и в канадских учебниках по истории для школьников, что заметно уже из самих заглавий этих изданий – «Построение канадской нации» (1942)¹, «От колонии к нации», «Канада: нация и ее рождение» (1948). Несмотря на то, что все они были

опубликованы впервые в 1940-е гг., их дополненные и переработанные версии с аналогичными названиями оставались в употреблении в системе школьного образования вплоть до конца 1960-х – начала 1970-х гг. Нужно отметить, что формула «от колонии к нации» до сих пор служит распространенным заглавием разделов в учебниках по истории Канады, освещающих соответствующие периоды прошлого этой страны [14, р. 80].

Между тем, несмотря на явное доминирование дихотомии «колония – нация» в сфере осмысления прошлого, она проникла и в более широкое пространство общественных дискуссий по вопросам текущей внутренней и внешней политики. Так, например, споры о том, какую позицию должна занять Канада в отношении Суэцкого кризиса 1956 г., также строились в пределах двух противоположных перспектив. Одна из них заключалась в том, что Канада может поддержать позицию Великобритании, и такой выбор будет означать в глазах консерваторов – верность империи, а в глазах либералов – очередную демонстрацию колониальной ментальности. Вторая перспектива подразумевала возможность собственного подхода Канады к урегулированию конфликта вокруг Суэцкого канала исходя из ее ценностей и представлений о мировом порядке. Этот подход заключался в осуждении агрессии Великобритании в Египте и деэскалации военного конфликта силами миротворцев, а значит – шел в разрез с британскими интересами и, по мнению либералов, демонстрировал зрелую позицию Канады как независимой нации. Неслучайно передовица газеты «Торонто Дэйли Стар» редуцировала суть происходящих споров до хорошо знакомой формулы «Колония или нация?» [5, р. 6].

Сквозь дебаты о национальном флаге конца 1950-х – начала 1960-х гг.² также красной нитью проходит идея о том, что выбранный дизайн нового флага будет свидетельствовать об уровне национальной зрелости Канады. Так, выбор английского торгового флага с щитом канадского герба (*Red Ensign*) в качестве национальной флага Канады казался многим ничем иным, как проявлением колониальных комплексов и привязанностей, ведь на этом флаге присутствовал в миниатюре Юнион Джек, флаг другого государства, бывшей метрополии. «Флаг, включающий Юнион Джек, будет подавлять нашу индивидуальность», – писал в 1956 г. Юджин Коллинз,

¹ Данный учебник был написан известным канадским историком Дж. Брауном и к 1971 г. его общий тираж составил 600 000 копий.

² Подробнее о Великих дебатах о флаге в Канаде см.: [15].

журналист издания «Кэнэдиен Комментэйтор» [3, р. 2]. Выбор же в пользу нового дизайна, в основном строившегося вокруг использования кленовых листьев – одного или трех, напротив, свидетельствовал о достижении страной статуса нации, готовой воплощать в новых символах свои собственные ценности.

Таким образом, взаимосвязь Канады как колонии (периферии) и империи как метрополии (центра) неизменно служила той системой координат, в рамках которой строились размышления многих канадских интеллектуалов о национальном статусе своей страны в проекции прошлого, настоящего и будущего. Место империи в этой формуле традиционно занимала Великобритания, однако к середине XX в. ее все чаще заменяли в этой позиции Соединенные Штаты. Британская империя исчезала – медленно и неравномерно – из различных сфер канадской жизни, и особенно важным в этом смысле периодом, по словам исследователя Филиппа Бакнера, было десятилетие с 1956 по 1967 гг. [2, р. 9]. На смену ей приходили США, что с неизбежностью меняло и характер взаимоотношений в связке «колония – нация», и перспективы нациестроительства. Анализируя бурное развитие американско-канадских экономических отношений, происходившее в послевоенный период, известный канадский ученый Гарольд Иннис предложил в 1956 г. несколько преобразовать предложенную А. Лоуэром траекторию развития Канады. В новых условиях Г. Иннис полагал, что страна стремительно возвращается к статусу колонии, на этот раз – американской (*colony-to-nation-to-colony*) [7, р. 405].

Именно в идеях и трудах Г. Инниса, как считают исследователи, берет свое начало так называемая теория зависимости (*dependency theory*), которая постулирует, что канадские интересы на протяжении всей истории страны систематически оказывались подчиненными интересам доминирующих метрополий, будь то колониальные державы (Франция, Великобритания), использующие один продукт – мех, пшеницу или древесину – в ущерб сбалансированному развитию и национальной автономии, или Соединенные Штаты, стремящиеся в торговле с Канадой к ее превращению в поставщика сырья.

На фоне осмысления экономической зависимости Канады понятие колонии проникает и в дискуссии о культурной политике страны. Немалое число канадских интеллектуалов в этот период активно высказывали в печати и публич-

ных выступлениях обеспокоенность не только стремительным ростом американских инвестиций в канадской экономике, но и экспансией американской массовой культуры в Канаде. В их риторике можно было различить предостережение об опасности того, что Канада, едва приблизившаяся после Второй мировой войны к статусу независимой нации и постепенно обретающая все положенные «настоящей» нации атрибуты, превращается в «интеллектуальную и духовную колонию Соединенных Штатов» [4, р. 2]. В публицистике того времени стало привычным обращаться к образу Канады как 51-го штата для предостережения канадцев о том, что всякая уступка американскому давлению приближает их к самому пессимистичному сценарию развития событий (см., напр.: [10, р. 65; 11, р. 17 и др.]).

В 1966 г. экономист Уолтер Гордон опубликовал книгу «Выбор Канады: независимость или статус колонии» (*A Choice for Canada: Independence or Colonial Status*), в которой подробно исследовал проблему иностранного присутствия в канадской экономике. Заголовок этой книги апеллировал к противопоставлению двух хорошо знакомым каждому канадцу перспектив национального развития. Весной и осенью 1966 г. он совершил тур по стране, популяризируя идеи, изложенные в книге, и выступая с лекциями на тему опасных последствий зависимости Канады от иностранного капитала. В своей книге У. Гордон пояснял, чем именно страшна потеря Канадой экономической независимости: вслед за экономическим контролем неизбежно приходит политический контроль, этот «урок истории», по мнению У. Гордона, Канада должна была извлечь за годы колониализма [6, р. 2]. «На секунду оглянувшись назад, мы увидим, как в течение ста, а особенно последних пятидесяти лет нашего существования мы освободились от следов колониального статуса ... Но, достигнув независимости от Великобритании, мы оказались, почти не осознавая этого, в полузависимом положении от Соединенных Штатов», – писал в 1967 г. У. Гордон [6, р. 3].

В дискурсе канадских интеллектуалов того времени понятие колонии приобретало дополнительную глубину и смысловые оттенки. В своем известном исследовании «Выживание: тематический путеводитель по канадской литературе» (1972) знаменитая канадская писательница Маргарет Этвуд, рассуждая о колониальном статусе Канады, описывала колонию

как место, из которого извлекается прибыль, но только не теми, кто в ней живет. В ее представлении колония – это виктимизированная страна, что имеет далеко идущие последствия для культуры и менталитета ее жителей [1, р. 35–36]. Так, рассуждая об особенностях самоидентификации канадцев, социолог и теоретик коммуникаций Энтони Уайлден затрагивает проблему Другого, через соотношение с которым эта идентификация осуществляется, и подчеркивает, что Канада неизменно занимала и занимает подчиненное положение в этих отношениях с Другим, будь то бывшие метрополии или США [13, р. 224]. Образ Канады как колонии, «физически эксплуатируемой и психологически угнетаемой Соединенными Штатами» [12, р. 1], проявляется также в ранних художественных произведениях М. Этвуд, в частности – в романе «Постижение» (*Surfacing*) (1972).

Таким образом, мы можем отметить, что в конце 1960-х – 1970-е гг. в дискурсе канадской интеллигенции происходит переосмысление понятия «колония» и колониального прошлого Канады в новом ключе. Представляется, что это происходит на фоне смены доминирующей силы в роли империи, окончательного перехода этой роли от Великобритании к США, а также в контексте того беспрецедентного сближения США и Канады в экономической, внешнеполитической и культурной сферах, которое происходило в послевоенные десятилетия. Если прежде статус колонии и колониальное прошлое в рамках Британской империи рассматривались как необходимая ступень на пути обретения Канадой независимости, то теперь и прошлый колониальный опыт, и текущая позиция сателлита американской империи во многом драматизировались в постмодернистском вкусе, как отношения власти и подчинения, агрессора и жертвы, создавая новый национальный нарратив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Atwood, M., 1972. *Survival: a thematic guide to Canadian literature*. Toronto: House of Anansi.
2. Buckner, P.A., 2005. Introduction. In: Buckner, P.A. ed., 2005. *Canada and the end of Empire*. Vancouver: University of British Columbia Press, pp. 1–14.
3. Collins, E.L., 1958. The case for a maple leaf flag. *Canadian Commentator*, Vol. 2, no. 6, pp. 1–2.
4. Collins, R., 1986. The metaphor of dependency and Canadian communications: the legacy of Harold Innis. *Canadian Journal of Communication*, Vol. 12, no. 1, pp. 1–19.

5. Colony or nation? *Toronto Daily Star*, 1956, November 27, p. 6.

6. Gordon, W.L., 1967. The choice: a free and independent Canada or a US colonial dependency. *Star Weekly*, July 8, pp. 2–3.

7. Innis, H.A., 1956. Great Britain, the United States and Canada. In: Innis, M.Q. ed., 1956. *Essays in Canadian economic history*. Toronto: University of Toronto Press, pp. 394–412.

8. Lower, A.R.M., 1946. *Colony to nation, a history of Canada*. Toronto: Longmans, Green and Co.

9. Morton, W.L., 1961. *The Canadian identity*. Madison: University of Wisconsin Press.

10. Mowat, F., 1959. Let's apply for admission as the 51st state. *Macleans*, Vol. 72, no. 12, pp. 8, 64–66.

11. Roberts, L., 1965. The case for Canadian survival. *Montrealer*, Vol. 39, no. 5, p. 17.

12. Schlueter, J., 1988. Canlit/victimlit: Survival and second words. In: Spanckeren, K.V. and Castro, J.G. eds., 1988. *Margaret Atwood: vision and forms*. Carbondale: Southern Illinois University Press, pp. 1–11.

13. Wilden, A., 2009. The old question, but not the old answers. In: Mookerjee, S., Szeman, I. and Faurschou, G. eds., 2009. *Canadian cultural studies: a reader*. Durham: Duke University Press, pp. 210–225.

14. Wright, D.A., 2005. *The professionalization of history in English Canada*. Toronto: University of Toronto Press.

15. Еременко К.С. Дебаты о флаге и поиск национальной идентичности (к 50-летию Великих дебатов о флаге в Канаде) // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 187–193.

REFERENCES

1. Atwood, M., 1972. *Survival: a thematic guide to Canadian literature*. Toronto: House of Anansi.
2. Buckner, P.A., 2005. Introduction. In: Buckner, P.A. ed., 2005. *Canada and the end of Empire*. Vancouver: University of British Columbia Press, pp. 1–14.
3. Collins, E.L., 1958. The case for a maple leaf flag. *Canadian Commentator*, Vol. 2, no. 6, pp. 1–2.
4. Collins, R., 1986. The metaphor of dependency and Canadian communications: the legacy of Harold Innis. *Canadian Journal of Communication*, Vol. 12, no. 1, pp. 1–19.
5. Colony or nation? *Toronto Daily Star*, 1956, November 27, p. 6.
6. Gordon, W.L., 1967. The choice: a free and independent Canada or a US colonial dependency. *Star Weekly*, July 8, pp. 2–3.

7. Innis, H.A., 1956. Great Britain, the United States and Canada. In: Innis, M.Q. ed., 1956. Essays in Canadian economic history. Toronto: University of Toronto Press, pp. 394–412.

8. Lower, A.R.M., 1946. Colony to nation, a history of Canada. Toronto: Longmans, Green and Co.

9. Morton, W.L., 1961. The Canadian identity. Madison: University of Wisconsin Press.

10. Mowat, F., 1959. Let's apply for admission as the 51st state. Macleans, Vol. 72, no. 12, pp. 8, 64–66.

11. Roberts, L., 1965. The case for Canadian survival. Montrealer, Vol. 39, no. 5, p. 17.

12. Schlueter, J., 1988. Canlit/victimlit: Survival and second words. In: Spanckeren, K.V. and Castro, J.G. eds., 1988. Margaret Atwood:

vision and forms. Carbondale: Southern Illinois University Press, pp. 1–11.

13. Wilden, A., 2009. The old question, but not the old answers. In: Mookerjea, S., Szeman, I. and Faurschou, G. eds., 2009. Canadian cultural studies: a reader. Durham: Duke University Press, pp. 210–225.

14. Wright, D.A., 2005. The professionalization of history in English Canada. Toronto: University of Toronto Press.

15. Eremenko, K.S., 2015. Debaty o flage i poisk natsional'noy identichnosti (k 50-letiyu Velikikh debatov o flage v Kanade) [The flag debate and the search for national identity (the 50th anniversary of the Great Canadian Flag Debate)], Novaya i noveishaya istoriya, no. 4, pp. 187–193. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94(470.23).084.[2+3]»1917/1919»

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1/97-102

Е.А. Поправко*

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОХРАНА ПЕТРОГРАДА КАК ОРГАН СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917–1919 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИИ А.В. ХРУЛЕВА)**

В статье на материалах биографии Андрея Васильевича Хрулева, руководителя одной из районных комендатур Петрограда, показан процесс формирования революционной охраны города как органа власти и проанализированы выполнявшиеся ею функции. Исследуя архивные материалы, автор приходит к выводу, что легитимация органов советской власти определялась не только их способностью выполнять в полном объеме формально возложенные на них функции, но и умением решать в интересах населения те вопросы, которые прямо не входили в функционал того или иного органа власти.

Ключевые слова: революция 1917 г., революционная охрана, Петроград, А.В. Хрулев, советская власть

The revolutionary guard of Petrograd as a body of Soviet authority in 1917–1919 (as reflected in A.V. Khrulev's biography). ELENA A. POPRAVKO (General of the Army A.V. Khrulev Military Logistics Academy)

Focusing on the biography of Andrey Khrulev, the head of a district headquarters of the revolutionary guard in Petrograd, the article shows the development of the revolutionary guard of the city as a body of Soviet authority and analyzes its functions. Exploring archival materials, the author comes to the conclusion that the legitimation of the bodies of Soviet authority at the early stages was determined not only by their ability to fully perform their direct functions but also by their involvement in solving the problems of the general public that were formally outside their duties.

Keywords: Russian Revolution, revolutionary guard, Petrograd, A.V. Khrulev, Soviet power

Формирование советской государственности связано с деятельностью определенных органов власти. От того, насколько успешно они возложенные на них функции и решали проблемы населения, зависело завоевание советской властью авторитета. Революционная охрана

Петрограда и ее деятельность только недавно стали предметом исследований, при этом оценки исследователей зачастую формируются на основе отрывочных данных о деятельности ее центральных органов [2, с. 156–165]. Это приводит к превалированию утрированных

* ПОПРАВКО Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры № 11 Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева.

E-mail: elena_porpravko@mail.ru

© Поправко Е.А., 2019

** Статья подготовлена в рамках комплексной НИР «Биограф-18-МТО».

представлений, характерных для либеральной историографии 1990-х гг.: «В органы власти и управления пришли сотни тысяч “людей из народа”, в массе своей малограмотные, далекие от понимания общегосударственных интересов, не имевшие элементарной политической культуры, с анархической психологией. Такой социальный состав органов новой власти не мог оказать влияние на ее деятельность, принимавшую характер митинговой демагогии» [1, с. 25]. Такой подход не позволяет понять, каким образом советской власти, при таком кадровом составе управленцев, удалось легитимироваться в глазах населения.

Цель нашего исследования – показать процесс формирования революционной охраны Петрограда как органа власти и его деятельность (как институциональную, т. е. в рамках официально закрепленных функций, так и внеинституциональную) на материалах биографии руководителя одной из районных комендатур (в Пороховском районе) Андрея Васильевича Хрулева.

Основная масса материалов, характеризующих процесс формирования революционной охраны и основные направления ее деятельности, отложилась в фонде Р-73 «Центральная и районные комендатуры революционной охраны Петрограда, 1917–1919 гг.» Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Привлекались также материалы фонда Р-5427 «Комиссариат по военным делам Пороховского района Петрограда. 1918–1920». Кроме того, нами использованы материалы фондов Р-8 «Пороховской районный комитет РКП (б). 1918–1922» и Р-1728 «Личные дела кандидатов и членов ВКП (б)» Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга.

Формирование революционной охраны связано с решением Советской властью после Октябрьской революции двух важнейших взаимосвязанных задач: ликвидировать органы власти, созданные Временным правительством, и обеспечить поддержание порядка в городе.

В связи с ликвидацией милиции, созданной Временным правительством, 19 ноября 1917 г. постановлением Военно-революционного комитета Петрограда создана Комиссия по организации охраны города (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, далее – ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 85). 2 декабря 1917 г. из ее состава выделили Комитет охраны (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 1. Л. 17). Впослед-

ствии орган неоднократно менял название: до 27 марта 1917 г. он назывался Комитетом охраны Петрограда, с 28 марта по 21 мая 1918 г. – Комитетом революционной охраны Петрограда; с 21 мая 1918 г. по 31 июля 1918 г. – Центральной комендатурой революционной охраны. Орган подчинялся Народному комиссариату по внутренним делам Петроградской трудовой коммуны, затем – отделу наружной охраны Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области (ЦГА СПб. Р-73. Оп. 1. Д. 1. Л. 60об., 85; Д. 4. Л. 20) [5, с. 125]. Приказом № 3 от 5 мая 1919 г. Отдел Управления Петросовета переименовал (с 1 мая) Центральную комендатуру в Управление Петроградской рабоче-крестьянской милиции, районные комендатуры – в районные управления, а подрайонные комендатуры – в участки рабоче-крестьянской милиции (ЦГА СПб. Р-73. Оп. 1. Д. 140. Л. 120, 140).

Центральному комитету революционной охраны подчинялись районные и подрайонные комитеты, сформированные в феврале-марте 1918 г., после ликвидации районных и подрайонных комиссариатов старой милиции. Как центральный, так и районные и подрайонные органы выполняли многообразные задачи: наблюдение за порядком; защита граждан от насилия и самоуправства различных властей; борьба с преступностью; контроль за проведением в жизнь политики СНК РСФСР и Петроградского Совета; определение мест расстановки постов; распределение надзоров охраны, транспортных средств и оружия; составление протоколов о происшествиях и подача ежедневных сводок; предварительное дознание, задержание, арест и передача дел в суд; контроль за исполнением части судебных приговоров (о штрафах, исправительных работах и т. п.).

Пороховская районная комендатура была небольшой и имела в подчинении 1 подрайонную комендатуру – в Ржевском подрайоне (из 53 подрайонных комендатур на 14 районных). Типовая структура районной комендатуры предполагала должности коменданта с 2–3 помощниками, и 3 отдела: административно-хозяйственный, местной охраны и следственный (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 1об.).

В материалах фонда Р-73 нами выявлено личное дело Андрея Васильевича Хрулева, коменданта революционной охраны Пороховского района (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 3. Д. 267. Л. 108–113).

Дата вступления А. В. Хрулева в революционную охрану – 8 июня 1918 г., а основанием

для поступления значится рекомендация партии коммунистов (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 316 об.–317, 326). Во всех биографиях, со слов самого А.В. Хрулева, говорится о пролетарском этапе его биографии – работе слесарем на Охтенском пороховом заводе [6, с. 6; 3, с. 22; 4, с. 14]. Но в различных списках, представлявшихся в Центральную комендатуру и Военный комиссариат и составлявшихся Пороховской районной вербовочной комиссией, нас ожидает «биографический сюрприз». Данные о предыдущей службе иные – «счетовод», «конторщик» Охтенского завода пороховых веществ (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 184. Л. 11–11об.; Ф. Р-5427. Оп. 1. Д. 3. Л. 29 об.–30, 33 об.–34). Исполнение должности на более «пролетарскую» вполне объяснимо: должность белого воротничка в революционной биографии – не самый лучший эпизод. Эти документы помогают понять, откуда взялись навыки будущего начальника тыла Красной Армии: в первооснове они были сформированы на заводе, находившемся в ведении Главного артиллерийского управления и отличавшемся строгостью и жесткостью правил ведения хозяйственной деятельности и соответствующей документацией. Эти же документы позволяют сделать вывод, что советские управленцы, хотя и набирались по возможности из «людей из народа», но отнюдь не всегда были малограмотными и далекими от понимания общегосударственных интересов [1, с. 25]. Революция стала «социальным лифтом», позволившим сделать карьеру и проявить свои качества тем, кто в рамках прежней системы вряд ли мог рассчитывать на такой рост.

Причины, по которым «партия коммунистов» дала рекомендацию на должность коменданта в районной комендатуре революционной охраны Андрею Васильевичу Хрулеву, пока для нас не вполне ясны. В РСДРП(б) он вступил только в марте 1918 г. (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, далее – ЦГАИПД СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3. Л. 97). И.С. Шиян утверждал, что в марте 1918 г. А.В. Хрулев был направлен партийной организацией в Могилевскую губернию для организации Советов [6, с. 6]. Но в личном деле коменданта революционной охраны Пороховского района есть выписка из домовой книги, в которой в графе «откуда дан вид и на какой срок» сделана запись: «Губ. Исп. Ком. Могилева 29 Янв. 18 г. № 286», косвенно подтверждающая факт поездки в Могилев, которая, однако, состоялась не в марте, а самое позднее

в январе 1918 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 3. Д. 267. Л. 110). Таким образом, в Могилев ездил человек формально беспартийный. Хотя месяц январь в 1918 г. для советской власти знаковый: разгон Учредительного собрания, ультиматум анархистам о подчинении решениям СНК. Возможной причиной позднего вступления в партию, при наличии участия в ее работе (без официального членства), могла быть работа на Охтенском заводе взрывчатых веществ. При устройстве на работу кандидаты проверялись на предмет «благонадежности» и «надлежащего поведения». О серьезности проверок говорит тот факт, что до революции эти документы визировались не местными приставами, а начальником Охранного отделения Санкт-Петербурга (Петрограда) (ЦГИА СПб. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 2961. Л. 2, 24).

Став коммунистом только в марте 1918 г., А.В. Хрулев тем не менее является одним из активистов коллектива РСДРП(б) района. Именно ему принадлежит инициатива создания партийной ячейки в охране: в Петербургский комитет Российской Коммунистической партии он пишет, что «при таком довольно значительном количестве людей (как утверждается в тексте, более 100 чел. – прим. авт.) не существует партийной организации, тогда как долг каждого коммуниста воспитывать и увеличивать кадр», и просит поручить это дело товарищу П.А. Булатову (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 264). Сам Андрей Васильевич – член «чрезолиттройки» района, член «литературной коллегии», «организатор коллектива комендатуры», его избирают в числе десяти человек для «докладов на митингах», когда решается вопрос о создании организаций работниц на Пороховых и т. д. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 4. Л. 58, 59; Д. 31. Л. 27об., 53об., 58, 59, 73). При обилии партийных функций А.В. Хрулев, оценивая людей, на первое место явно ставит качества деловые, а не идеологические. На приказ Центральной комендатуры в связи с увеличением штатов «выслать 1 (один) человек дружинников, по возможности коммунистов, для направления их в школу дружинников», он направляет «тов. Александра ВОРОБЬЕВА, как самого надежного, честного и исполнительного гвардейца, но беспартийного» (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 248, 249).

Уже в этот период можно отметить и другие черты, которые впоследствии станут составляющими «фирменного стиля» А.В. Хрулева. На первом месте – рвение об интересах государ-

ства, стремление к исполнению своего долга. Именно он просит комитет рабочих Главного артиллерийского полигона помочь в организации стрельб для гвардейцев комендатуры, так как своих мишеней и стрельбища у нее нет (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 284). Вторая черта – стремление к точности учета любых материальных ценностей и нематериальных благ. Учитывая значимость продовольственного вопроса, можно упомянуть деятельность, связанную с контролем за распределением продуктов питания. Особого внимания в этом плане заслуживает его обращение в Военный комиссариат Пороховского района с просьбой снять гвардейцев комендатуры с военного всеобщего и одновременно с денежного и продуктового довольствия, которое получают обучающиеся, мотивируемое так: «...в обязанности гвардейца Охранника входит обязательное обучение Военному делу, каждые сутки 2 часа. ...так как гвардейцы Комендатуры, как боевая сила стоят наравне с красноармейцами и по первому требованию должны выступать куда им прикажут и ни в каком случае не могут быть причислены к резервным войскам» (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 257–257 об.). С вопросами питания связана и его просьба о выделении «3-м дежурным членам Комендатуры, несущим суточное дежурство, 3 фунтов сахару на Сентябрь м-ц и 2 фунтов масла чухонского на одну неделю» (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 228. Л. 74).

Коменданту революционной охраны Пороховых было стыдно иметь больше льгот, чем у подчиненных. Он не только просил Исполком района ходатайствовать перед Продовольственной комиссией Охтенского завода взрывчатых веществ, чтобы его подчиненным выдали карточки на получение продуктов («неудобно получать лишнее против своих сотрудников»), но и подготовил список сотрудников охраны с членами семей для получения на заводе муки. Сам А.В. Хрулев и его родственники (как проживавшие в Петрограде – брат Михаил с семьей, так и оставшиеся в дер. Большая Александровка) в этом списке отсутствуют. То есть при наличии «коррупционных возможностей» комендант Пороховых ни разу ими не воспользовался. Архивные материалы сохранили свидетельства тесных семейных связей – путевые документы на обратную дорогу для брата Павла и сестры Евдокии, приезжавших в Петроград; путевые документы для брата Михаила, ездившего в Б. Александровка в отпуск; путевые документы самого А.В. Хрулева, проводившего отпуск

в отцовской семье. Но мысль включить родственников в списки на получение продуктов или непродовольственных пайков, видимо, и в голову не приходила (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 229. Л. 181, 214–214об., 217). Единственным ходатайством, в которое комендант А.В. Хрулев включил себя, стал «Список должностных лиц комендатуры Пороховского района Революционной охраны города Петрограда, нуждающихся в приобретении ордеров на получение сапог», составленный в январе 1919 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 10–10об., 28–28об.).

Забота о подчиненных сочетается со строгостью и требовательностью. Врача Лазарета Охтенского порохового завода А.В. Хрулев просил «как можно осторожнее давать записки об освобождении от службы на разные сроки» своим подчиненным, так как нередко освобожденного затем можно было увидеть «или слонявшимся по улице с видом безпечного человека, или работающим частную работу» (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 314).

Строгость и чувство социальной справедливости можно увидеть и в тех случаях, когда речь шла не о гвардейцах охраны, а о населении района. Заведующему столовой общественного питания № 1 Петроградской коммуны А.В. Хрулев отправил образец именного талона и распорядился, чтобы обеды выдавались исключительно по предъявлению талона и удостоверения личности, а уклоняющихся от данной процедуры велел «лишать обеда» (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 270).

13 августа 1918 г. больница Св. Ольги ходатайствовала перед районным Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «разрешить ... войдя в чрезвычайно тяжелое положение больных ... закупить в районе Совета 150 пудов картофеля нового урожая с правом провоза в Петроград». Документ был перенаправлен в охрану, и комендант А.В. Хрулев разрешил провоз 40 пудов картофеля (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 228. Л. 92–92об.). Аналогичные разрешения на закупку дров, продовольствия, строительных материалов выдавались и физическим лицам (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 228. Л. 14, 20).

Комендатура контролировала и обеспечение жильем. Примером может служить разъяснение А.В. Хрулева гражданке Добрыниной о вселении в ее квартиру гражданина Щербакова. Последний получил разрешение, так как Добрынина имеет три комнаты, но пользуется только одной (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 228. Л. 235, 236).

К примерам неформальных и внеинституциональных действий по социальной защите населения относятся ходатайства о помощи в трудоустройстве. Формально этим занималась биржа труда. Революционная охрана сама обращалась к ее услугам при наличии вакансий. Но, видимо, частным лицам не всегда удавалось получить от биржи помощь, и тогда они обращались напрямую к советским или партийным руководителям, которые, по их мнению, могли оказать им реальную помощь. 25-тилетний комендант Пороховых становится последней надеждой на законное трудоустройство для 17-летнего И.Д. Савельева, для 18-летней гражданки Е.М. Михайловой (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 339–339 об., 348). Причем если первый попал в поле зрения охраны, так как был задержан за спекуляцию, и трудоустройство рассматривалось как способ профилактики правонарушения, то вторая лично обратилась с просьбой помочь в трудоустройстве, так как биржа в течение нескольких месяцев ее не трудоустроивала.

Деятельность А.В. Хрулева не всегда встречает понимание. Характерный эпизод связан с празднованием годовщины Октябрьской революции. По сезону в домах уже необходимо топить, но дрова в это время, как и продукты, – дефицит. Исполком же принимает решение, обязывающее всех домовладельцев починить мостки (деревянные настилы), без которых в районе – непролазная грязь (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 250). Комендант Пороховых обклеивает район объявлениями: «Комендатура Пороховского района революционной охраны г. Петрограда предписывает всем домовладельцам селения Пороховых в 10-ти дневный срок исправить все мостки, тротуары, забить в них все щели, чтобы настил не качался, исправить заборы, пришедшие в негодность, убрать дворы от всякой грязи и нечистот» (о том, что их было напечатано множество, говорит тот факт, что на обороте таких объявлений потом печатались документы внутреннего пользования и копии). Неподчинившимся грозили «революционным судом» и конфискацией имущества (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 249). Но не все граждане воспринимают это правильно. На двух с половиной страницах гражданин Федино (кстати, член сельскохозяйственного совета) излагает причины, по которым он не исполняет предписание, а также заявляет, что «он не буржуй какой-нибудь», чтобы штрафовать его на 500 руб. Заявитель констатирует, что новая власть употребляет «...те же приемы, что при-

менял пристав» (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 367–368). В ответ А.В. Хрулев заявляет, что «палка пристава, ... была сразу после неисполнения изданного приказа», а он сначала действует убеждением, но это не значит, что будет снисходительно восприниматься «разгильдяйство населения, которое считает власть недостаточно твердой» (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 374–374об.).

Последние документы за подписью А.В. Хрулева, уже как начальника милиции Пороховского района, в фонде Р-73 ЦГА СПб датируются 24 июня 1919 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 190. Л. 211). В материалах фонда Р-8 ЦГАИПД СПб в списках о вручении повесток на заседания Комитета Коммунистической партии Пороховского района А.В. Хрулев отмечается 23 июля 1919 г. В октябре 1919 г. он уже упоминается в числе «коммунистов, находящихся в командировках от Коллектива при Управлении Милиции», как отбывший на «Южный фронт». Но в 1920 г. 10 июня Бюро Райкома РКП (б) Пороховского района ходатайствовало перед Петроградским комитетом партии «об оставлении в районе прибывшего с фронта по слабости здоровья после сыпного тифа в отпуск на 2 мес., тов. А.В. Хрулева»: «Оставление тов. Хрулева желательно не только по состоянию его здоровья, а главное из-за отсутствия партийных работников в районе». В просьбе отказали (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 497348. Л. 1, 5).

Анализ деятельности А.В. Хрулева на посту коменданта революционной охраны Пороховского района Петрограда позволяет сделать вывод о том, что легитимация органов советской власти определялась не только их способностью в полном объеме выполнять формально возложенные функции, но и умением решать в интересах населения те вопросы, которые прямо не входили в функционал того или иного органа власти. Авторитет руководителей этих органов держался вовсе не на «товарище маузере», хотя это и не исключало применения силовых средств и методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М.: Наука, 1995.
2. Гутман М.Ю. Нормотворчество Советов Петрограда и Северо-Запада России по организации охраны общественного порядка (1918 г.) // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 156–165.

3. Карпов В.В. Генерал армии Хрулев. Все для Победы. Великий интендант. М.: Вече, 2004.

4. Марченко А.Д. Наркомпутъ Хрулев. М.: Вече, 2007.

5. Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной Области. Вып. 1. Ч. 2. Петроград: Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, 1919.

6. Шиян И.С. Генерал армии Хрулев. М.: Воениздат, 1980.

REFERENCES

1. Gimpel'son, E.G., 1995. Formirovanie sovetskoi politicheskoi sistemy: 1917–1923 gg. [The making of the Soviet political system, 1917–1923]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

2. Gutman, M.Yu., 2007. Normotvorchestvo Sovetov Petrograda i Severo-Zapada Rossii po

organizatsii okhrany obshchestvennogo poryadka (1918 g.) [The norm setting of Petrograd and Russian North-West Soviets on community policing (1918)], *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 156–165. (in Russ.)

3. Karpov, V.V., 2004. General armii Khrulev. Vsyo dlya Pobedy. Velikii intendant [General of the army Khrulev. All for victory. The great intendant]. Moskva: Veche. (in Russ.)

4. Marchenko, A.D., 2007. Narkomput' Khrulev [People's Commissar for Railways Khrulev]. Moskva: Veche. (in Russ.)

5. Sbornik dekretov i postanovlenii po Soyuzu Kommun Severnoi Oblasti [Collection of decrees and decisions of the Northern Region Union of Communes]. Vyp. 1. Ch. 2. Petrograd, 1919. (in Russ.)

6. Shiyan, I.S., 1980. General armii Khrulev [General of the army Khrulev]. Moskva: Voenizdat. (in Russ.)

И.А. Колокольников*

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО РАДИОКОМИТЕТА В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК (1946–1953 гг.)

Статья посвящена музыкально-концертной деятельности Иркутского областного радиокомитета в 1946–1953 гг. в условиях воздействия идеологических установок данного исторического периода. Автор исследует характер и степень влияния всесоюзных идеологических кампаний на работу профессиональных музыкальных коллективов отдельно взятого сибирского города. Особое внимание уделяется постановлению ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», которое несколько лет оказывало определяющее влияние на траекторию развития музыкального искусства в СССР.

Ключевые слова: Иркутск, радиокомитет, музыкальный коллектив, идеология, репертуар

The musical component in the work of Irkutsk regional radio committee under the ideological notions of 1946–1953. IVAN A. KOLOKOLNIKOV (Irkutsk State University)

The article is devoted to the music and concert activities of Irkutsk regional radio committee under the influence of the ideological notions that marked the period of 1946–1953. The author explores the nature and degree of influence of the Soviet ideological campaigns on the work of professional musical groups in a given Siberian city. Special attention is paid to the resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union «On V. Muradeli’s opera “The great friendship” », which for several years had a decisive influence on the trajectory of the development of music in the USSR.

Keywords: Irkutsk, radio committee, musical group, ideology, repertoire

Изучение истории музыкальной жизни сибирских городов, которое проводится в последние полвека, обусловило появление ряда масштабных трудов по данной проблематике. Приоритет принадлежит новосибирским авторам, подготовившим фундаментальное издание «Музыкальная культура Сибири» в 3-х томах (6 книгах) [15], а также монографии, детально освещающие историю Новосибирского государственного театра оперы и балета [19], Новосибирского государ-

ственного театра музыкальной комедии [22], Новосибирской государственной консерватории [17]. Исключительно плодотворная работа проводится также исследователями из Красноярска, результатом чего стало появление 3-томного издания «Музыкальная культура Красноярска» [14], в котором акцент сделан на особенностях исторического развития музыкальной жизни города.

Однако история музыкальной жизни отдельных городов Сибири до сих пор изучена непол-

* КОЛОКОЛЬНИКОВ Иван Арсеньевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

E-mail: ivan-ars_k@mail.ru

© Колокольников И.А., 2019

но. В частности, это касается такого крупного культурного центра, как Иркутск. Между тем, детальное изучение истории музыкальной жизни города имеет большую актуальность по двум причинам. Во-первых, оно позволяет региональному сообществу осознать имеющиеся в данной сфере достижения и их характер. Во-вторых, содействует выстраиванию целостной картины истории музыкальной жизни Сибири.

Одной из наиболее важных страниц истории музыкальной культуры Иркутска является деятельность профессиональных музыкальных коллективов, которые в 1930–1953 гг. существовали на базе Иркутского областного (в первые годы – Восточно-Сибирского краевого) радиокомитета. К числу данных коллективов относились симфонический оркестр, камерный хор, оркестр народных инструментов, группа певцов-солистов и концертмейстеров. Появление подобных творческих формирований при радиовещательных учреждениях страны было в первую очередь обусловлено отсутствием качественной звукозаписи, поэтому изначально их основной задачей являлись выступления в прямом эфире. Однако в Иркутске, как и в некоторых других городах страны, коллективы радиокомитета стали крупнейшими профессиональными музыкальными коллективами и активно выступали на различных концертных площадках города. Успешность деятельности коллективов Иркутского радиокомитета объясняется тем, что он объединил ведущих музыкантов города. Данный факт был высоко оценен даже на страницах центральной печати [11]. Кроме того, радиокомитет периодически пополнялся квалифицированными кадрами, прибывавшими из других городов страны. Вплоть до роспуска музыкальных коллективов радио, произошедшего в 1953 г., радиокомитет во многом выполнял функции филармонии.

Тем не менее, до недавнего времени деятельность Иркутского радиокомитета практически не изучалась. Даже в фундаментальных трудах авторитетных исследователей истории сибирской музыкальной культуры упомянуты лишь отдельные факты, связанные с обширнейшей исполнительской деятельностью музыкальных коллективов данного учреждения, хотя и отмечена уникальность ее масштаба. И.Ю. Харкеевич, автор монографии «Музыкальная культура Иркутска» [23], подробно описывает музыкальную жизнь города до 1930 г., тогда как события последующих лет представляются лишь в виде краткой хроники. Попытка более подробного

освещения деятельности музыкальных коллективов Иркутского радиокомитета сделана в издании «Музыкальная культура Сибири» [15], однако нельзя не констатировать наличия существенных неточностей в фактическом материале, датах и именах. Не станем приводить ошибки в отражении специфических деталей иркутской музыкальной жизни, поскольку закономерно, что данные детали знакомы новосибирским авторам мало. В качестве показательного примера ошибок, допущенных в названном издании, приведем искажение имен двух музыкальных деятелей, широко известных в масштабе страны в целом. Известнейший советский скрипач М.Б. Полякин назван М. Поляковым [15, с. 119], а при описании репертуара коллективов радиокомитета в послевоенное время упоминается, что хор и симфонический оркестр радио исполнили «Реку-богатырь» Макаровой [15, с. 176]. Однако данная сюита принадлежит совсем не Н.В. Макаровой, как подумали авторы издания, а ее однофамильцу, также столичному композитору – В.А. Макарову [21, с. 360]. Нельзя не отметить и того, что в «Музыкальной культуре Сибири» деятельность коллективов Иркутского радиокомитета освещается не просто кратко, но и отрывочно. Например, достаточно полно описан репертуар оркестра народных инструментов радио до момента его роспуска в 1941 г. [15, с. 85], однако полностью отсутствует информация о том, что в 1946 г. коллектив возродился (ГТРК «Иркутск». Текущий архив. Фонд Иркутского радиокомитета. Оп. 2. Д. 13. Л. 74) и продолжал выступать не менее интенсивно, чем до войны. Наконец, в диссертационном исследовании М.И. Литвин, посвященном музыкальной культуре послевоенного Иркутска [13], радиокомитет не рассматривается вообще (правда, автор делает на этот счет специальную оговорку).

Восполнению пробелов в изучении деятельности организации, существенно повлиявшей на развитие музыкальной культуры Восточной Сибири, служит ряд работ автора настоящей публикации [8; 9; 10]. Данная статья призвана способствовать продолжению решения этой задачи.

Одним из важнейших аспектов рассмотрения музыкальной деятельности Иркутского областного радиокомитета является выявление степени воздействия на его работу идеологических установок сталинского времени. В настоящей статье рассматривается период 1946–1953 гг., ознаменованный выходом серии постановлений по вопросам культуры, которые сразу же после своего появления были наименованы «истори-

ческими» с учетом той важной роли, которую должны были сыграть в развитии отечественной культуры. Одно из них, постановление «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», определяло ориентиры для дальнейшего развития советской музыкальной культуры. Несомненно, этот документ не мог не оказать воздействия на музыкальную жизнь Иркутска, являвшегося в тот момент важнейшим культурным центром Восточной Сибири. В связи с этим цель данной статьи – проанализировать характер и степень воздействия данного постановления на работу музыкальных коллективов Иркутского радиокомитета. В статье будут также рассмотрены другие идеологические кампании послевоенного периода, влиявшие на деятельность музыкантов радио.

В первую очередь следует отметить, что уже в 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», после чего была развернута кампания по претворению установок данного документа в жизнь, в ходе которой было заявлено, что к этим установкам должны прислушаться и музыкальные театры (Государственный архив новейшей истории Иркутской области, далее – ГАИИО. Ф. 127. Оп. 30. Д. 188. Л. 84). Ожидаемым событием было появление отдельного постановления по вопросам музыкальной культуры. Таковым явилось постановление от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» [18]. Этот документ провозглашал реализм отечественных композиторов XIX в. основой для развития советской музыкальной культуры. При этом композиторы, склонные к новаторству, были объявлены «формалистами», то есть подразумевалось, что они уделяют излишнее внимание форме произведения в ущерб его мелодической основе. К разряду «формалистов» были отнесены С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович, А.И. Хачатурян, Н.Я. Мясковский, В.Я. Шебалин и Г.Н. Попов [18, с. 26].

С постановлением в массовом порядке знакомили работников каждого учреждения, связанного с музыкальным искусством. Подобные собрания прошли и в Иркутске [20], в том числе в радиокомитете. Основная доля ответственности за выполнение постановления ложилась на симфонический оркестр как наиболее значимый музыкальный коллектив Иркутска.

Однако важно подчеркнуть, что все коллективы радиокомитета еще с довоенного периода в первую очередь ориентировались на пропаган-

ду классической музыки. Это сыграло исключительно важную роль после выхода постановления «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», поскольку коллективам радиокомитета не требовалось проводить кардинальной перестройки репертуара. Вместе с тем необходимо было показать, что музыканты внимательно прислушиваются к указаниям ЦК ВКП(б). Поэтому 16 мая 1948 г. один из артистов симфонического оркестра выступил в печати с заявлением, что оркестр уже «начал перестройку репертуара» [4]. Далее автор статьи подчеркивал ориентацию на исполнение классических сочинений и назвал ряд произведений, подготовленных оркестром после выхода постановления. Примечательно, что некоторые из них, как, например, 5-я симфония П.И. Чайковского или 5-я симфония Л. Бетховена, являясь достаточно известными произведениями, входили в репертуар иркутского оркестра и до этого (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. Р-2451. Оп. 1. Д. 32. Л. 8–8об.). Таким образом, никакой «перестройки» не было, однако работники симфонического оркестра грамотно предотвратили возникновение каких-либо претензий к своему коллективу.

Тем не менее, оркестру пришлось отказаться от исполнения отдельных произведений, объявленных «формалистскими». В их число попали и некоторые вещи, которые ранее, напротив, рекомендовались для исполнения. Следует привести показательный пример. В отчете о работе Иркутского радиокомитета за 1948 г. сообщается, что Всесоюзный комитет по радиовещанию, на котором лежала обязанность снабжения нотным материалом музыкальных коллективов местных радиокомитетов, выполнял свои обязанности крайне плохо. За период с начала 1947 г. до середины 1948 г. комитет прислал в Иркутск лишь 3 партитуры (2 симфонических и 1 хоровое сочинение). В связи с этим большинство партитур масштабных сочинений иркутским музыкантам приходилось добывать самостоятельно. Но примечательно, что в числе названных в отчете трех партитур была сюита «Летний день» С.С. Прокофьева. Вскоре после того, как партитура была прислана в Иркутск, сюита попала в список запрещенных сочинений (ГАИО. Ф. Р-2425. Оп. 2. Д. 12. Л. 24). Вместо подобных произведений в репертуар оркестра вошел ряд новых симфонических сочинений, одобренных центральной критикой.

Следует отметить, что, несмотря на указанные рамки, в целом репертуар симфоническо-

го оркестра Иркутского радиокомитета был обширен. Исполнялось немало симфоний, ряд фортепианных и скрипичных концертов. За дирижерским пультом в эти годы находились отличавшиеся большой творческой активностью В.А. Патрушев, С.Н. Творун (перед приездом в Иркутск он участвовал в Параде Победы в качестве старшего помощника инспектора военных оркестров, то есть был вторым лицом после капельмейстера С.А. Чернецкого [24, с. 57–58]), Б.В. Вернер-Бернадский, Г.О. Торилян. С коллективом в 1946–1951 гг. выступил ряд виднейших музыкантов страны, приезжавших на гастроли: пианисты Ю.В. Брюшков и Г.Р. Гинзбург, скрипачи Б.Э. и М.Э. Гольдштейны, виолончелист А.Я. Феркельман. Как уже было сказано, и до выхода постановления от 10 февраля 1948 г., и после в репертуаре оркестра доминировала классика. При этом количество исполняемых произведений советских авторов также было немалым. Важно подчеркнуть, что даже после 1948 г. в их числе оставались Н.Я. Мясковский и Д.Д. Шостакович, подвергшиеся критике в постановлении, хотя, разумеется, игрались лишь те произведения, которые в официальных циркулярах не были отнесены к «формалистским».

Плодотворной была и деятельность камерного хора Иркутского радиокомитета. Данным коллективом с 1935 г. руководил известный далеко за пределами города хормейстер В.А. Патрушев, в 1943–1953 гг. параллельно занимавший пост главного дирижера симфонического оркестра. Однако в первую очередь современники ценили его именно как руководителя хоровых коллективов [7]. Что же касается хора радиокомитета, то, по заявлению Б. Клейна, критика, отметившегося исключительной строгостью оценок, подобный коллектив мог бы явиться «предметом гордости любой концертной организации» [6].

Репертуар коллектива отличался разнообразием: он включал немало различных хоровых сочинений, хоров из опер, народных и советских песен. Также в первые послевоенные годы исполнялись кантаты С.С. Прокофьева «Александр Невский» и «Здравица». Данная тенденция исполнения сочинений крупных форм была продолжена после выхода постановления «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Был сделан акцент на премьеры масштабных сочинений советских авторов, отнесенных центральной критикой к «идеологически верным». Из числа сочинений, написанных до выхода по-

становления, но при этом не заслуживших замечаний, была исполнена кантата «Утро отчизны» В.К. Сорокина. Из произведений, увидевших свет уже после появления этого программного документа, в 1949–1951 гг. были подготовлены оратория «Песнь о лесах» Д.Д. Шостаковича, кантаты «О Родине» А.Г. Арутюняна и «За мир» А.М. Маневича. Все три произведения исключительно высоко оценивались в центральной печати с позиций идеологических требований.

Наиболее значимой премьерой стало исполнение оратории «Песнь о лесах», подготовленной симфоническим оркестром, камерным хором и солистами (А.А. Авдеев и В.А. Булдаков) радиокомитета с привлечением хора Иркутского дворца пионеров. Несмотря на то, что в последние десятилетия Д.Д. Шостаковича принято рассматривать как исключительно оппозиционного деятеля, важно подчеркнуть, что «Песнь о лесах», прославляющая сталинский план преобразования природы, являлась для него своеобразной попыткой реабилитации после критики в постановлении. Данная попытка была успешной. В центральных изданиях появились высокие отзывы о новом сочинении. Например, в статье Т.Н. Ливановой и Ю.В. Келдыша «Образ Сталина в музыке», которая была опубликована в конце 1949 г. в журнале «Советская музыка», оратория описывалась следующим образом: «Композитор развертывает перед нами величественную картину преобразования природы в нашей стране, осуществленного по предначертаниям гениального Сталина. В своем эмоционально глубоком, вдохновенном высочайшей сталинской идеей произведении Шостакович подчеркивает силу предвидения большевистской партии, твердо и уверенно ведущей народы Советского Союза к коммунизму» [12]. Сам Д.Д. Шостакович приветствовал широкое исполнение этого сочинения, в связи с чем направил в Иркутск благодарственную телеграмму на имя В.А. Патрушева, подготовившего исполнение оратории и выступившего в качестве дирижера. Этот факт отмечался тогда в иркутской печати [25]. А в архиве дирижера удалось обнаружить данный документ со следующим текстом: «Иркутск. Радиокомитет. Главному дирижеру Патрушеву. Примите мою сердечную благодарность. Передайте коллективу исполнителей горячую благодарность и лучшие пожелания. Шостакович» (ГАИО. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 17. Л. 48).

Наряду с названными произведениями хор и солисты радио исполнили две масштабных

песенных сюиты композитора В.А. Макарова – «Солнечная дорога» и «Река-богатырь» (ГАНИИО. Ф. 2939. Оп. 1. Д. 22. Л. 37). В них также воспевались достижения советского человека. Надо заметить, что наряду с эпическими номерами в сюиты входили красивые лирические песни. Большую популярность и любовь завоевала у публики песня «Рос на опушке рощи клен», входившая в сюиту «Солнечная дорога».

Идеологические ограничения касались не только произведений современных на тот момент композиторов, но и сочинений некоторых авторов, уже ушедших из жизни. Это наглядно проявилось в специфике подбора произведений, исполнявшихся в разных городах страны в 1948 г. к 75-летию С.В. Рахманинова. Если в начале 1930-х гг. в СССР существовали попытки рассмотрения всего рахманиновского творчества как «эпигонского, отражающего идеологию мелкобуржуазного мещанства» [2], то в первые послевоенные годы Рахманинов уже был признан на официальном уровне как выдающийся композитор. Однако при этом пропагандировались исключительно его дореволюционные сочинения, поскольку считалось, что в эмиграции Рахманинов демонстрировал «симптом творческой деградации и оскудения» (выражение известного советского музыковеда Ю.В. Келдыша) [3, с. 376]. Закономерно, что и в Иркутске в 1948 г. исполнялись только произведения дореволюционного периода. Тем не менее, в их числе была подготовленная камерным хором и симфоническим оркестром радиокомитета кантата «Весна», созданная в самом начале XX в., но в Иркутске исполнявшаяся впервые (ГАИО. Ф. Р-2425. Оп. 2. Д. 12. Л. 20).

Также в изучаемый период проводилась антирелигиозная политика, коснувшаяся и хора радио. Причина была в том, что многие его участники пели в иркутских церквях. В 1950 г. известный иркутский музыковед В.Ф. Сухиненко сообщал в Обком ВКП(б): «Долгое время, года два, если не больше, часть сотрудников хора комитета пела в двух иркутских церквях: Мелиоранский, Тельных, Мартюгова, Кузьмин, Салина, Кузнецов, Баталова. Для своих “церковников” Патрушев установил специальный выходной день, субботу, чтобы они могли петь в церкви вечерню. Лишь только с первого января 1950 г. под давлением общественности и письменных сигналов руководство удосужилось, наконец, сменить выходной день хора» (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 30. Д. 338. Л. 50). Однако о каких-либо жестких мерах воздействия

на названных хористов неизвестно. Во всяком случае, некоторые из них проработали в хоре до 1953 г., то есть момента роспуска коллектива. Резонно предположить, что это объяснялось некоторым ослаблением антирелигиозной политики в первые послевоенные годы.

Достаточно интересен был штат певцов-солистов радиокомитета. До войны он включал до 15 человек, но в послевоенный период численность вокалистов радио существенно сократилась. Квалификация певцов была различна. Наиболее высокие оценки современники давали А.А. Авдееву (бас). Свое певческое образование он получил у известных на юге России оперных вокалистов А.И. Глинского и Д.Н. Рыбакова [1]. К моменту приезда в Иркутск Авдеев имел огромный певческий опыт. Иркутская пресса отмечала: «Сильный голос, хорошая школа и драматическое дарование определяют ту славу первоклассного певца, которой давно и заслуженно пользуется тов. Авдеев у своих слушателей» [16]. И тем более досадным для ценителей высокого искусства был факт наличия в штате радиокомитета певицы М.Ф. Новожиловой (меццо-сопрано). Она начала выступать на радио еще в 1933 г., придя в среду профессиональных исполнителей из самодеятельности Иркутской швейной фабрики (ГТРК «Иркутск». Текущий архив. Фонд Иркутского радиокомитета. Л/д №575. Л. боб.), что было неудивительно, поскольку в это же время даже в оперу рекомендовалось набирать представителей рабочего класса (ГАНИИО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 726. Л. 36). В Иркутском радиокомитете репертуар меццо-сопрано также исполняла Л.К. Мясникова, но после ее отъезда в 1944 г. он полностью перешел к Новожиловой, что не отвечало ее возможностям. Выступления певицы вместе с такими сильными вокалистами, как А.А. Авдеев, вызывали резонное возмущение слушательской аудитории. Этот факт отмечался музыковедом Л.М. Пухнаревич, хормейстером Б.Д. Пантелеевой, пианистом Д.И. Басковым, историком Ю.П. Колмаковым и другими авторитетными специалистами в беседах с автором данной статьи. По всей вероятности, сигналы по поводу отношения иркутян к певице доходили до руководства радио, однако она продолжала работать. В первую очередь, это объяснялось безупречной для данного времени биографией: Новожилова родилась в крестьянской семье, а на радио, как уже было упомянуто, пришла из рабочей среды (ГТРК «Иркутск». Текущий архив. Фонд Иркутского радиокомитета. Л/д №575. Л. 10–12).

Наконец, помимо постоянных штатных коллективов в сезоне 1945–1946 гг. на радио был собран джаз-оркестр [26] (подобные коллективы сезонного плана собирались и в довоенный период). Однако вскоре в стране началась кампания по борьбе с космополитизмом. Одним из первых ее проявлений считается статья Е.А. Грошевой «Пошлость на эстраде», вышедшая 18 августа 1946 г. в «Известиях» [5]. Публикация посвящалась джаз-оркестру под управлением Э.И. Рознера. Примечательно, что автор статьи, подвергая критике лишь этот коллектив, совсем не выступала против джаза в целом, заявляя о существовании «хорошего джаза», работа которого держится на «подлинной музыкальности» и «здоровом юморе». Однако выход данного материала был использован для развязывания всесоюзной кампании по борьбе с джазом как явлением, чуждым советской музыкальной культуре. Неудивительно, что в связи с данной кампанией в следующих сезонах Иркутский радиокомитет уже не собирал джаз-оркестра. Примечательно, что в ходе искоренения «проявлений космополитизма» боролись не только с джазом, но и с некоторыми другими образцами западной музыки, показавшимися «чуждыми» как московским, так и местным идеологам. Например, оркестр народных инструментов, который в целом сохранял в послевоенный период свой традиционный репертуар, включавший народную музыку и произведения народного стиля, в 1950 г. подвергался критике за включение в свой репертуар западной музыки. Аналогичное замечание было адресовано участнику коллектива – баянисту В.И. Логинову, выступавшему в качестве солиста. Им неоднократно исполнялся «Чардаш» В. Монти, также попавший в тот период времени в разряд идейно чуждых произведений (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 30. Д. 338. Л. 39).

Музыкальные коллективы Иркутского радиокомитета, как и аналогичные творческие формирования большинства радиокомитетов страны, были распущены приказом, который выпустило 9 апреля 1953 г. только что начавшее свою деятельность Министерство культуры СССР (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6903. Оп. 52. Д. 208. Л. 50–53). Пересмотр идеологических ориентиров сталинского периода, прежде всего – установок постановления «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», произошел уже несколькими годами позднее. Таким образом, описанные установки влияли на деятельность коллективов радио до конца их существования.

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что идеологические установки сталинского периода оказывали заметное воздействие на репертуарную политику музыкальных коллективов Иркутского областного радиокомитета. Несомненно, эти установки в определенных моментах сдерживали творческую инициативу. Вместе с тем, тот факт, что в эти годы исключительно широко пропагандировалось наследие классиков, нельзя не признать серьезной положительной тенденцией культурного строительства в СССР в целом и в Иркутске в частности. Кроме того, как видно из эпизода с симфоническим оркестром, в городе, удаленном от центра, можно было создать видимость выполнения программного постановления ЦК ВКП(б), не прибегая к кардинальным мерам. Приведенные факты позволяют сделать вывод, что в сталинский период музыканты страны имели все возможности для проведения широкой и достаточно многообразной деятельности, однако при условии, что ими не нарушались вышеназванные предписания. В связи с этим наиболее успешно протекала деятельность тех коллективов и исполнителей, которые были нацелены на пропаганду сочинений композиторов-классиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багашев А. Путь артиста (35 лет творческой деятельности А.А. Авдеева) // Восточно-Сибирская правда. 1946. 18 декабря. С. 3.
2. Бойкот музыке белоэмигранта Рахманинова // За пролетарскую музыку. 1931. № 5. С. 6.
3. Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. М.: Изд. дом «Классика-ХИ», 2010.
4. Вржач Э. О пропаганде музыкальной культуры // Восточно-Сибирская правда. 1948. 16 мая. С. 2.
5. Грошева Е. Пошлость на эстраде // Известия. 1946. 18 августа. С. 3.
6. Клейн Б. Открытие сезона в филармонии // Восточно-Сибирская правда. 1950. 1 ноября. С. 4.
7. Колокольников И.А. Василий Патрушев: мифы и реальность // Прогулки по старому Иркутску. 2017. № 1. С. 25–38.
8. Колокольников И.А. Иркутская оперная труппа 1936–1938 гг. // Музыковедение. 2015. № 5. С. 40–44.
9. Колокольников И.А. История деятельности симфонических коллективов Иркутска в 1930–1958 гг. // Гуманитарные исследования в

Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 59–69.

10. Колокольников И.А. Музыкальная жизнь Иркутска в период Великой Отечественной войны // Музыка и время. 2015. № 3. С. 41–45.

11. Константинов Н. Письмо из Иркутска // Советская музыка. 1946. № 11. С. 47–49.

12. Ливанова Т.Н., Келдыш Ю.В. Образ Сталина в музыке // Советская музыка. 1949. № 12. С. 15–22.

13. Литвин М.И. Развитие профессиональной музыкальной культуры Иркутска в 1946–1986 гг.: дисс. ... канд. ист. н. Иркутск, 2002.

14. Музыкальная культура Красноярск: в 3-х т. / Отв. ред. Л.В. Гаврилова. Красноярск: КГАМиТ, 2011.

15. Музыкальная культура Сибири: в 3-х т. Т. 3. Кн. 1 / Под ред. Б.А. Шиндина. Новосибирск: НГК им. М.И. Глинки, 1997.

16. На очередной «Литературной среде» // Восточно-Сибирская правда. 1945. 2 февраля. С. 2.

17. Новосибирская консерватория – 50 лет. Материалы и документы: в 2-х т. / Под ред. Б.А. Шиндина и Н.И. Головневой. Новосибирск: НГК им. М.И. Глинки, 2006.

18. О журналах «Звезда» и «Ленинград»: Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 авг. 1946 г.; О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению: Постановление ЦК ВКП(б) от 26 авг. 1946 г.; О кинофильме «Большая жизнь»: Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сент. 1946 г.; Об опере «Великая дружба» В. Мурадели: Постановление ЦК ВКП(б) от 10 фев. 1948 г.: брошюра. М.: Госполитиздат, 1951.

19. Ромм В.В. Большой театр Сибири. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1990.

20. Смирнов Р.И. О культурной жизни Иркутской области // Новая Сибирь. 1949. Вып. 21. С. 209–220.

21. Советские композиторы: краткий биографический справочник. М.: Советский композитор, 1957.

22. Файн Я.Н. Новосибирский театр музыкальной комедии. Новосибирск: Наука, 2009.

23. Харкеевич И.Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1987.

24. Черток М.Д. Музыканты Парада Победы. М.: Канон+, 2015.

25. Шикин П. Концерт хора и оркестра комитета радиосообщения // Восточно-Сибирская правда. 1951. 17 марта. С. 4.

26. Яговкин Н. Всенародный праздник // Восточно-Сибирская правда. 1946. 7 мая. С. 3.

REFERENCES

1. Bagashev, A., 1946. Put' artista (35 let tvorcheskoi deyatelnosti A.A. Avdeeva) [The way of an actor (35th anniversary of A.A. Avdeev's work in the arts)], Vostochno-Sibirskaya Pravda, December 18, p. 3. (in Russ.)

2. Boikot muzyke beloemigranta Rakhmaninova [Boycott to the music of White emigrant Rachmaninoff], Za proletarskuyu muzyku, 1931, no. 5, p. 6. (in Russ.)

3. Vlasova, E.S., 2010. 1948 god v sovetskoj muzyke. Dokumentirovannoe issledovanie [The year 1948 in the Soviet music. Documentary research]. Moskva: «Klassika-XII». (in Russ.)

4. Vrzhashch, E., 1948. O propagande muzykal'noi kul'tury [On the promotion of musical culture], Vostochno-Sibirskaya Pravda, May 16, p. 2. (in Russ.)

5. Grosheva, E., 1946. Poshlost' na estrade [Vulgarity on the stage], Izvestiya, August 18, p. 3. (in Russ.)

6. Klein, B., 1950. Otkrytie sezona v filarmonii [The beginning of a concert season in the philharmonic hall], Vostochno-Sibirskaya pravda, November 1, p. 4. (in Russ.)

7. Kolokol'nikov, I.A., 2017. Vasilii Patrushev: mify i real'nost' [Vasily Patrushev: myths and reality], Progulki po staromu Irkutsku, no. 1, pp. 25–38. (in Russ.)

8. Kolokol'nikov, I.A., 2015. Irkutskaya opernaya trupa 1936–1938 gg. [Irkutsk opera troupe, 1936–1938], Muzykovedenie, no. 5, pp. 40–44. (in Russ.)

9. Kolokol'nikov, I.A., 2015. Istoriya deyatelnosti simfonicheskikh kollektivov Irkutsk v 1930–1958 gg. [The history of symphonic units of Irkutsk, 1930–1958], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 4, pp. 59–69. (in Russ.)

10. Kolokol'nikov, I.A., 2015. Muzykal'naya zhizn' Irkutsk v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Musical life of Irkutsk during the Great Patriotic War], Muzyka i vremya, no. 3, pp. 41–45. (in Russ.)

11. Konstantinov, N., 1946. Pis'mo iz Irkutsk [A letter from Irkutsk], Sovetskaya muzyka, no. 11, pp. 47–49. (in Russ.)

12. Livanova, T.N. and Keldysh, Yu.V., 1949. Obraz Stalina v muzyke [Stalin's image in music], Sovetskaya muzyka, no. 12, pp. 15–22. (in Russ.)

13. Litvin, M.I., 2002. Razvitie professional'noi muzykal'noi kul'tury Irkutsk v 1946–1986 gg. [The development of professional music in Irkutsk, 1946–1986], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk. (in Russ.)

14. Gavrilova, L.V. ed., 2011. Muzykal'naya kul'tura Krasnoyarska: v 3-kh t. [Musical culture of Krasnoyarsk: in 3 volumes]. Krasnoyarsk: KGAMiT. (in Russ.)
15. Shindin, B.A. ed., 1997. Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3-kh t. T. 3. Kn. 1 [Musical culture of Siberia: in 3 volumes. Vol. 3. Book 1]. Novosibirsk: NGK im. M.I. Glinki. (in Russ.)
16. Na ocherednoi «Literaturnoi srede» [At another «Literary Wednesday»], Vostochno-Sibirskaya pravda, February 2, p. 2. (in Russ.)
17. Shindin, B.A. and Golovneva, N.I. eds., 2006. Novosibirskaya konservatoriya – 50 let. Materialy i dokumenty: v 2-kh t. [50th anniversary of Novosibirsk Conservatory. Materials and documents: in 2 volumes]. Novosibirsk: NGK im. M.I. Glinki. (in Russ.)
18. O zhurnalakh «Zvezda» i «Leningrad»: Iz postanovleniya TsK VKP(b) ot 14 avg. 1946 g.; O repertuare dramaticheskikh teatrov i merakh po ego uluchsheniyu: Postanovlenie TsK VKP(b) ot 26 avg. 1946 g.; O kinofil'me «Bol'shaya zhizn'»: Postanovlenie TsK VKP(b) ot 4 sent. 1946 g.; Ob opere «Velikaya družba» V. Muradeli: Postanovlenie TsK VKP(b) ot 10 fev. 1948 g.: broshura [Resolutions of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union: on «Zvezda» and «Leningrad» magazines (August 14, 1946); on the repertoire of drama theaters and measures for its improvement (August 26, 1946); on the film «Big life» (September 4, 1946); on V. Muradeli's opera «The great friendship» (February 10, 1948): a leaflet]. Moskva: Gospolitizdat. (in Russ.)
19. Romm, V.V., 1990. Bol'shoi teatr Sibiri [Bolshoi theatre of Siberia]. Novosibirsk: Novosibirskoe kn. izd-vo. (in Russ.)
20. Smirnov, R.I., 1949. O kul'turnoi zhizni Irkutskoi oblasti [On the cultural life of Irkutsk region], Novaya Sibir', Vyp. 21, pp. 209–220. (in Russ.)
21. Sovetskie kompozitory: kratkii biograficheskii spravochnik [Soviet composers: a short biographic dictionary]. Moskva: Sovetskii kompozitor, 1957. (in Russ.)
22. Fain, Ya.N., 2009. Novosibirskii teatr muzykal'noi komedii [Novosibirsk theater of the musical comedy]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
23. Kharkeevich, I.Yu., 1987. Muzykal'naya kul'tura Irkutsk [Musical culture of Irkutsk]. Irkutsk. (in Russ.)
24. Chertok, M.D., 2015. Muzykanty Parada Pobedy [Musicians of The Victory Day parade]. Moskva: Kanon+. (in Russ.)
25. Shikin, P., 1951. Kontsert khora i orkestra komiteta radioinformatsii [Concert of the chorus and orchestra of the radio committee], Vostochno-Sibirskaya pravda, March 17, p. 4. (in Russ.)
26. Yagovkin, N., 1946. Vsenarodnyi prazdnik [National holiday], Vostochno-Sibirskaya pravda, May 7, p. 3. (in Russ.)

УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1/111-120

В.А. Долин*

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЭССЕНЦИАЛИСТСКОЙ И АНТИЭССЕНЦИАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье обсуждаются возможности и границы конвергенции концептуальных положений эссенциалистской и антиэссенциалистской традиций в современной философской антропологии, формулируется гипотетический тезис о конвергентном сближении концептуальных положений двух традиций, который получает подтверждение по итогам исследования. В эссенциализме неклассической философии движение идет от абстрактно понимаемой сущности к фундирующей ее индивидуальности, в антиэссенциалистской традиции обобщение индивидуальных случаев предрасполагает к выводам, формально похожим на представления о природе человека. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего развития каждой из традиций философского понимания человека, а также их диалога по определению общих положений и осознанию принципиальных различий в контексте развития конвергентных технологий.

Ключевые слова: конвергенция, эссенциализм, антиэссенциализм, конвергентные технологии, биоконсерватизм, трансгуманизм, природа человека, трансцендирование

The convergence of essentialist and anti-essentialist traditions in contemporary philosophical anthropology. VYACHESLAV A. DOLIN (I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of Internal Affairs)

The article discusses the possibilities and limits of convergence of essentialist and anti-essentialist conceptual provisions in modern philosophical anthropology. The author comes to the conclusion that it is necessary to further develop each of the traditions of a philosophical understanding of human nature, as well as their dialogue on the definition of general provisions and fundamental differences in the context of the development of convergent technologies.

Keywords: convergence, essentialism, anti-essentialism, converging technologies, bioconservatism, transhumanism, human nature, transcendence

В классической философии человек рассматривается с эссенциалистских позиций, как вечная и неизменная сущность, на основе которой формируется индивидуальное поведение

человека и политический порядок (Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Р. Декарт, Б. Спиноза). В неклассической философии зарождается антиэссенциалистская традиция, акцентирующая

---

* ДОЛИН Вячеслав Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

E-mail: v.a.dolin@mail.ru

© Долин В.А., 2019

внимание на становлении и историчности человека (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, марксизм, философская антропология, Э. Гуссерль, экзистенциализм, постмодернизм). С возникновением антиэссенциализма начинается полемика двух традиций, в результате которой эссенциалистские представления утрачивают монопольное положение в философской антропологии.

Со второй половины XX в. для понимания человека характерно доминирование антиэссенциалистской традиции (подробнее см.: [5]). Однако прогрессивное развитие нано-, био-, инфо – и когнитивных технологий и осознание в начале XXI в. возможности их конвергенции (см., напр.: [22]) формирует закономерный интерес к проблеме природы человека (Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас). «Эссенциалистский поворот» начала XXI в. в контексте доминирования антиэссенциалистской традиции требует возвращения к исследованию проблемы соотношения эссенциализма и антиэссенциализма в философском постижении человека. Будет логичным утверждать, что традиционное понимание соотношения двух традиций как противоречащих друг другу, согласно формуле закона исключенного третьего («либо эссенциализм, либо антиэссенциализм, и третьего не дано»), с начала XXI в. теряет концептуальное и праксеологическое значение. Возникает необходимость поиска нового решения вышеназванной проблемы, поскольку без него невозможно сформировать понимание человека в контексте развития конвергентных технологий.

В XXI в. предложено два новых варианта решения проблемы. С одной стороны, натуралистически фундированный биоконсерватизм, обеспокоенный возможным биотехнологическим изменением человека (Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, В.Ф. Чешко), обращается к концепту «природа человека». С другой стороны, исходящий из положений антиэссенциалистской антропологии трансгуманизм обосновывает возможность радикальной трансформации человеческой природы (см., напр.: [6, с. 201; 20, с. 93]). Формально ситуация в современной философской антропологии подтверждает традиционный тезис о противоречии двух традиций по формуле закона исключенного третьего.

Вместе с тем, подобный вывод не учитывает контекст, связанный с развитием традиций в концептуальном поле неклассической философии. В ее рамках не только формируется антиэссенциалистская традиция философской антропологии, но и сам эссенциализм трансформируется

в неклассическую форму (Л.А. Фейербах, марксизм, Э. Гуссерль, философская антропология). В частности, неклассический эссенциализм использует концепт классической традиции «природа человека» для описания человека как самостоятельной онтологической реальности, но с учетом методологической установки неклассической философии о развитии субстанции.

Поскольку современные варианты эссенциализма и антиэссенциализма развиваются в рамках неклассической философии, будет логичным предположить, что в антропологическом дискурсе современности противоречие двух традиций отсутствует, а биоконсерватизм и трансгуманизм есть крайние точки широкого континуума представлений о человеке. Данное предположение возможно сформулировать как гипотетический тезис о конвергентном сближении концептуальных положений эссенциализма и антиэссенциализма в современной философской антропологии. Онтологической основой данного предположения выступает человек, который концептуально отображается в обеих традициях. Во избежание двусмысленности понимания тезиса следует учитывать различное содержание понятия «конвергенция» в биологии и в философии науки и техники (см. также: [7]). В биологии конвергенция понимается как схождение отдельных признаков неродственных систематических групп в результате развития в схожей экологической среде. В контексте философии науки и техники постулируется не только взаимодействие, но и взаимопроникновение систем, стирающее границы между ними (М. Роко и В. Бейнбридж, Д.А. Медведев, Д.И. Дубровский). Конвергенция в данной статье понимается в биологическом значении. Хотя следует осознавать, что, в отличие от биологической конвергенции, в статье предполагается рассмотреть формально неродственные теоретические системы, развивающиеся в едином концептуальном поле.

Объект рассмотрения в данной статье – соотношение эссенциалистской и антиэссенциалистской традиций в современной философской антропологии, предмет – возможности и границы конвергенции концептуальных положений эссенциалистской и антиэссенциалистской традиций в современной философской антропологии.

Для исследования предмета статьи необходимо решить три исследовательские задачи:

- систематизация концептуальных представлений о человеческой природе в

эссенциализме неклассической философии;

- систематизация концептуальных представлений о человеке в антиэссенциалистской традиции понимания человека;
- сравнительный анализ двух вариантов концептуальных представлений в современной философской антропологии.

Методологическую основу статьи образуют триада «структура – функционирование – развитие» эволюционно-системного подхода, дополненная признанием факта наличия собственного бытия человека, сравнительный и дедуктивный методы, метод аналогии, а также концептуальное положение о разделении истории философии на классический и неклассический периоды.

Перейдем к систематизации концептуальных представлений о человеческой природе в эссенциализме неклассической философии. По причине ограниченного объема статьи систематизация будет осуществлена в форме тезисов.

Первый тезис, раскрывающий структуру природы человека, выделяет онтологические сферы («миры»), к которым принадлежит человек. В трехмерной конституции человека Г.Э. Хенгстенберга «...дух, область витального и личностное начало представлены друг другу и “стоят вместе”» [18, с. 244]. Динамически обретаемая структура личности есть триединство духа как выражающего себя начала, области витального как средства выражения и личностного начала как инстанции для определения индивидуально-неповторимого баланса духа и области витального [18, с. 244]. Трехмерная модель человека В. Франкла включает в себя телесное, психодинамическое и духовное измерения. Первые два находятся в горизонтальной плоскости, а духовное – в вертикальной и описываются, соответственно, как «психофизический организм» и «духовная личность» [14, с. 291]. Однако для В. Франкла человек существует как целостная личность. «...Личность неделима ... потому что представляет собой единство» [14, с. 290], «единство вопреки многообразию» [15, с. 48]. Для К. Вальверде «человек есть целостность и в то же время ... и душа, и тело» [2, с. 301]. В свою очередь человеческая душа понимается «...как дух, внутренне независимый от материи и обладающий самосознанием» [2, с. 300].

Таким образом, в отличие от элементарно-субстанционального, аналитического понимания человеческой природы классической философии,

в котором основной акцент делается на выделении структурных элементов, а рассмотрение завершается простой констатацией целостности человека, в эссенциализме неклассического периода преобладает стремление понимать природу человека как обретаемое единство слагающих ее измерений (динамический холизм).

Второй тезис характеризует функционирование природы человека. Если в классической философии – в соответствии с аристотелистским квалитативизмом – сущность однозначно предопределяет функционирование, то в эссенциализме неклассической философии, соответственно установкам платонизма, функционирование природы человека первично относительно слагающих ее элементов. По мнению Ж.-М. Шеффера, «...сущностное свойство Человека таково, чтобы эта сущность в нем всегда, *по самой сущности*, отставала от существования, так что последнее определяется своей способностью отрываться от сущности, понимаемой как кристаллизация прежнего существования» [19, с. 166]. Выражая мысль Ж.-М. Шеффера кратко, приходим к формулировке «существование человека предшествует его сущности». В результате подобного понимания спектр вариантов функционирования природы человека расширяется: монистическая трансценденция классической философии сменяется плюралистической формой в неклассическом стиле философствования.

Однако для формулировки второго тезиса проблематично ограничиться суждением «существование предшествует сущности». Его следует дополнить еще двумя утверждениями. Во-первых, в неклассическом эссенциализме существование человека носит не только родовую, но и индивидуальный характер. Выделенная С. Кьеркегором индивидуально-личностная форма существования как приоритетный объект анализа становится важнейшей особенностью неклассического дискурса о человеке. Позднее идея соединения индивидуального и родового измерения человека становится доминирующей в научной психологии (З. Фрейд, Э. Фромм, В. Франкл). Отдельный человек «... одновременно “он” и “все”, он индивид со своими особенностями и в этом смысле он уникален; в то же время он обладает всеми характеристиками, присущими человеческому роду» [16, с. 58–59]. В динамическом аспекте для него характерно сосуществование «...единого человеческого способа бытия и различных форм бытия, в которых он проявляется» [15, с.

48]. Хотя в контексте исторического развития неклассического эссенциализма корректнее вести речь об индивидуальных формах родового существования, реализуемых конкретными личностями (М. Шелер, А. Гелен). Во-вторых, неклассическая философия отказывается от атомарно-изолированного понимания человека в классической философии и рассматривает человека интерсубъективно, т. е. в контексте взаимодействия с природой, обществом и культурой (Э. Гуссерль, М. Бубер). Обобщая, правомерно предложить следующую формулировку второго тезиса: индивидуально-личностное существование человека, реализующееся в различных природных, социальных и культурных контекстах, предшествует его родовой сущности.

Третий тезис отражает историческое развитие природы человека и логически вытекает из второго, ведь развитие с необходимостью реализуется в пространственно-временных рамках существования. Идея развития человеческой природы (марксизм, Э. Гуссерль, философская антропология) является новой относительно постулата классической философии о ее «вечности и неизменности». К примеру, для марксиста В.В. Орлова человек как особая форма материи обладает «...бесконечной способностью к развитию, сохраняя свою основную природу» [10, с. 13]. Ему вторит и религиозный философ Г.Э. Хенгстенберг, определяя природу человека как «постоянство-в-изменении» [18, с. 213]. Концептуально возможность исторического развития человеческой природы объясняется тем, что в основе человеческой истории и биографии отдельной личности лежит динамика одного объекта [2, с. 11; 18, с. 211–212]. Иначе говоря, каждая историческая эпоха раскрывает новые грани природы человека, не отменяя ее наличия.

Понятие «постоянство-в-изменении» не только усложняет понимание природы человека («единая человеческая природа во множественности ее конкретно-исторических форм»), но и вносит новый аспект в понимание критической функции философии. Отныне философия обязана корректировать понимание природы человека в начале каждого нового этапа истории человечества, поскольку «всякое учение о человеке необходимо соотносить с исторической эпохой» [3, с. 38].

Перейдем к систематизации концептуальных представлений о человеке в антиэссенциалистской традиции понимания человека. Необходимость подобной формулировки задачи обу-

словлена отрицанием существования природы человека в данной традиции.

Структура человека в антиэссенциалистской традиции формально отсутствует. Согласно Ж.-П. Сартру, человек как «бытие-для-себя» есть ничто, не принадлежащее бытию объективных вещей и процессов, или «бытию-в-себе». Сартровское отождествление человека с «...дырой бытия внутри Бытия» [11, с. 617], признание радикального отличия человека от «бытия-в-себе» как внешне-предметного, констатация его инаковости миру доминируют в современной философской антропологии. Человек понимается, например, как «тройное размыкание», «ансамбль стратегий границы» (С.С. Хоружий), «пустое желание стать полным» (Ф.И. Гиренок), «бытие в переходе» (С.А. Смирнов), «несамотождественная идентичность» (С.С. Аванесов), «проектирование собственного бытия» (Ю.М. Резник). В результате человек рассматривается в «...модусе ускользающего *что...*» [4, с. 426].

Не отвергая традиционную интерпретацию позиции Ж.-П. Сартра, следует обратить внимание на три упрощения его взглядов относительно общих закономерностей существования человека. Последние правомерно рассматривать как аналог представлений о природе человека в эссенциализме неклассической философии. Во-первых, при радикальном противопоставлении «внешнего», объектного, и «внутреннего», собственного человеческого, бытия упускается факт признания философом наличия бытия-в-себе в самом человеке (тело, эго, аффекты, привычки и т. п.). Подобное разграничение правомерно рассматривать как движение в сторону признания наличия естественного, «природного» измерения человека. Во-вторых, Ж.-П. Сартр отрицает понимание природы человека лишь в духе классической философии: «...Если невозможно найти универсальную сущность, которая была бы человеческой природой, то все же существует некая *общность условий человеческого существования*» (курсив мой. – прим. авт.) [11, с. 321]. Данная общность означает, что для человека «не изменяется лишь необходимость ... быть в мире, быть в нем за работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным» [11, с. 336]. Также для раскрытия общего в человеке философ использует представление о человеческой реальности. Последняя «...появляется для нас как всегда только *обнаруживаемая* через *такого-то человека*, через отдельную личность» [11, с. 569]. В динамическом аспекте человеческая реальность отождествля-

ется с желанием, структура которого раскрывается следующей последовательностью: эмпирическое желание – фундаментальное желание как способ выбора личностью собственного бытия – желание вообще. «...Последнее же должно быть рассматриваемо как *человеческая реальность в личности*, что составляет ее общность с другими, позволяет утверждать наличие истины о человеке, а не только о несравнимых индивидуальностях» [11, с. 570–571].

Иначе говоря, «истины о человеке» в родовом аспекте возможны и в радикальном антиэссенциализме. Данный постулат есть шаг в сторону представлений о природе человека, но не в духе метафизики классической философии, которая подменяет отдельного человека его онтологической сущностью, а в неклассическом понимании, нацеленном на исследование сущностных основ существования и историчности человека.

Наконец, в-третьих, приходя к выводу «...о конститутивном принципе *внешних отношений*, какими они могут обнаруживаться в человеческой реальности, представленной в бытии-в-себе и включенной в мир...» [11, с. 110], Ж.-П. Сартр – подобно феноменологии Э. Гуссерля – де-факто исходит из тезиса о существовании мира. Признание Ж.-П. Сартром наличия мира и человеческой реальности дает основание сделать вывод и о существовании разнообразных связей в системе «человек – мир» (второй шаг в сторону признания наличия природы человека). Однако осознание названных связей как неважных, методологическое «вынесение за скобки» – верный ход мысли для философского осмысления имманентного миру индивидуального сознания, которой является феноменологическая онтология Ж.-П. Сартра.

В контексте исследования предмета статьи очевиден парадоксальный вывод: один из самых непримиримых противников эссенциалистской традиции в философской антропологии высказывает положения, де-факто совместимые с признанием наличия определенной онтологической структуры человека и, как следствие, системы связей с миром. Недостаточное внимание к вопросу о структуре человека объясняется стремлением подчеркнуть онтологическую уникальность человека и радикальным образом отмежеваться от положений классического эссенциализма, который онтологически «встраивает» и аксиологически подчиняет человека определенному объективному порядку. Понимание онтологической структуры в эссенци-

ализме неклассической философии следует охарактеризовать как недифференцированный, «бесструктурный» холизм. Радикальный сдвиг исследовательского интереса в сторону функционирования и развития человека в данном контексте выглядит закономерным.

Для раскрытия функционирования человека в антиэссенциалистской традиции используется понятие «условия человеческого существования». Также названная традиция опирается на сартровский тезис «существование предшествует сущности» [12, с. 321], т. е. использует понятие классической философии «существование». Хотя Г. Марсель и М. Хайдеггер не соглашались с подобным пониманием соотношения сущности и существования. Например, Г. Марсель предлагает методологически более выдержанную формулировку: «...У человека его сущность понимается лишь через его существование и посредством его...» [8, с. 33].

Функционирование человека в антиэссенциалистской традиции характеризуется, как минимум, тремя особенностями. Первую из них возможно охарактеризовать как крайний номинализм: рассматривается лишь существование отдельного человека и отвергаются его родовые формы (С. Кьеркегор, экзистенциализм). Так, для Ж.-П. Сартра «...бытие – это индивидуальное приключение» [11, с. 619], которое «...в сущности есть постоянный проект обосновывать себя в качестве бытия и постоянное поражение этого проекта» [11, с. 620]. М. Хайдеггер как теоретик индивидуально-неповторимого бытия человека рассматривает последнее как «сущее, существующее способом экзистенции...» [17, с. 32] и подчеркивает: «только человек экзистенцирует» [17, с. 32]. К. Ясперс дополняет крайний номинализм рассмотрением человеческой истории: «Жить в сфере исторических возможностей, видеть открытый мир – пребывать в нем, а не над ним» [21, с. 199].

Вторая особенность связана с раскрытием сущностных аспектов существования человека как процесса в понятии «трансцендирование» («трансценденция») (Н.А. Бердяев, М. Бубер, М. Шелер, Э. Кассирер, С.Л. Франк, М. Хайдеггер, К. Ясперс). Трансцендирование (трансценденция) подразумевает имманентный процесс, сутью которого является «...выхождение за пределы самого себя, переход через границы своей собственной области бытия» [13, с. 343]. С.Л. Франк выделяет два направления трансцендирования: «во-вне» (в отношении «я-ты») и «вовнутрь» (в реальность собственного духа)

[13, с. 346]. Для М. Бубера существует три «экстравертных» измерения трансцендирования: в мир природы, в мир людей (основной путь) и в мир духовного абсолюта [1, с. 16–17].

Третья особенность понимания функционирования человека в антиэссенциалистской традиции связана с возможностью достижения самоидентичности как внутренней целостности и динамического единства. Она предполагает «...согласие человека с самим собой, гармонию его желаний, духовных устремлений, ценностей и поступков, единство самооценки и самоактуализации» [9, с. 94]. Данную особенность правомерно охарактеризовать понятием «идентичность».

Л.Е. Моторина рассматривает самоидентичность и самотрансцендирование как две важнейшие антропологические константы, выступающие в качестве методологических оснований изучения внешнего и внутреннего мира индивидуального человека соответственно [9, с. 93]. В контексте данной статьи корректнее вести речь о внешне-предметном и внутренне-психологическом аспектах существования индивидуального человека. Синтезируя три рассмотренные особенности, получаем следующее утверждение: существование индивидуального человека как двуединства внешне-предметного и внутренне-психологического аспектов предшествует существованию родового человека.

Методологический тезис «развитие с необходимостью связано с функционированием», т. е. развитие человека реализуется в существовании и через него, актуален и для антиэссенциалистской традиции понимания человека. В ней парадоксальным образом соединяются представления об индивидуальном существовании и развитии человека в его родовом понимании. Для отображения данного соединения существует две исследовательские стратегии.

Первая из них акцентирует внимание на универсальном, общечеловеческом измерении индивидуального существования (Г. Марсель, Ж.-П. Сартр). К примеру, Ж.-П. Сартр, используя понятие «проект» для описания развития индивидуального человека, заключает: «... Всякий проект, каким бы индивидуальным он ни был, обладает универсальной значимостью» [12, с. 337]. «Местом встречи» индивидуального и родового развития человека выступает индивидуальный выбор. «Выбирая себя, я создаю всеобщее. Я создаю его, понимая проект любого другого человека, к какой бы эпохе он ни принадлежал. Эта абсолютность выбора не

ликвидирует относительности каждой отдельной эпохи» (курсив мой. – прим. авт.) [12, с. 337].

Вторая стратегия рассматривает индивидуального человека в истории (К. Ясперс, М. Хайдеггер). Принципиален тот факт, что обращение к истории как предмету исследования не изменяет установок экзистенциального стиля философствования. Первореальностью остается отдельный человек, который – по крайней мере, с методологических позиций – не поглощается историей. Для М. Хайдеггера бытийное мышление, носящее в его системе индивидуально-личностный характер, «...помогает бытию истины найти свое место в историческом человечестве» [17, с. 40]. По словам К. Ясперса, «...мы живем не только в ситуации человеческого бытия вообще, но познаем ее каждый раз лишь в исторически определенной ситуации...» [21, с. 289], неотделимой от индивидуального человеческого существования. Наиболее продуктивной стратегией взаимодействия индивидуального человека и истории является «... отношение к бытию как к ориентирующемуся самобытию; целью уяснения ситуации является возможность сознательно с наибольшей решимостью постигнуть собственное становление в особой ситуации» [12, с. 304].

Обобщая, развитие человека в антиэссенциалистской традиции возможно выразить формулой: «родовой человек (вос)создается через индивидуальное бытие в конкретной ситуации».

Следует констатировать, что даже при поверхностном, несистематическом сопоставлении двух традиций понимания человека очевидно наличие общих черт. Полученный вывод не соответствует общепризнанному постулату о непреодолимости границы двух вариантов дискурсивности. Но поскольку антропологические константы в антиэссенциалистской традиции понимания человека, даже будучи регулятивными идеями, все же соотносятся с объективной реальностью, то – в духе гипотетического тезиса статьи – правомерно предположить, что эссенциализм и антиэссенциализм действительно представляют собой два полюса принципиально единого континуума современных представлений о человеке.

Для завершения проверки данного предположения следует перейти к сравнительному анализу двух вариантов концептуальных представлений в современной философской антропологии. Предварительно следует систематизировать полученные выводы по схеме «эс-

сенциализм неклассической философии – анти-эссенциалистская традиция»:

- структура: динамический холизм как объединяемое единство слагающих ее измерений – недифференцированный, «бесструктурный» холизм;
- функционирование: индивидуально-личностное существование человека, реализующееся в различных природных, социальных и культурных контекстах, предшествует его родовой сущности – существование индивидуального человека как двуединства внешне-предметного и внутренне-психологического аспектов предшествует существованию родového человека;
- развитие: «постоянство-в-изменении», т. е. историческое развитие природы человека – родовой человек (вос)создается через индивидуальное бытие в конкретной ситуации.

Начнем со структуры человека. Человек есть структурированная целостность с четким выделением элементов в неклассическом эссенциализме и недифференцированная целостность в антиэссенциалистской традиции. Вопреки стремлению к целостному пониманию, дистанция двух традиций в данном аспекте максимальна и соответствует традиционным представлениям об их различии. И хотя выделенное при анализе антиэссенциалистской традиции неявное признание наличия у человека определенной онтологической структуры есть шаг в сторону неклассического эссенциализма, он не способен сократить дистанцию между двумя подходами. И действительно, признание антиэссенциалистской традицией эссенциалистского тезиса о «встроенности» отдельного человека в объективные порядки бытия противоречит программному положению антиэссенциализма о максимизации свободы индивидуального выбора.

Применительно к аспекту функционирования человека для обоих подходов характерны два утверждения: во-первых, существование предшествует сущности, и, во-вторых, существование как процесс относится к индивидуальному человеку. Проанализируем данные тезисы.

Относительно утверждения «существование предшествует сущности» возможно предложить и более сильный вариант формулировки: поскольку в обеих традициях данный тезис признается как истинный, то представления о

функционировании человека в эссенциализме неклассической философии и в антиэссенциалистской традиции возможно отождествить. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидным, что утверждение «существование предшествует сущности» не отменяет принципиально различное фундирование формально тождественных посылок. Если в неклассическом эссенциализме данное утверждение смягчает констатацию наличия эволюционирующей во времени родовой сущности человека, то в антиэссенциалистской традиции оно акцентирует внимание на понимаемом в духе крайнего номинализма индивидуальном существовании, за которым нет родовой сущности.

В контексте исследования предмета статьи становится очевидным встречное движение традиций: неклассический эссенциализм дополняется учетом индивидуального существования и исторического развития человеческой природы, а антиэссенциалистская традиция признает наличие общего у неповторимых индивидуальностей.

Перейдем ко второму утверждению, объединяющему неклассический эссенциализм и антиэссенциалистскую традицию: существование как процесс относится к индивидуальному человеку. Действительно, объединение внешне-предметного и внутренне-психологического аспектов существования индивидуального человека в неклассической традиции понимания человека формально совместимо с неклассическим эссенциализмом. Однако отождествить представления двух подходов проблематично, поскольку эссенциализм неклассической философии традиционно рассматривает еще и существование родového человека.

Таким образом, в аспекте функционирования человека очевидно встречное движение неклассического эссенциализма и антиэссенциалистской традиции, но с сохранением своеобразия каждого из направлений. Обе традиции фундированы разными концептуальными представлениями. Однако общность исходного тезиса – даже при различии его интерпретации в каждой из традиций философской антропологии – позволяет сделать вывод о максимальном сближении двух традиций понимания человека.

По аспекту развития человека также очевидно сближение двух традиций, поскольку в неклассическом эссенциализме – в отличие от классического – появляется постулат об историческом развитии природы человека. Однако

общий тезис – пусть и по-разному интерпретируемый в каждой традиции – отсутствует. Поэтому будет обоснованным утверждать, что данное сближение не настолько выраженное, как применительно к аспекту функционирования человека.

Подобно аспекту функционирования человека, признание сближения двух традиций не отменяет различия между «постоянством-в-изменении» как историческим развитием природы человека (эссенциализм неклассической философии) и (вос)созданием родового человека через индивидуальное бытие в конкретной ситуации (антиэссенциалистская традиция). Различие двух традиций по рассматриваемому аспекту занимает промежуточное положение между аспектом структуры человека и аспектом функционирования человека.

По результатам проведенного анализа возможно выстроить следующий ряд по возрастанию степени сближения аспектов двух традиций: структура человека – развитие человека – функционирование человека. Данная последовательность является закономерным следствием сдвига исследовательского интереса от сущности к существованию, характерному для понимания человека в неклассической философии в целом.

На основе объединения промежуточных выводов правомерен следующий итоговый вывод: для неклассического эссенциализма человек есть динамическая константа, а для антиэссенциалистской традиции человек – это материал, приспособляющийся к изменениям социально-культурного окружения.

Подведем итоги. В результате исследования предмета статьи выявлено конвергентное сближение концептуальных положений двух традиций в понимании человека: они обосновывают схожие концептуальные положения, но не по причине общности фундирования, а вследствие развития в рамках неклассической философии. В эссенциализме неклассической философии движение идет от абстрактно понимаемой сущности к фундирующей ее индивидуальности, а в антиэссенциалистской традиции обобщение индивидуальных случаев предрасполагает к выводам, внешне похожим на представления о природе и (или) сущности человека.

На основании аналогии с биологической конвергенцией правомерно утверждать, что конвергенция концептуальных положений двух традиций носит «слабый» характер: они сближаются с сохранением самостоятельности и возможности дальнейшего развития. Представ-

ленное понимание конвергенции отличается от «сильного» варианта понимания сущности конвергенции в философии науки и техники (М. Роко и В. Бейнбридж, Д.И. Дубровский, Д.А. Медведев).

В контексте полученного вывода следует ответить на вопрос о причинах радикального противопоставления двух традиций в современной философской антропологии. Первая из них связана с ошибкой атрибуции, когда неклассические варианты эссенциализма в антиэссенциалистской традиции отождествляются с метафизическим эссенциализмом «вечных и неизменных сущностей» классической философии. Подобная инерция философского сознания наносит большой вред философско-антропологическому дискурсу современности, поскольку фундирует постмодернистский отказ от достижений неклассического эссенциализма. Вторая причина носит концептуальный характер: эмансипация антиэссенциалистской традиции от эссенциализма, особенно в его классическом варианте, и взаимная критика двух традиций делают внутренне противоречивой даже постановку проблемы их сближения. В этой ситуации выглядит закономерным, что сближение неклассического эссенциализма и антиэссенциалистской традиции начинается на стыке науки и философии (Э. Фромм, В. Франкл), где метафизическая абсолютизация положений концептуальных систем философии отступает под давлением новых научных фактов.

В контексте философской антропологии начала XXI в. становится очевидным тупиковый характер стратегии догматического отстаивания «чистоты концептуальных рядов». Необходим широкий диалог представителей неклассического эссенциализма и антиэссенциалистской традиции по определению общих положений и осознанию принципиальных различий в контексте развития конвергентных технологий. Данный диалог настоятельно требует дальнейшего развития каждой из традиций философского понимания человека в изменившейся социально-культурной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М.: Республика, 1995.
2. Вальверде К. Философская антропология. М.: Христианская Россия, 2000.
3. Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 3. С. 37–51.

4. Гиренко Ф.И. Антропологические конфигурации философии // *Философия науки*. Т. 8. М.: ИФ РАН, 2002. С. 409–426.
5. Гуревич П.С. Апофатический проект человека // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 42–53.
6. Демин И.В. Гуманизм и трансгуманизм: проблема соотношения // *Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция*. М.: Изд-во МБА, 2013. С. 193–202.
7. Конвергенция биологических, информационных, нано – и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 2012. № 12. С. 3–23.
8. Марсель Г. Примат экзистенциального: его этическое и религиозное значение // *О смелости в метафизике: сборник статей*. СПб.: Наука, 2013. С. 32–42.
9. Моторина Л.Е. Философская антропология. М.: Высшая школа, 2003.
10. Орлов В.В. Человек в системе категорий научной философии // *Новые идеи в философии*. 2015. № 2. С. 8–14.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
12. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
13. Франк С.Л. Непостижимое: онтологическое введение в философию религии // *Сочинения*. М.: Правда, 1990. С. 183–559.
14. Франкл В. Десять тезисов о природе человека (новая редакция) // *Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ*. М.: Альпина-нон-фикшн, 2017. С. 290–300.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник. М.: Прогресс, 1990.
16. Фромм Э. Человек для себя. М.: Астрель, 2012.
17. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 16–41.
18. Хенгстенберг Г.Э. К ревизии понятия человеческой природы // *Это человек: антология* / Сост. П.С. Гуревич. М.: Высшая школа, 1995. С. 211–250.
19. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
20. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманофизику // *Философские науки*. 2009. № 2. С. 91–105.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
22. Roco, M. and Bainbridge, W. eds., 2002. *Converging technologies for improving human performance. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science (NSF/DOC-sponsored report)*. Arlington: World Technology Evaluation Center.

REFERENCES

1. Buber, M., 1995. Ya i Ty [I and Thou]. In: Buber, M., 1995. Dva obraza very. Moskva: Respublika, pp. 16–92. (in Russ.)
2. Valverde, C., 2000. Filosofskaya antropologiya [Philosophical anthropology]. Moskva: Khristyanskaya Rossiya. (in Russ.)
3. Gelen, A., 2007. Obraz cheloveka v svete sovremennoi antropologii [Image of a human in contemporary anthropology], Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo, no. 3, pp. 37–51. (in Russ.)
4. Girenok, F.I., 2002. Antropologicheskie konfiguratsii filosofii [Anthropological configurations of philosophy]. In: Filosofiya nauki. T. 8. Moskva: IF RAN, pp. 409–426. (in Russ.)
5. Gurevich, P.S., 2013. Apofaticheskii proekt cheloveka [Apophatic man project], Voprosy filosofii, no. 8, pp. 42–53. (in Russ.)
6. Demin, I.V., 2013. Gumanizm i transgumanizm: problema sootnosheniya [Humanism and transhumanism: the problem of relation]. In: Dubrovskiy, D.I. ed., 2013. Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBISKS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya. Moskva: MBA, pp. 193–202. (in Russ.)
7. Konvergentsiya biologicheskikh, informatsionnykh, nano – i kognitivnykh tekhnologii: vyzov filosofii (materialy «kruglogo stola») [Convergence of biological, information, nano – and cognitive technologies: the challenge of philosophy (materials of the round table)], Voprosy filosofii, 2012, no. 12, pp. 3–23. (in Russ.)
8. Marcel, G., 2013. Primat ekzistentsial'nogo: ego eticheskoe i religioznoe znachenie [Primacy of the existentialism: its ethical and religious significance]. In: Marcel, G., 2013. O smelosti v metafizike. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 32–42. (in Russ.)
9. Motorina, L.E., 2003. Filosofskaya antropologiya [Philosophical anthropology]. Moskva: Vysshaya shkola. (in Russ.)
10. Orlov, V.V., 2015. Chelovek v sisteme kategorii nauchnoi filosofii [The human in the system of categories of scientific philosophy], Novye idei v filosofii, no. 2, pp. 8–14. (in Russ.)

11. Sartre, J.-P., 2000. Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii [Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

12. Sartre, J.-P., 1990. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. In: Yakovlev, A.A. ed., 1990. Sumerki bogov. Moskva: Politizdat, pp. 319–344. (in Russ.)

13. Frank, S.L., 1990. Nepostizhimoe: ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii [The unknowable: an ontological introduction to the philosophy of religion]. In: Frank, S.L., 1990. Sochineniya. Moskva: Pravda, pp. 183–559. (in Russ.)

14. Frankl, V.E., 2017. Desyat' tezisov o prirode cheloveka (novaya redaktsiya) [Ten theses about human nature (new edition)]. In: Frankl, V.E., 1990. Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistentsial'nyi analiz. Moskva: Al'pina-non-fikshn, pp. 290–300. (in Russ.)

15. Frankl, V.E., 1990. Chelovek v poiskakh smysla: sbornik [Man's search for meaning]. Moskva: Progress. (in Russ.)

16. Fromm, E., 2012. Chelovek dlya sebya [Man for himself: an inquiry into the psychology of ethics]. Moskva: Astrel'. (in Russ.)

17. Heidegger, M., 1993. Chto takoe metafizika? [What is metaphysics?]. In: Heidegger, M., 1993. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. Moskva: Respublika, pp. 16–41. (in Russ.)

18. Hengstenberg, H.E., 1995. K revizii ponyatiya chelovecheskoi prirody [A revision of the concept of human nature]. In: Gurevich, P.S. ed., 1995. Eto chelovek: antologiya. Moskva: Vysshaya shkola, pp. 211–250. (in Russ.)

19. Schaeffer, J.-M., 2010. Konets chelovecheskoi isklyuchitel'nosti [The end of human exceptionalism]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

20. Epshtein, M.N., 2009. Tvorcheskoe ischeznoenie cheloveka. Vvedenie v gumanologiyu [Creative disappearance of the human. Introduction to humanology], *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 91–105. (in Russ.)

21. Jaspers, K.T., 1991. Smysl i naznachenie istorii [The origin and goal of history]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)

22. Roco, M. and Bainbridge, W. eds., 2002. Converging technologies for improving human performance. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science (NSF/DOC-sponsored report). Arlington: World Technology Evaluation Center.

В.В. Балановский*

ЭНЕРГЕТИЗМ Н.Я. ГРОТА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ
МЕТАФИЗИЧЕСКОГО И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА**

В статье дается характеристика ключевых особенностей энергетизма Н.Я. Грота как концепции, нацеленной на решение проблемы психофизического параллелизма. Отдельное внимание автор уделяет влиянию идей Грота на формирование представлений К.Г. Юнга о либидо – универсальной психической энергии, в том числе объясняя, как оба мыслителя представляли себе превращение психической энергии в материальную силу посредством распространения идей.

Ключевые слова: Н.Я. Грот, энергетизм, монодуализм, психофизический параллелизм, К.Г. Юнг, аналитическая психология

Energetism of Nikolay Grot as a way to overcome metaphysical and methodological dualism. VALENTIN V. BALANOVSKIY (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The article describes the key features of Nikolay Grot's energetism as a concept aimed at solving the problem of psychophysical parallelism. The author pays special attention to the influence of Grot's ideas on the analytical psychology of Carl Gustav Jung, namely on his views of libido as universal psychic energy, explaining how both thinkers imagined the transformation of psychic energy into material force through the dissemination of ideas.

Keywords: N.Ya. Grot, energetism, monodualism, psychophysical parallelism, C.G. Jung, analytical psychology

Довольно сложно сказать, по какой причине тот или иной мыслитель становится известным, а память о нем – долгой. Доподлинно известно только, что при жизни везет далеко не всем. Однако если это был действительно выдающийся ум, время, как правило, расставляет все по своим местам. Примером тому может служить Н.Я. Грот – яркий ученый и организатор российской науки, тяготевший одновременно к позитивизму и неокантианству. Как отмечал П.П. Соколов, мало кто в конце XIX в. способствовал развитию философии и психологии в России в той же мере, что и Грот [11, с. 132].

Сегодня интерес к наследию этого мыслителя растет, видимо, в связи с тем, что проблемы, которым Николай Яковлевич посвятил свою жизнь, до сих пор не решены, в частности, без ответа остается вопрос психофизического параллелизма.

На сегодняшний день корпус текстов о Гроте и его идеях не очень велик. Так, с 1999 г. творчеству Николая Яковлевича была посвящена только одна диссертация, в которой рассматривается проблема личности в трудах Грота [7]. Автор этой диссертации – Т.Б. Михалева – также опубликовала ряд статей о Николае Яковле-

* БАЛАНОВСКИЙ Валентин Валентинович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

© Балановский В.В., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-311-00217.

виче [8; 9], в том числе о его роли в становлении научной психологии в России. В одной из них она даже отмечает, что Грот оказал влияние на взгляды известного французского психолога Т. Рибо [9, с. 93]. Так это или нет, сказать без отдельного исследования сложно – Михалева не останавливается подробно на данном вопросе. Мне удалось установить лишь то, что в журнале Рибо публиковались статьи Грота (как минимум одна) [20], обзоры его статей авторства А. Бланша [18], Ф. Ланна [24], некоего Ж.Д. де Т. [22], а также ссылки на сообщения о смерти Николая Яковлевича [25; 26]. Среди других современных авторов, которые уделяли внимание отдельным аспектам наследия Грота, можно назвать А.Т. Павлова [10], С.Н. Клименченко [5], И.Д. Архангельскую [1]. Отдельно стоит отметить вышедшую в прошлом году статью Б.В. Межуева, который указал некоторые точки взаимовлияния Грота и Соловьева [6]. Чем же обусловлен интерес к Гроту со стороны современных исследователей?

Начать следует с того, что Грот заложил основы научной психологии в России. Так, он был одним из пионеров экспериментального изучения эмоциональной сферы человека. Некоторые авторы отмечают, что Грот стал первым в России профессиональным психологом [8, с. 71]. Особое внимание Николай Яковлевич уделял методу самонаблюдения [9, с. 92–93], усовершенствовав его за счет открытий современной ему опытной науки [4, с. 276–277]. Ученик Грота Г.И. Челпанов впоследствии создал первый в нашей стране институт экспериментальной психологии [9, с. 93] и подготовил ряд выдающихся русских мыслителей, в частности – Г.Г. Шпета, который испытывал чувство глубокой благодарности к своему наставнику [15, с. 14].

К безусловным заслугам Грота как организатора науки можно отнести активизацию и упорядочение работы Московского психологического общества, председателем которого он стал в 1888 г., а также учреждение им в 1889 г. журнала «Вопросы философии и психологии», редактором которого Николай Яковлевич работал до 1896 г. Издание стало одним из первых российских профессиональных научных журналов для философов и психологов, и уж точно первым с широкой тематикой, не ограничивающейся узкими рамками школ и направлений.

Несмотря на важную роль в становлении русской философской мысли, Грота более радушно принимали в Европе, чем в России. Он бывал на

заграничных стажировках сначала в Берлине, Гейдельберге, Страсбурге, затем в Вене, Мюнхене, Штутгарте, Тюбингене. Во время своих европейских путешествий Николай Яковлевич посетил также Триест, Венецию, Флоренцию, Геную, Милан, Баден-Баден и чешский Теплиц. Везде Грота встречали тепло. В Германии он посещал лекции К. Фишера, М. Вебера, Э. Лааса, М. Либмана, Х. Зигварта [14, с. 24–37]. Николай Яковлевич даже имел возможность выступить с докладом на заседании Берлинского философского общества [14, с. 25], где ознакомился с тем, как в подобных объединениях организована научная и общественная жизнь, что впоследствии пригодилось в Москве. Кстати, уровень философской подготовки берлинских коллег Грота совсем не впечатлил.

Особенно доволен Грот остался свободной и в то же время проникнутой глубочайшим взаимным уважением атмосферой профессорской корпорации Тюбингена [14, с. 35]. Он писал: «Всех профессоров знаю лично и со многими сошелся. Все они любезны ко мне и ввели меня в свой круг, как своего, родного» [14, с. 35]. Именно в Тюбингене Грот познакомился с близким неокантианству философом и психологом Х. Зигвартом [14, с. 36–37], сыгравшим значительную роль в подготовке докторской диссертации Николая Яковлевича.

Что же касается соотечественников, то к Гроту они относились неоднозначно. Одной из причин была чрезвычайная широта взглядов Николая Яковлевича и, вероятно, его общественная активность. Очень эмоционально об этом пишет Соколов, отмечая, что Грота «считали даже философским хамелеоном, готовым приспособить свой символ веры к любому умственному течению. Как много ложного и несправедливого в этих суровых приговорах!» [11, с. 129].

На самом деле Грот, по признанию коллег, всегда был искренен в своих убеждениях, никогда за модой не гнался и «был неподдельно убежден в правильности всех своих идей и, изменяя свои взгляды, упрямо думал, что он лишь точнее формулирует и дополняет их» [11, с. 129]. Примерно в том же духе высказывался Вл.С. Соловьев, который отмечал, что такие смены курсов свойственны «всякому живому уму», но при этом подчеркивал, что подобные изменения не касались «ни формального *средоточия*, ни общего *направления* его философствования. Этого он *никогда* не менял» [13, с. 388]. Причем, по мнению Соловьева, мысль

Грота была всегда направлена вглубь и вверх – от идей Г. Спенсера к Д. Бруно, а от Бруно – к Платону и Аристотелю [13, с. 389].

Ключевой идеей, вокруг которой и ради которой Грот соединял противоречивые точки зрения, была идея эволюции. В этом сказалось сильное влияние Спенсера на формирование его мировоззрения [11, с. 103–104]. Причем эволюцию он понимал не в узкобиологическом смысле, а, скорее, в духе современного глобального эволюционизма. Грот пытался реконструировать целостную картину «поступательного развития души и вселенной» [13, с. 388] от самого начала мира до сегодняшнего дня.

Поиск Гротом единого начала не ограничивался метафизикой. Николай Яковлевич также вел его в области методологии науки. Грот пытался найти принцип, способный увязать воедино экспериментальную психологию, философию и точные науки [11, с. 123], и тем самым построить целостную научную картину мира. Этим принципом стал закон сохранения энергии, который, как полагал Грот, одинаково применим в отношении психических и физических процессов. Основанием для такого вывода были как открытия предшественников, в частности В. Оствальда и К. Лассвица, так и собственные теоретические и экспериментальные наработки Николая Яковлевича [11, с. 123].

За переход на энергетическую точку зрения Грота упрекали в материализме и позитивизме. Он был против таких интерпретаций. Более того подчеркивал, что «новое учение об энергии носит совершенно идеалистическую окраску» [4, с. 249]. Гроту претил подход К. Фохта, который полагал, будто «мысль выделяется из мозга, как желчь из печени» [4, с. 245]. Годами позже с подобными нападками и обвинениями в материализме столкнулся К.Г. Юнг. Он, как и Грот, тоже решительно отвергал редуционистские подходы в изучении психики. Особенно его раздражала эпифеноменалистская точка зрения. Дело в том, что в 1912–1928 гг. единственным несомненным для Юнга утверждением в ответе на вопрос о соотношении психических и физических процессов было то, что, во-первых, эта связь имеется, и, во-вторых, что она совершенно точно не может быть охарактеризована с позиции редуционизма. При этом, как и Грот, Юнг практически теми же словами упрекает Фохта [23, р. 7].

В попытке соединить противоречия различных картин мира с помощью энергетизма Грот создает собственную концепцию – монодуа-

лизм. Главная цель – найти решение проблемы психофизического параллелизма. Нужно сказать, что Грот был не одинок в своем рвении. Первые варианты постановки этой задачи можно обнаружить еще у Р. Декарта и Б. Спинозы [19, р. 106]. Окончательно она формулируется с появлением рациональной и эмпирической психологии, а ее неразрешимость констатировалась уже во второй половине XVIII в. Так, Ф.Х. Баумейстер описывал целых три возможных способа соединения души с телом, однако определить, какой из них верный или хотя бы предпочтительный, на тот момент не представлялось возможным [17, р. 296–298; 310–319]. Несмотря на это, исследователи не оставляли своих попыток справиться с задачей. В итоге, когда к решению проблемы психофизического параллелизма подключился Грот, предложенных возможных вариантов взаимодействия души и тела стало крайне много, и потребовалось как-то систематизировать весь хаос имевшихся представлений. С этим прекрасно справился Л. Буссе [19]. За основу выделения классов концепций психофизического параллелизма он взял категории модальности, количества и качества. По первому основанию Буссе разделил все «параллелизмы» на эмпирические и метафизические, по второму – на частичные и универсальные, по третьему – на материалистические, реалистически-монистические, идеалистически-монистические и дуалистические [19, р. 67–118].

Грота можно отнести к представителям идеалистически-монистических концепций психофизического параллелизма, так как он полагал, что раздвоенность души и тела может быть устранена на уровне сознания. Действительно, если мы примемся настаивать на субстанциальной точке зрения, то будем вынуждены констатировать неразрешимый дуализм, постулирующий принципиальную обособленность души и тела. В свою очередь, монизм достигается только сменой субстанциональной точки зрения на функционально-процессуальную. Дело в том, что хоть параллелизм и возникает из-за наличия двух независимых субстанций – психической и физической, тем не менее они находятся в постоянном взаимодействии, характеризующемся взаимосогласованностью или взаимозависимостью. Причем Грот настаивал, что это утверждение более не является гипотезой, а приобрело статус научного факта [4, с. 261–262]. С функциональной точки зрения все предстает в форме единого психического про-

цесса [4, с. 276]. Следовательно, если мы будем концентрироваться не на замерших в их вечности субстанциях, а на их взаимодействии, тогда все встанет на свои места, поскольку любой процесс нуждается в энергии. Поэтому именно энергия является искомым универсальным объединяющим началом.

В поддержку данной гипотезы Грот, помимо прочего, разрабатывает концепцию взаимопревращения одних форм энергии в другие и их восходящей эволюции. Так, он полагал, что внизу энергетической иерархии находится механическая энергия, а на самой вершине – психическая [4, с. 276]. Раз так, то с позиций монодуализма довольно легко объяснить паранормальные феномены. Например, телекинез есть не что иное как обратное превращение психической энергии в механическую, а пирокинез – психической в тепловую. Правда, можно очень далеко зайти в выведении следствий из этой гипотезы, ведь напрашивается предположение, что и психическую энергию можно восполнить за счет электрической или энергии электромагнитного поля. С другой стороны, учитывая, насколько мы зависим от источников электромагнетизма – всевозможных гаджетов, которые могут заменить и еду, и отдых, то иной раз задумаешься, а не подзаряжаемся ли мы от них?

Еще одной точкой приложения философского синтеза у Грота стала русская идея. По его представлениям, как их передает Соколов, «мы, русские, призваны выдвинуть на первый план нравственные интересы жизни и дать новый синтез действительности под этическим углом зрения: наша философия должна быть ни больше, ни меньше, как «философией спасения мира от зла»» [11, с. 132]. Причем в данном случае не может быть никакой речи о национализме, что подчеркивал Соловьев, по замечанию которого Грот отвергал такой подход «во имя истинно-национальной русской идеи, широкой и всеобъемлющей» [12, с. 416].

Влияние идей Грота простиралось не только на представителей русской психологической и философской мысли, в том числе на Челпанова и Соловьева [6], но также и на выдающихся мыслителей Европы. В связи с этим необходимо привести один важный факт, который зачастую ускользает от исследователей: Грот оказал влияние на развитие теоретического базиса аналитической психологии Юнга. Последний, кстати, этого не скрывал. Грот и его работы не менее шести раз (в том числе в примечаниях) упоминаются в фундаментальной, можно даже

сказать, программной статье Юнга «О психической энергии» [23, р. 7–8; 15]. Здесь впервые дается всесторонний обзор теории *либидо* – универсальной психической энергии. Казалось бы, шесть ссылок – это не так много. Однако в данном случае важен контекст. Например, Юнг, имея в своем теоретическом арсенале идеи известных энергетистов, таких как В. Оствальд, О. Кюльпе или К. Лассвиц, даже не берется что-то пересказывать своими словами и дает пространную прямую цитату [23, р. 8] из статьи Грота [21, р. 323]. В этой цитате сформулированы три важнейших аксиомы монодуализма. Согласно первой, психические энергии, как и физические, обладают поддающимися измерению параметрами – количеством и массой. Вторая гласит, что психическая потенциальность и работа могут перетекать друг в друга. Третья заключается в том, что энергии физические и психические могут трансформироваться друг в друга. К этому перечню необходимо добавить нулевую, пожалуй, наиболее важную для Юнга аксиому о том, что к психической энергии применим принцип сохранения – это предположение лежит не только в основе учения о либидо, но также является базисом теории комплекса, с которой началось отделение аналитической психологии от классического психоанализа.

Нулевую, первую и вторую аксиомы Юнг в целом разделяет. Третью он категорически не принял [23, р. 8], по крайней мере, на момент опубликования статьи «О психической энергии» (1928). Правда, с течением времени позиция Юнга изменилась и стала ближе тому, о чем писал Грот. Превращение психических энергий в физические и наоборот перестает быть чем-то невозможным в аналитической психологии по мере развития таких понятий, как психойдный фактор, синхронистичность [3, с. 120] и *unus mundus* [2, с. 85–87]. Так, последние два концепта помогают Юнгу при объяснении природы паранормальных явлений, в частности, телекинеза.

Здесь же стоит сказать несколько слов о сходстве воззрений Грота и Юнга на возможность передачи психической энергии, а также ее трансформации в материальную силу посредством трансляции и восприятия идей. Так, Грот пишет, что сконцентрированная в мыслях психическая энергия может, подобно физической энергии, перемещаться в пространстве с течением времени посредством материальных носителей – символов, которые по мере их распознавания читателями «усиливают или осла-

бляют психическую энергию множества человеческих организмов, или же видоизменяют ее проявления и формы ее разряжения» [4, с. 271]. Как яркий пример такого процесса Николай Яковлевич приводит набирающее силу и собирающее сторонников по всему миру учение Л.Н. Толстого.

Юнг рассуждает схожим образом, но в большей степени в контексте распространения идей, чуждых ненасилию. Делает он это для того, чтобы показать, что мысль, вопреки мнению позитивистов и скептиков, вполне реальна, а не эфемерна. Юнг пишет, что «мысль *была и есть*, даже если она не имеет никакого отношения к осязаемой реальности; она даже обладает способностью воздействовать на окружающий мир, в противном случае никто бы не заметил ее» [16, с. 428]. Причем воздействие это может быть настолько велико, что «наш немало восхваляемый разум и безгранично переоцененная, сравнительно с ее реальными возможностями, воля иногда совершенно бессильна перед лицом “нереальных” мыслей» [16, с. 429]. Результат такого пренебрежительного отношения к психическому для Юнга был очевиден, поскольку он стал живым свидетелем воплощения нереальной идеи нацизма в реальную материальную силу, разрушительное действие которой изменило миропорядок. Остается только удивиться тому, насколько точным оказались юнговские предостережения, ведь статья «Реальное и сверхреальное», из которой взяты приведенные цитаты, написана в 1932 г. и опубликована в Берлине в декабре 1933 г., когда процессы создания новой реальности в Германии еще не были столь очевидными.

Именно в пренебрежении к нематериальной составляющей психики Юнг видит дефект не только современной ему позитивистской психологии, но и в целом науки и западного рационального мировосприятия. Он настаивал на том, что «ограничение *материальной* реальностью вырезает чрезвычайно большой кусок из реальности как целого, который, тем не менее, остается всего лишь фрагментом, а все вокруг оказывается скрытым в полумраке, который следовало бы назвать нереальным или сверхреальным» [16, с. 427]. Поступая так, западное сознание совершает очень серьезную ошибку, «когда рассматривает психическое только в качестве реальности, производной от физических причин» [16, с. 430].

В заключение отмечу, что, возможно, идеи представителей энергетизма не получили ши-

рокого распространения в конце XIX в. в силу того, что энергетическая реальность еще не стала тотальной. Наука только-только открыла законы термо- и электродинамики, и этим знаниям лишь предстояло проникнуть сначала в производственную сферу, а потом в быт. В итоге идеи Грота и близких ему мыслителей оказались забыты и отмечены раньше, чем стали по-настоящему актуальными. Сегодня же реальность кардинально изменилась. Производство и использование энергии стало фактором, определяющим все сферы жизни человека. Поэтому, скорее всего, энергетизм, в том числе и в форме монодуализма Грота, в скором времени ждет второе рождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельская И.Д. Н.Я. Грот и первый в России философский журнал // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 130–134.
2. Балановский В.В. Решение проблемы психофизического параллелизма Н.Я. Гротом и К.Г. Юнгом // Философские науки. 2015. № 12. С. 74–91.
3. Балановский В.В. Н.Я. Грот и К.Г. Юнг: О вкладе русской философии в развитие аналитической психологии // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 115–124.
4. Грот Н.Я. Понятия души и психической энергии в психологии // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 2 (37). С. 239–300.
5. Клименченко С.Н. Грот о душе // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011. Т. 14. № 2. С. 292–295.
6. Межуев Б.В. Владимир Соловьев и Николай Грот: парадоксы взаимовлияния // Соловьевские исследования. 2018. № 3. С. 43–58.
7. Михалева А.Б. Проблема личности в концепции Н.Я. Грота: дисс. ... канд. психол. н. М., 1999.
8. Михалева А.Б. Николай Яковлевич Грот о личности // Развитие личности. 2000. № 2. С. 71–85.
9. Михалева А.Б. Научные воззрения Н.Я. Грота и их влияние на становление психологии в России // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2009. Т. 6. № 3. С. 91–96.
10. Павлов А.Т. Николай Яковлевич Грот, его место в истории русской философии // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 114–122.
11. Соколов П.П. Философские взгляды и научная деятельность Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах

товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 99–135.

12. Соловьев В.С. Русский национальный идеал // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 5: 1883–1892. СПб.: Просвещение, 1912. С. 416–425.

13. Соловьев В.С. Три характеристики // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 9. СПб.: Просвещение, 1913. С. 380–397.

14. Шенрок В.И. К биографии Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. С. 1–56.

15. Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 1. Материалы. М.; СПб.: Университетская книга, 2014.

16. Юнг К.Г. Реальное и сверхреальное // Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008. С. 427–430.

17. Baumeister, F.Ch., 1789. *Institutiones metaphysicae: ontologiam, cosmologiam, psychologiam, theologiam denique naturalem complexae methodo Wolffii adornatae*. Venice.

18. Blanche, A., 1899. Nicolas Grot – Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Vol. XLVII, pp. 87–93.

19. Busse, L., 2012. *Geist und Körper – Seele und Leib* (Nachdruck des Originals von 1913). Paderborn: Sarastro GmbH.

20. Grote, N., 1878. *Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments*. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Vol. VI, pp. 232–269.

21. Grot, N., 1898. *Die Begriffe der Seele und der Psychischen Energie in der Psychologie*. *Archiv für systematische Philosophie*, Vol. IV, no. 3, pp. 237–335.

22. J.D. de T., 1882. (Yestche po povodie psychologii tchoustvovaniya) *Encore à propos de la question de la psychologie des sentiments by N. Grote*. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Vol. XIII, pp. 562–563.

23. Jung, C.G., 1975. *On psychic energy*. In: Jung, C.G., 1975. *Collected works*. Vol. 8. Princeton: Princeton University Press, pp. 3–66.

24. Lannes, F., 1899. Nicolas Grote – *Kritika poniatia progressa*. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Vol. XLVIII, pp. 200–204.

25. *Livres déposés au bureau de la Revue*. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 1899, Vol. XLVIII, p. 112.

26. Lopatine, L., 1900. *Nicolas Grot*. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Vol. XLIX, p. 445.

REFERENCES

1. Arkhangel'skaya, I.D., 2000. N.Ya. Grot i pervii v Rossii filosofskii zhurnal [N.Ya. Grot and the first Russian philosophic journal], *Voprosy istorii*, no. 3, pp. 130–134. (in Russ.)

2. Balanovskiy, V.V., 2015. Reshenie problemy psikhofizicheskogo parallelizma N.Ya. Grotom i K.G. Yungom [Solving the problem of psychophysical parallelism: Nikolay Grot and Carl Gustav Jung], *Filosofskie nauki*, no. 12, pp. 74–91. (in Russ.)

3. Balanovskiy, V.V., 2016. N.Ya. Grot i K.G. Yung: O vklade russkoi filosofii v razvitie analiticheskoi psikhologii [N.Ya. Grot and C.G. Jung: on Russian philosophy's contribution to the development of analytical psychology], *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 115–124. (in Russ.)

4. Grot, N.Ya., 1897. *Ponyatiya dushi i psikhicheskoi energii v psikhologii* [The concepts of soul and the psychic energy in psychology], *Voprosy filosofii i psikhologii*, no. 2, pp. 239–300. (in Russ.)

5. Klimenchenko, S.N., 2011. *Grot o dushe* [Grot on the soul], *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, Vol. 14, no. 2, pp. 292–295. (in Russ.)

6. Mezhev, B.V., 2018. *Vladimir Solovyov i Nikolay Grot: paradoksy vzaimovliyaniya* [Vladimir Solovyov and Nikolai Grot: paradoxes of mutual influence], *Solovyovskie issledovaniya*, no. 3, pp. 43–58. (in Russ.)

7. Mikhalyova, A.B., 1999. *Problema lichnosti v kontseptsii N.Ya. Grot* [The issue of personality in the concept of N.Ya. Grot], *dissertatsiya kandidata psikhologicheskikh nauk*. Moskva. (in Russ.)

8. Mikhalyova, A.B., 2000. *Nikolay Yakovlevich Grot o lichnosti* [Nicolay Yakovlevich Grot on personality], *Razvitie lichnosti*, no. 2, pp. 71–85. (in Russ.)

9. Mikhalyova, A.B., 2009. *Nauchnye vozzreniya N.Ya. Grot i ikh vliyaniye na stanovlenie psikhologii v Rossii* [Scientific views of N.Ya. Grot and their influence on the institutionalization of psychology in Russia], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, Vol. 6, no. 3, pp. 91–96. (in Russ.)

10. Pavlov, A.T., 2003. *Nikolay Yakovlevich Grot, ego mesto v istorii russkoi filosofii* [Nicolay Yakovlevich Grot, his place in the history of Russian philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 114–122. (in Russ.)

11. Sokolov, P.P., 1911. Filosofskie vzglyady i nauchnaya deyatel'nost' N.Ya. Grot [Philosophical views and scientific work of N.Ya. Grot]. In: Nikolay Yakovlevich Grot v ocherkakh, vospominaniyakh i pis'makh tovarishchei i uchenikov, druzei i pochitatelei. Sankt-Peterburg: I.N. Kushnerev i Ko, pp. 99–135. (in Russ.)
12. Solovyov, V.S., 1912. Russkii natsional'nyi ideal [The Russian national ideal]. In: Sobranie sochinenii Vladimira Sergeevicha Solovyova. Vol. 5. Sankt-Peterburg: Prosveshchenie, pp. 416–425. (in Russ.)
13. Solovyov, V.S., 1913. Tri kharakteristiki [Three characteristics]. In: Sobranie sochinenii Vladimira Sergeevicha Solovyova. Vol. 9. Sankt-Peterburg: Prosveshchenie, pp. 380–397. (in Russ.)
14. Shenrok, V.I., 1911. K biografii N.Ya. Grot [To the biography of N.Ya. Grot]. In: Nikolay Yakovlevich Grot v ocherkakh, vospominaniyakh i pis'makh tovarishchei i uchenikov, druzei i pochitatelei. Sankt-Peterburg: I.N. Kushnerev i Ko, pp. 1–56. (in Russ.)
15. Shpet, G.G., 2014. Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Ch. 1. Materialy [History as a problem of logic. Critical and methodological studies. Part 1. Materials]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
16. Jung, C.G., 2008. Real'noe i sverhreal'noe [On the real and the surreal]. In: Jung, C.G., 2008. Struktura i dinamika psikhicheskogo. Moskva: Kogito-Tsentr, pp. 427–430. (in Russ.)
17. Baumeister, F.Ch., 1789. Institutiones metaphysicae: ontologiam, cosmologiam, psychologiam, theologiam denique naturalem complexae methodo Wolffii adornatae [Metaphysical studies]. Venice. (in Latin)
18. Blanche, A., 1899. Nicolas Grot – Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie [Nicolas Grot – The concepts of soul and psychic energy in psychology], Revue philosophique de la France et de l'étranger, Vol. XLVII, pp. 87–93. (in German)
19. Busse, L., 2012. Geist und Körper – Seele und Leib (Nachdruck des Originals von 1913) [Mind and body – soul and body (reprint of the original 1913 edition)]. Paderborn: Sarastro GmbH. (in German)
20. Grote, N., 1878. Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments [Essay on the principles of a new classification of feelings], Revue philosophique de la France et de l'étranger, Vol. VI, pp. 232–269. (in French)
21. Grot, N., 1898. Die Begriffe der Seele und der Psychischen Energie in der Psychologie [The concepts of soul and psychic energy in psychology]. Archiv für systematische Philosophie, Vol. IV, no. 3, pp. 237–335. (in German)
22. J.D. de T., 1882. (Yestche po povodie psikhologii tchoustvovania) Encore à propos de la question de la psychologie des sentiments by N. Grote [More on the issue of the psychology of feelings by N. Grote], Revue philosophique de la France et de l'étranger, Vol. XIII, pp. 562–563. (in French)
23. Jung, C.G., 1975. On psychic energy. In: Jung, C.G., 1975. Collected works. Vol. 8. Princeton: Princeton University Press, pp. 3–66.
24. Lannes, F., 1899. Nicolas Grote – Kritika poniatia progressa [Nicolas Grot – Criticism of the concept of progress], Revue philosophique de la France et de l'étranger, Vol. XLVIII, pp. 200–204. (in French)
25. Livres déposés au bureau de la Revue [Books submitted to the journal office], Revue philosophique de la France et de l'étranger, 1899, Vol. XLVIII, p. 112. (in French)
26. Lopatine, L., 1900. Nicolas Grot [Nicolas Grot]. Revue philosophique de la France et de l'étranger, Vol. XLIX, p. 445. (in French)

Я.И. Аров*

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТИЛЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1920-х гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА И.В. ЮРКОВА)

На материале поэтического творчества И.В. Юркова в статье представлены результаты эпистемологического анализа стиля в русской поэзии начала XX в. Автор трактует поэтическую стилистику как особую разновидность знаково-символического познания и обсуждает вопросы, связанные с возможностью интегрирования проблематики опыта эмоционального поэтического познания в философскую и научную традиции, а также вопрос о релевантности употребляемого с этой целью инструментария культурно-исторической эпистемологии. Исходя из формулы Ю. Лотмана «искусство – поле познавательных экспериментов», автор делает вывод о включенности поэзии И.В. Юркова в общую «ментальную парадигму» русской интеллектуальной культуры 1920-х гг., а также об эпистемологическом, по своей сути, стилистическом «разрыве», обусловившем характер познавательных установок Юркова и его имперсонализм. Автор приходит к выводу о необходимости актуализации в размышлениях о поэзии не только ее художественно-эстетических и этических, но и познавательных характеристик.

Ключевые слова: эпистемологический стиль, поэзия, субъект, история, И.В. Юрков

Epistemological style of Russian poetry of the 1920s (based on the works of Igor Yurkov). YAROSLAV I. AROV (Moscow Pedagogical State University)

The article presents the epistemological analysis of the style in Russian poetry of the 1920s based on the works of Igor Yurkov. The author interprets poetic stylistics as a special kind of semiotic and symbolic cognition and discusses the possibility of integration of the emotional poetic cognition into philosophical and scientific traditions, as well as the relevance of cultural and historical epistemology tools used for this purpose. Building on the Lotman's «Art is the field of cognitive experiments» formula, the author concludes that Igor Yurkov's poetry was an integral part of the general «mental paradigm» of Russian intellectual culture of the 1920s and that it was the epistemological «divide» that determined the nature of Yurkov's impersonalism and cognitive attitudes.

Keywords: epistemological style, poetry, subject, history, Igor Yurkov

Статью, посвященную анализу эпистемологического стиля в сфере нарративных искусств, следует начать с прояснения понятия «стиль научного мышления», введенного в свое время в философию науки с легкой руки

Макса Борна. Именно это понятие позволяет получить более или менее ясное описание того, что мы будем понимать под эпистемологическим стилем. И, соответственно, это понятие позволяет уточнить, в каком смысле

---

* АРОВ Ярослав Игоревич, аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: vsedur@gmail.com

© Аров Я.И., 2019

эпистемологический стиль, трактуемый нормативно как стиль научного мышления, может быть связан с поэтическим, индивидуальным, художественным творчеством. Приведу цитату из отечественной работы о стиле мышления, позволяющую в достаточной мере прояснить ситуацию. Б.И. Пружинин замечает, что к понятию «стиль мышления» в отечественной методологии обратились в 1963 г. после перевода книги М. Борна «Физика в жизни моего поколения». Для Борна этот термин был важен в качестве «...интегральной характеристики нового (релятивистского и квантово-механического) этапа в развитии физики. Но при этом в его трактовке отчетливо проступал общеметодологический, общенаучный смысл этого понятия» [9, с. 66]. И далее Б.И. Пружинин цитирует Борна, который писал: «Я не хочу сказать, что (вне математики) существуют какие-либо неизменные принципы, априорные в строгом смысле этого слова. Но я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Паули в недавнем письме ко мне употребил выражение “стили”: стиль мышления – стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются, так сказать, относительно априорными по отношению к данному периоду. Будучи знакомым со стилем своего времени, можно сделать некоторые осторожные предсказания. По крайней мере можно отвергнуть идеи, чуждые стилю нашего времени» [1, с. 227–228]. При этом для нас важно и то, что «...отечественные методологи охотно подхватили это понятие в контексте общеметодологической тематики, ориентированной на общую историю науки, на анализ ее “больших” этапов» [9, с. 66]. И прежде всего потому, что оно открывало возможность «“схватывать” важные характеристики различных исторических периодов в науке, сравнивать их между собой и тем самым выявлять направления их развития» [7, с. 103]. Позднее проекция этих идей на философско-методологическую проблематику, учитывающую культурно-историческое измерение познания, легла в основание понятия «эпистемологический стиль» в отечественной эпистемологии [12].

Понятие эпистемологического стиля дает, таким образом, более широкое понимание характеристик познавательной деятельности, связывая ее, во-первых, не только с узко понятой, сведенной лишь к точному естествознанию наукой, а во-вторых, соотнося познавательную деятельность с культурно-историческим контекстом, в котором она реально осуществляется в любых формах. И коль скоро мы обратимся, от, так сказать, статического определения эпистемологии как учения о стандартах научного познания, к культурно-исторической трактовке эпистемологии как учения о стиле познания, причем не только естественнонаучного, то мы обнаружим, что очевидное противостояние словесно-художественного творчества и научно-познавательной деятельности отнюдь не исключает их взаимопроникновения. В частности, это взаимопроникновение достаточно определенно очерчивает сферу конструктивных исследований эпистемологических измерений поэзии.

И еще одно уточняющее замечание. Ряд современных исследователей, в том числе и в российской науке, предлагают рассматривать именно «эпистемологические стили» [3]. Действительно, если мы не ограничиваем знание одной лишь сферой науки, но рассматриваем познание сквозь призму общекультурных, исторических форм мысли, то представляется, что более релевантным в данном случае будет не определение общего эпистемологического стиля, а «расщепление» его на разные эпистемологические стили применительно к тем областям духовной деятельности, внутри которых познание реализуется. Если, к примеру, в условиях конвенции эпистемологический стиль понимается в узком смысле, как стиль определенной интеллектуальной сферы (например, сферы науки), то его разумно отграничить от «прочих» стилей для уточнения особенностей, присущих именно ему и только ему. Вместе с тем, на мой взгляд, должен существовать некий фундамент, базис определения, заключающий в себе указание на главную, познавательную функцию стиля, сочетающую в себе познание и форму познания, раскрывающую себя в определенном культурно-историческом контексте. И таких форм познания действительно может быть множество, в частности, одной из подобных форм познания, как будет показано ниже, является поэзия.

Собственно поэтический, шире, художественный стиль, несомненно формируется не

автономно, вне определенного культурного кода, но наследует, в той или иной степени, один из видов нарратива, присущих конкретному времени. Именно причастность индивидуального художественного стиля общему стилю эпохи позволяет рассматривать его в историческом контексте. Этот контекст, обладающий рядом характерных признаков (однородность, общность идей, настроений и переживаний [5, с. 15]), направляет художественный стиль к формированию схожей «манеры выражения», т. е. образует, так сказать, те самые «общие тенденции мысли», о которых применительно к стилю научного мышления писал Борн.

Искусство, как и наука, не находится в некоем акультурном и аисторическом вакууме. Художественный стиль, согласно определению А.Ф. Лосева, есть «...принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе тех или иных *надструктурных и внехудожественных заданностей*» [4, с. 226]. Отсюда следует, что поэтическое произведение не исчерпывается только средствами выразительности, оно вбирает в себя культурно-исторические элементы, присущие конкретному историческому времени, элементы аксиологические, затрагивающие проблему ценностей, и элементы эпистемологические, задающие вектор познавательной функции искусства и выраженные в замечательно-лаконичном определении Лотмана: «Искусство – область *познавательных экспериментов*» [Цит. по: 12, с. 312].

Искусство познает, однако это познание не является строго логически оформленным познанием (как в современных точных науках). Оно зиждется, скорее, на знаково-символическом *понимании*. Его познание выражено его собственной формой. Особенно это заметно в поэтическом произведении, где в лирике, как отмечал еще В.С. Соловьев [8, с. 117], а позднее констатировал Ю. Лотман, содержание и словесное выражение «слиты». И эта «слитость» содержания и способа словесного выражения имеет, помимо всего прочего, в самой форме выражения особый когнитивный аспект. Если воспользоваться языком Г.Г. Шпета – в поэзии превалируют «слова-понятия» (см. об этом: [6; 12]). Каждая словесная форма означает, осмысливает внесловесную реальность. И чтобы уточнить высказанный тезис, обратимся к конкретному примеру. В лирике Игоря Юркова присутствие когнитивного аспекта заметно особенно.

В творчестве этого поэта далеко не последнюю роль играет тот временной контекст, который формировал мысль его поэзии. Несомненно, поэзия 1920-х гг. уже *познала*, но еще *не до конца осмыслила*, в силу отсутствия исторической дистанции, революционные события, приведшие к коренному перелому всей системы социальных отношений. Поэзия того времени живо отреагировала на них, конечно, в силу своих скромных возможностей, в зависимости от личных установок каждого из поэтов, трактуя революцию то как благо (футуристы), то как зло (необходимое, или нет – это уже другой вопрос), то попросту игнорируя само ее существование. В целом, содержание поэзии 1920-х гг. напрямую связано с событиями пред- и постреволюционного кризиса. Как и вообще поэзии любой эпохи, ей присуще значительное разнообразие в формах наррации, и, соответственно, в формах познания, если учесть, что содержание нарратива в поэзии и его форма довольно близкие вещи. Однако объект познания во многих отношениях был общим – поэтому можно говорить о некотором культурном единстве вне условных «направлений». Объективна была современная реальность, и бегство в «чистое искусство» уже не могло разрешить тех этических, эстетических и эпистемологических проблем, которые она порождала. Общий вектор познания во многом обуславливал цеховое стремление – поэты активно создавали недолговечные «кружки», призванные объединить разных по стилю, но схожих по «движению мысли» деятелей.

Здесь принципиально важно подчеркнуть, что сама поэзия зачастую не рассматривается как «форма мысли». По аналогии с хайдеггеровским выражением «наука не мыслит» в сознании обывателя доминирует представление о «чувствующей», «созерцательной» поэзии, улавливающей в лучшем случае гераклитовское «изменчивое». «Созерцание» в поэзии действительно играет немаловажную роль, но далеко не исчерпывает ее суть. «Вдумчивость», высказывание определенных «мыслей», даже наличие строгих операционных систем мышления – будь то синтез, анализ, классификация, обобщение и прочее – тоже присутствуют в поэзии, образуя ее неотъемлемые характеристики. В XX в. эта связь между поэзией и знанием, поэзией и философией становится особенно заметной и важной составляющей поэтического творчества. Так, она усматривается Хайдеггером «в качестве доверительной» беседы мышления с поэзией. «Беседа (с-говор) мышления с поэзией

происходит для того, чтобы выявить существо языка, с тем, чтобы смертные вновь научились проживать в языке», – пишет Хайдеггер, в целом рассуждая в духе эпохи, по крайней мере в ее герменевтическом аспекте [10, с. 88]. Причем такого рода отношение к «связи» поэзии и познающего мышления характерно не только для герменевтики, но и для постструктуралистской критики, рассматривающей философию (и науку) как определенный литературный жанр, где доминирующим приемом, точно так же как и в поэзии, является метафора [2, с. 23].

Совершенно особое место занимает в этом плане русская поэзия и русская философия: здесь переключка более глубинная, поскольку основной массив русской философии литературоцентричен, если не по содержанию, то по форме. Совмещение ролей литературы и философии в России во многом обусловлено исторически – русская литература «золотого века» формируется под влиянием философских кружков, а философия – под влиянием литературы. Это общеизвестно, но в данном случае для нас важно отметить наличие содержательных работ, посвященных теме соотношения философии и поэзии. Поэзии как особому жанру русской философии была посвящена вышедшая в 2007 г. антология «Поэзия как жанр русской философии», составленная И.Н. Сиземской. И если принять утверждение составителя антологии, что для русской культурной ситуации было характерно сосуществование в одной личности художника-творца и философа-мыслителя, то вопрос о философском основании поэзии будет как минимум релевантен. Однако, я полагаю, аргументируя этот тезис, важно обратиться к персоналиям. В данном случае, в качестве персоны поэта-мыслителя был выбран Игорь Владимирович Юрков.

Обратиться к творчеству именно этого поэта-авангардиста меня заставила глубокая связь его судьбы с изменчивой исторической действительностью и его искренняя направленность на критическое осмысление этой действительности, что ярко отразилось в его творческо-мыслительной эволюции. Формально эта эволюция выражалась в переходе от неоклассической стилистики его поэтического творчества к авангардной (с использованием сюрреалистических образов, метрических нарушений, приемов «остранения» и «семантического сдвига»). Но при этом менялся и эпистемологический стиль осмысления окружающей его реальности, менялся и способ ее познания – поскольку (если

речь идет о знаково-символическом познании) при изменении символа меняется и объект осмысления, а вместе с ним – и соответствующий объекту стиль познания.

Именно этой своей неоднородностью мысли Юрков и интересен в данном случае, поскольку неоднородность его поэтического творчества является отображением того исторического времени, столь же неоднородного, сколь и он сам. Это время перехода от классического к неклассическому миру, время «подрыва» основных ценностных и эпистемологических констант, как в сфере искусства (авангардные течения), так и в сфере науки (физический релятивизм, открытие квантового мира). Достаточно отметить, что изменение привычной физической картины мира неизменно подпитывало авангардную практику, неочевидность пространства-времени повлияла на становление бахтинской теории хронотопа и на многие другие гуманитарные концепты. О глубоком погружении Юркова в окружающую его меняющуюся реальность пишет в автобиографии «От книги к книге» его друг и современник Н.Н. Ушаков: «Сейчас кажется – мы писали тогда коллективно, дополняя друг друга, воодушевленные единым стремлением – как можно полнее запечатлеть то, чем была насыщена атмосфера современности...» [11, с. 10].

Ориентация на познание современности и переработку ее в знаково-символическую форму была если не общим местом, то весьма распространенной программой. По аналогии с «Цехами» акмеистов Юрков и его «единомышленники» в 1923 г. создают литобъединение «Майна», оно же – АРП (Ассоциация революционных писателей). Склонность к аббревиатурам – вообще характерная черта любого советского объединения, будь то промышленный синдикат или художественный «цех». Указание на революционность, тем не менее, не является программным моментом в формировании эпистемологического стиля входящих в АРП поэтов. Непосредственный объект, например, у Юркова, здесь вполне еще в духе дореволюционного времени и является скорее артефактом классического нарратива – по крайней мере по способу «познания», т. е. поэтического переживания. Возьмем, например, стихотворение 1923 г. «Россия»:

О Русь моя! – не раненою птицей
На гиблом снеге мертвая жена,
Ты на лугах в скрипении риницы

Подсолнухом веселым рождена.
 В польный край лихого лукоморья,
 Под свист стрелы, под печенежский вой
 Не ты ль у византийского поморья
 Бродила полоненною княжной?
 Или не ты кликушей в бездорожье
 Испытывала темную судьбу,
 Не припадала к горькому подножью
 Лесному и равнинному Христу?

Здесь, конечно, отчетливо прослеживается переключкичка и с некрасовской «Русью», диалектически соединяющей в себе противоположности – убогость и обильность, забитость и всесильность, и с лермонтовской «немытой Россией», и с целым рядом других поэтических образов XVIII–XIX вв. Эта общая направленность диалогична, ориентация на классическую литературу в общем-то была признаком классического образования, и здесь Юрков нисколько не выходит за рамки своего времени (да это и невозможно). Но сам диалог ведется уже в совершенно иной исторической ситуации. И эта ситуация опредмечивается в его творчестве, что проявляется прежде всего в фиксации определенных «маркеров» времени. Юрков пишет далее: «Шагает нэповский Базаров / по обновленной мостовой». В саму ткань текста встраиваются современные поэту социальные «детали»: биржа, НЭП, красноармейцы.

Фактически они противопоставляются «классическому образу» Руси. Трехчастная композиция произведения выстроена по принципу познания-проживания трех времен: прошлой «традиционной Руси», обладающей особыми «культурными маркерами», нынешней нэповской и будущей, которую «любовь последняя покинет» и чей «канон – немилосердный молот». Юрков, воспитанный в рамках традиционных ценностей, чьи интенции по преимуществу направлены в русло классической культуры, как и многие интеллектуалы той поры, относился к революции если не абсолютно негативно, то, как минимум, неоднозначно. Крушение старого мира переживалось и осмысливалось им посредством исторических аналогий – войны с печенегами и татарами, отношением Руси с Византией. Историчность Юркова диалогична: она устанавливает, исследует тот временной разрыв, который связывает «разные» пласты культуры – «старую» и «новую» Русь – в единое целое, насколько это возможно, и приходит к неутешительному выводу – это новое по существу отрицает, «раскалывает» старое:

Свободой день, свободой век расколот,
 Замкни и нас в свой выкованный круг.

Конечно, Юрков здесь не оригинален как мыслитель, его противопоставления были достаточно стандартным откликом человека классической культуры на «неклассические» перемены. Но нам важна не его оригинальность, а его укорененность в русской философской традиции: ведь те же самые маркеры при описании России использовались и прежде, к примеру, В.С. Соловьевым и И.В. Киреевским. Сама мысль Юркова направлена на экзистенциальное переживание того «эпистемологического разрыва» действительности, который образовался в результате революционных и постреволюционных событий, когда сам способ познания резко мутировал: позитивное утверждение традиционной ценности трансформировалось в отрицание этого утверждения (согласно программе большевистского разрушения старого мира). Юрков очень точно подмечает это и в образе нэповского Базарова, шагающего по обновленной мостовой, и в «расколе века» (любопытна переключкичка с «веком-зверем» Мандельштама). Таким образом, эпистемологический стиль здесь оформляется как особого рода стилистика исторического познания, исторического осмысления меняющейся действительности.

В более поздних стихах Юркова доминирует та же экзистенциальная трагедия «эпистемологического разрыва». Так, в стихотворении «Чудесное превращение (Фуга-3)» поэт задает ряд вопросов, на которые тщетно пытается ответить: «Где человеческое тело? / Где человеческая мысль? / Где сознание, память, желание?... / Дух – быть может, этот ветер». В конце концов он приходит к неутешительной мысли об иллюзорности всех человеческих представлений, что опять-таки, видимо, является следствием утраты тех эпистемологических «очевидностей», которые были так характерны для «позитивной» дореволюционной России, где тело являлось вместилищем души, человеческая мысль явно связывалась с мозгом, или явно отрывалась от него: потеря редуцированных познавательных установок была потерей в том числе и установок ценностных: разрушен был не только политический строй, но и строй всех ранее «очевидных» истин и правил. И если большевистское движение изначально было порождением нигилизма («нэповский Базаров»), то неудивительно, что познавательная установка большевизма имела чисто негативные последствия для экзи-

стенциального переживания: субъект познания лишился своих собственных оснований, он уже рассматривался как ничто перед лицом мировой революции и исторической необходимости.

Как бы странно это ни звучало, ранняя смерть Юркова была по-своему логическим завершением его философской мысли: исчезновение субъекта из познания, растворение субъекта в мире, наподобие тютчевского имперсонализма, вообще свойственно творчеству (особенно позднему) поэта. Это было порождено именно тем «эпистемологическим нигилизмом», вернее фиксацией этого «эпистемологического нигилизма», в котором сам субъект познания становился ничем в сравнении с исторической необходимостью и экономическими отношениями. И это самоуничтожение субъекта ярко проявлялось в его поэзии, в эпистемологической стилистике его творчества. Оно обнаруживалось у Юркова в присущей ему особой форме знаково-символического познания окружающей исторической действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борн М. Состояние идей в физике // Физика в жизни моего поколения. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
3. Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В. Понятие «эпистемологический стиль» и его психологическое содержание // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 5. № 2. С. 57–66.
4. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. Киев: Collegium, 1994.
5. Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Петроград: Academia, 1922.
6. Попова В.С. Эпистемологический стиль: в поисках преемственности философской культуры (размышление над книгой) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 152–156.
7. Порус В.Н. Стиль научного мышления в когнитивно-методологическом, социологическом и психологическом аспектах // Познание в социальном контексте. М.: ИФ РАН, 1994.
8. Поэзия как жанр русской философии / Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФ РАН, 2007.
9. Пружинин Б.И. «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 64–74.
10. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии. Гельдерлин. Рильке. Трагль. М.: Водолей, 2017.
11. Хрыкин С.Е. Игорь Юрков. Полное собрание сохранившихся стихотворений и поэм. Чернигов: ЭСХА, 2010.
12. Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX–XX вв.: От личности к традиции / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2013.

REFERENCES

1. Born, M., 1963. Sostoyanie idey v fizike [The state of ideas in physics]. In : Born, M., 1963. Fizika v zhizni moego pokoleniya. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (in Russ.)
2. Il'in, I.P., 1996. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moskva: Intrada. (in Russ.)
3. Korzhova, E.Yu. and Rudykhina, O.V., 2013. Ponyatie «epistemologicheskii stil'» i ego psikhologicheskoe sodержание [The concept of «epistemological style» and its psychological content], Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, Vol. 5, no. 2, pp. 57–66. (in Russ.)
4. Losev, A.F., 1994. Problema khudozhestvennogo stilya [The problem of artistic style]. Kiev: Collegium. (in Russ.)
5. Peretts, V.N., 1922. Kratkiy ocherk metodologii istorii russkoy literatury [A short essay on the methodology of the history of Russian literature]. Petrograd: Academia. (in Russ.)
6. Popova, V.S., 2015. Epistemologicheskii stil': v poiskakh preemstvennosti filosofskoy kul'tury (razmyshlenie nad knigoy) [Epistemological style: in search of the continuity of philosophical culture (reflection on the book)], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 152–156. (in Russ.)
7. Porus, V.N., 1994. Stil' nauchnogo myshleniya v kognitivno-metodologicheskom, sotsiologicheskom i psikhologicheskom aspektakh [The style of scientific thinking in the cognitive-methodological, sociological and psychological aspects]. In: Poznanie v sotsial'nom kontekste. Moskva: IF RAN. (in Russ.)
8. Sizemskaya, I.N. ed., 2007. Poeziya kak zhanr russkoy filosofii [Poetry as a genre of Russian philosophy]. Moskva: IF RAN. (in Russ.)
9. Pruzhinin, B.I., 2011. «Stil' nauchnogo mishleniya» v otechestvennoy filosofii nauki [Style of scientific thinking in Russian philosophy of science], Voprosy filosofii, no. 6, pp. 64-74. (in Russ.)

10. Heidegger, M., 2017. O poetakh i poezii. Gel'derlin. Ril'ke. Trakl' [On poets and poetry. Hölderlin, Rilke, Trakl]. Moskva: Vodoley. (in Russ.)

11. Khrykin, S.E., 2010. Igor' Yurkov. Polnoe sobranie sokhranivshikhsya stikhotvoreniy i poem [Igor Yurkov. Complete collection of extant poetry]. Chernigov: ESKHA. (in Russ.)

12. Pruzhinin, B.I. and Shchedrina, T.G. eds., 2013. Epistemologicheski stil' v russkoi intellektual'noi kul'ture XIX-XX vv.: Ot lichnosti k traditsii [Epistemological style in Russian intellectual culture of 19th – 20th centuries: From personality to tradition]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

А.И. Вовненко*

О ФИЛОСОФАХ ПЕРЕУЛКОВ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОМАНЕ А.М. ПЯТИГОРСКОГО

Статья посвящена литературному труду одного из самых малоизученных отечественных философов XX в. – Александра Моисеевича Пятигорского. В данной работе роман «Философия одного переулка» анализируется как один из ключевых текстов в интеллектуальном творчестве А.М. Пятигорского. Рассмотрев историю создания произведения, его исторический и социальный контекст, а также идейно-тематическое содержание, художественные мотивы и концептуальные положения, автор определяет место «Философии одного переулка» в творческом наследии Пятигорского. На примере данного произведения раскрывается метод и мировоззренческая система философа.

Ключевые слова: Александр Пятигорский, обсервационная философия, русская мистическая философия, мышление, метафизика, литература, философская проза

Philosophers of small streets: reflections on the novel of Alexander Piatigorsky. ALEXANDER I. VOVNENKO (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to a literary work of Alexander Piatigorsky, one of the least studied Russian philosophers of the XXth century. The author focuses on «The philosophy of a small street» as one of the key texts in the philosophical heritage of Piatigorsky, considering the historical and social context of its creation, as well as its ideological and thematic content, artistic motives and conceptual provisions. The novel is seen as a window to the method and ideological system of the philosopher.

Keywords: Alexander Piatigorsky, observation philosophy, Russian mystical philosophy, consciousness, metaphysics, literature, philosophical prose

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения философа Александра Моисеевича Пятигорского (1929–2009). Одним из значимых направлений в его деятельности принято считать философскую прозу. Некоторые эксперты ставят его литературное творчество на первые позиции, считая прозу Пятигорского «редким случаем сплава философии и литературы, в котором они оказываются равно необходимыми», так, по крайней мере, написано в одном

из присланных нам приглашений на дискуссию, проходящую под девизом «Александр Пятигорский: романист и “сбежавший философ”».

Очевидно, что каждое действительно значимое произведение литературы содержит в себе сколько-нибудь серьезный мировоззренческий аспект или спровоцировано теми или иными идеями и концепциями. Однако последнее не означает, что каждого писателя следует оценивать как раскрывающего сложные темы философа.

* ВОВНЕНКО Александр Иванович, старший преподаватель Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: vovnenko.ai@dvfu.ru

© Вовненко А.И., 2019

Возможность использовать художественный текст как средство выражения философских идей достаточно привлекательна. Образность, широкая стилистическая и жанровая гамма, многогранность символов и кодов, различные формы повествования позволяют отразить философское содержание выразительно и экспрессивно. Кроме этого, по мнению Ф.Е. Ажимова, философия и литература используют общие механизмы самовыражения (стиль и метафора), а также содержательно пересекаются при решении метафизических проблем. А значит, философия может найти свое проявление в литературе [1, с. 62].

Принято считать, что в творчестве Пятигорского одно из ключевых мест занимает роман «Философия одного переулка». Почему? Представляется, что это произведение достаточно полно раскрывает не только важные идеи и концепции, но и сам философский метод Пятигорского. «Философия одного переулка» – это калейдоскоп сюжетов и микросюжетов, содержащий в себе примеры случаев мышления, выраженного в свободных беседах и разговорах. Действие разворачивается в довоенной Москве, в одном из ее переулков, в среде подростков, стремящихся познать (осознать и обсудить) окружающий их мир.

В то же время интеллектуальное наследие А.М. Пятигорского содержит ряд статей, посвященных философии и литературе, а также взаимодействию этих сфер. Работы были опубликованы в разное время, в том числе и тогда, когда Александр Моисеевич писал свой первый философский роман, замышляя второй – «Вспомнишь странного человека». Сочетание этих обстоятельств позволяет нам рассмотреть первый роман Пятигорского «Философия одного переулка» с различных позиций, в том числе и с точки зрения литературной критики, а также философии литературы и литературной философии (принципиально различных областей знания), используя при этом методологию самого автора.

Так, в статье «Философия и литературная критика», впервые опубликованной в материалах Второго Всемирного конгресса советских и восточноевропейских исследований в 1980 г., а затем напечатанной в различных журналах в 1990 и 1991 гг., Пятигорский весьма решительно отвергает возможность рассматривать литературный текст в качестве объекта философствования и считать литературную критику «субститутом философии» [4, с. 256].

Проводя ретроспективу этого вопроса, он отмечает в СССР большое количество диссертаций по философии, посвященных творчеству Герцена, Бердяева, Белинского и других авторов, которых он иронически называет «“философами” чисто домашней выпечки» [4, с. 259]. По всей видимости, такая оценка связана именно с их «литературностью», причина которой находится в стремлении к «непреодолимому субъективизму»: «В философской полемике к мыслителю обычно относятся как к персонажу повести или романа, а в литературной полемике не менее распространено отношение к вымышленному персонажу, как если бы он или она непременно были носителями абстрактной идеи» [4, с. 262]. Такой подход негативно сказывается не только на философии как таковой, но и на историософии, а значит, литературные тексты и для философов, и для критиков – «исторические пророчества и предсказания». Восприятие русской философии литературы как квинтэссенции истории А.М. Пятигорский считает методологическим барьером, ограничивающим мыслителя рамками собственного культурного самосознания и препятствующим постижению «определенного типа истории». А значит попытки объяснить исторические процессы сквозь призму русской литературы тщетны. Но ведь сам Пятигорский (судя по его роману) допускает возможность отображения исторического прошлого в художественном тексте с целью их – и прошлого, и текста – осмысления.

В свете вышесказанного вопрос о причинах обращения Александра Пятигорского к литературной форме (пусть даже к философскому роману) приобретает особое значение. Впрочем, роман как жанр у Пятигорского – это все же и не форма, и не содержание. Мы склоняемся к мысли, что это только «вывеска», за которой помещены и «платоновские диалоги», и публичные лекции (наверное, любимый жанр автора), и интервью. Такой прием предоставляет Пятигорскому авторскую свободу и в вопросах развития фабулы, и в «сценографии» действия, и, если угодно, в телеологии сюжета. Нам представляется, что для автора романа сюжет имеет вторичное или даже третичное значение. А действия (в традиционном понимании для этого жанра) в романе нет, отсутствие динамики сюжета автор компенсирует динамикой в сознании московских ребят, точнее сказать, подвижностью сознания, его постоянной работой.

Много лет спустя после выхода романа в одном из интервью Пятигорский отнесет «Фи-

лософию одного переулка» к числу «подростковых романов», ставя свою книгу в разряд сочинений Дж. Лондона, Р. Киплинга – бестселлеров юношеской литературы. И если классики захватывают внимание экзотикой, бурными приключениями, напряженным развитием сюжета, то для Пятигорского это интересно в меньшей степени. Он как «фанат» мышления предлагает нам следить за «динамикой» сознания молодых людей, а не за событиями жизни самих героев. А если таковые и происходят, то они опять же связаны с «потрясениями» мышления. Приключения персонажей романа – не есть основа его фабулы, но реакции, которые они спровоцировали в сознании подростков из 2-го Обыденского переулка, составляют идейный скелет и движущую силу романа.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое может служить для Пятигорского аргументом в пользу обращения к жанру романа, а для нас – объяснением этого решения. Автор считал свои философские романы «наибуднейшим жанром для экспозиции самосознания философа».

Понятия «роман самосознания» и «роман» были интерпретированы Александром Моисеевичем в статье «“Другой” и “Свое” как понятия литературной философии», опубликованной в 1992 г. (когда у Пятигорского было готово два романа) [4, с. 264–270]. В этой работе автор предлагает оценить «Исповедь» Жан-Жака Руссо именно как «роман самосознания», объясняя, что это «новая разновидность текста, фиксирующая объективацию автора (“меня”) в “другом”». В свою очередь, по Пятигорскому, роман – это фиксированная форма сознания, которая не может существовать без «Третьего», т. е. «того, кто не может стать тобой и, следовательно, “Другим”, ибо “Другой” уже был введен как объект твоего превращения в него или его в тебя» [4, с. 265]. Можно сказать, что именно по этим правилам и создан роман «Философия одного переулка», а значит он является «романом самосознания».

Дав роману название «Философия одного переулка», Пятигорский, скорее всего, подразумевал не философию как науку (подобную трактовку он сам всегда отрицал), не мировоззрение или выстроенную концепцию взглядов и позиций (в романе взгляды персонажей постоянно меняются, эволюционируют), а именно «стремление», «жажду» и даже «любовь» (φιλία) обитателей переулка к познанию и постижению окружающего мира, причем как мира

самого 2-го Обыденского переулка, так и мира за его пределами.

Как можно выразить философию в литературном дискурсе? Прежде всего, в монологах и диалогах героев, а также – в повествовании автора. Именно через общение персонажей Пятигорский наглядно показывает, как делается философия, как она происходит в сознании одного человека или группы людей, чем она спровоцирована и как она выражается в вербальной форме. Метод философской беседы исключительно важен как для Пятигорского-автора (и персонажа), так и для Пятигорского-философа. Он же является средством выражения и для его действующих лиц.

Словосочетание «действующие лица» (так сам Пятигорский называет своих героев в заголовке первой главы), более соответствующее драме, чем эпосу, скорее относящееся к театру, здесь тоже неслучайно. В «Философии одного переулка» действительно много театрального: монологи, диалоги, скудные, незначительные для сюжета комментарии автора скорее похожи на ремарки в пьесе, чем на продолжительные толстовские рассуждения или лирические отступления. Добавим, что для Пятигорского, по его же словам, философия была именно делом, если угодно – действием, актом, последовательностью шагов мышления и мышлением о мышлении (т. е. рефлексией). И тогда уже в этом философском спектакле действующими лицами становятся не люди-персонажи, а мысли и размышления.

Почему же сам автор определяет «Философию одного переулка» как «историю еще не оконченной жизни одного русского философа, рассказанную автором, а также некоторыми другими, более или менее русскими философами» [6, с. 21]?

Еще в 1978 г. в цикле «Философия в России: идеи и проблемы», который Пятигорский вел на «Радио Свобода», он отметил: «Философия в России с самого своего появления – то есть с того времени, когда возникает сам факт самостоятельного философствования и личность и имя философствующего, – была по своему типу теснейше связана с русской литературой, а по своему характеру теснейше связана с религией» [7, с. 276]. Уже в следующей беседе, вышедшей в эфир 1 апреля 1978 г., Александр Моисеевич уточнит свое высказывание, подчеркнув нетеологичность философии в нашей стране. По Пятигорскому, именно это обстоятельство обусловило ее связь с «мистическим опытом, с новым

русским старчеством и пустынноничеством» [7, с. 289]. Вероятно, именно это отношение к русской философии и философии в России отразилось на романе и его действующих лицах, которым Пятигорский, противореча собственным установкам о бессмысленности идентификации философии по локальному или национальному принципу, дает именно национальный маркер (русские философы).

Мотив мистицизма пронизывает весь роман, становясь лейтмотивом. И это дает повод для выстраивания цепи рассуждений. В одном из интервью Пятигорский назвал себя «антишколистом в философии» [8]. Очевидно, что подобное самоопределение, пожалуй, достаточно смелое (ибо невозможно представить, что нечто может вырасти из ничего), открывает широкий круг возможностей, освобождает философа от влияния тенденций, характерных для того или иного течения, выводит из системы категорий, исповедуемых приверженцами тех или иных школ. С другой стороны, это признание можно рассматривать и как попытку эпатажа академической среды. Веря в искренность этого заявления, попробуем разобрать его значение для всего интеллектуального наследия Александра Моисеевича.

Да, трудно представить, что выпускник философского факультета МГУ им. Ломоносова (воспитанный в духе марксизма), страстно увлеченный буддизмом, при этом работавший с Ю.М. Лотманом и Ю.Н. Рерихом и сотрудничавший с М.К. Мамардашвили и Д.Б. Зильберманом, может оставаться в методологическом поле одной концепции. Традиционные парадигмальные рамки не устраивали Александра Моисеевича, научные проблемы, над которыми он работал, требовали нового, своего подхода, а значит и своего инструментария. Таким образом, Пятигорский синтезировал в своем личном философском методе приемы разных философских течений: персонологию буддизма и феноменологию Э. Гуссерля, и рационализм Л. Витгенштейна, и мистицизм Г. Гурджиева.

Вот и в своем романе о «русских философах» Пятигорский прибегает к весьма оригинальному для того времени методу – к русской мистической традиции в философии. Примечательно, что незадолго до начала работы над романом, в первом номере журнала «Континент», вышедшем в 1974 г., Пятигорский (спустя несколько месяцев после выезда из СССР) публикует «Заметки о “метафизической ситуации”», где со свойственной ему экспрессивностью

размышляет о метафизике в России. Анализируя «метафизическую ситуацию», Пятигорский отмечает: «Последующее внешнее вытеснение православной религии в 20-х – 30-х годах, заступивший ее место официальный подъем православия в 40-х годах и, наконец, “религиозный либерализм” 50-х – начала 60-х годов имели одно наистраннейшее и совсем уж непредвиденное последствие (непредвиденное, потому что его некому было предвидеть): конкретно мыслящие люди стали обнаруживать на своем собственном мышлении, что всякое последовательное философствование неизбежно приводит именно к религиозной метафизике» [4, с. 112]. Таким образом, он смотрит извне не на философию в России, но именно на метафизическую ситуацию, сложившуюся здесь. В то же время в «Кратком философском словаре» под редакцией М. Розенталя (1954 г.) мы находим весьма яркое и категоричное суждение: «Метафизический метод служит теоретическим оружием защиты умирающего капитализма и борьбы против революционного движения масс, против социализма» [3, с. 344].

Первые мистики в русском православии – Сергей Радонежский и Нил Сорский – постигали Бога, отправившись в пустыню. А герои романа стремятся к познанию, читая книги, слыша и слушая разговоры старших (все же роман рассказывает о подростках), но дело не в этом. Пятигорский весьма неумело, наверное, без должного старания, монтирует в роман интересные эпизоды: встреча Саши с мужчинами на автомобиле, странный разговор героев с тремя людьми у входа в гостиницу «Москва», разговоры родителей главных героев – все это провоцирует мышление героев романа как мистические откровения, посланные им.

Мистическое начало наблюдается и в главной интриге романа: два главных героя – Саша (рассказчик) и Ника Ардатовский, живя в одном переулке, в одном дворе, никогда не виделись, имея при этом круг общих знакомых и друзей. Как объяснить тот факт, что в расцвет сталинской эпохи мальчик из московского двора покидает страну и оказывается в Париже в компании Георгия Ивановича (т. е. Гурджиева)? Побег Ники можно сравнить с уходом Сергея Радонежского в пустыню, с той лишь поправкой, что Ника бежит затем, чтобы обрести свободу и спасти себя, сохранив «выход внутри».

Одним из проявлений мистицизма в романе стали высказывания старших действующих лиц. Услышанные случайно, проще говоря,

подслушанные ребятами из 2-го Обыденского фразы воспринимаются ими как загадочные и таинственные откровения, смысл которых неясен, но чрезвычайно важен. Ребята чувствуют, догадываются, что поиск значения этих фраз сулит им огромную радость, радость познания. В этом аспекте роман можно представить еще и как остросюжетный интеллектуальный детектив (впрочем, Пятигорский назвал бы его «детективом мышления»), в котором главные герои обретают счастье в поисках смысла. А называя в одном из выступлений своих «действующих лиц» (речь, конечно, о подростках в романе) «жалкими чемпионами растраты мыслей», Пятигорский четко определяет тщетность и, возможно, несостоятельность подобных поисков, но для него удовольствие может доставлять не только результат, но сам и процесс.

При этом большинство рассуждений главных героев романа протекает именно в метафизическом ключе, несмотря на то, что они живут в эпоху, когда метафизика, мягко говоря, не в почете. Это наблюдение дает нам возможность утверждать, что Пятигорский не только не отрицает метафизику, но и работает в ее поле. Более того, признавая себя «антишколистом», он не разрывает связь между собой как русским философом (т. е. мыслящем на русском языке и в том числе о России) и русской философией.

А учитывая то, что роман позволяет философу больше, чем научный трактат (хотя, справедливости ради, трудно представить, что Пятигорского вообще что-то может ограничивать), он еще и иронизирует, разумеется, устами своих героев, на тему отношения в СССР к метафизике и мистицизму: «Оттого взрослые – если у них нет свидания, концерта или ночной работы – идут в клуб на лекцию “Религия – пережиток темного прошлого”. Что совершенно правильно, ибо зачатие и внутриутробный период – темное прошлое каждого человека, и это и есть область религии» [6, с. 52].

Анализируя роман «Философия одного переулка», необходимо представить галерею образов, созданную Пятигорским. В начале романа автор предупреждает своих читателей, что все описанные «лица, имена, фамилии и биографические данные – абсолютно реальны» [6, с. 23]. В одном из интервью, говоря о достоверности и реальности происходящих событий, а, следовательно, персонажей, автор апеллирует не к точной истории или фактам, а к сознанию. По мнению Пятигорского, точным и реальным является то, что сохранилось в сознании, в то

же время ручаться за реальность этого «реального», закрепленного в сознании, не стоит, так как только сознание способно выбирать, что сохранять, а что нет [6, с. 190].

Пятигорский представляет нам два полюса: дети и взрослые. Например, Роберт, Геня и Андрей – все они движимы идеей «разобрать», проанализировать протекающие вокруг них процессы; их жизненную неопытность компенсирует детский азарт. В определенный момент каждый из них играет важную роль, но для Саши Пятигорского всегда был интересен Ника Ардатовский.

Главный персонаж романа – Ника Ардатовский, юный житель переулка. Все обитатели 2-го Обыденского знают, что он «очень талантливый ребенок, почти гениальный». Саша Пятигорский все детство провел, желая увидеть Нику, познакомиться с ним, но встреча стала возможной лишь после переезда в Лондон, когда и Ника, и Саша уже выросли.

Ардатовский в романе – не просто реальное лицо из жизни персонажей и автора, судя по всему, он получил очень много дополнительных качеств и черт (сознание ведь выборочно). Для Саши Ардатовский – и соратник, и соперник, и советчик, и антагонист, и судья. Эти метаморфозы в сознании Пятигорского и можно назвать главным поводом и пружиной действия в романе. При этом следует удержаться от параллелей в духе Фрейда.

Говоря о взаимоотношениях сначала Ники и Саши, а затем Николая Ардатовского и Александра Пятигорского (и в первом, и во втором случае следует подразумевать и реальных лиц, и персонажей), важно понимать, что для последнего Ардатовский – в известной степени alter ego. Ардатовский в романе – персонаж с мистическим галло. Он вне общеустоявшихся схем и тенденций и двора в Москве, и кафе в Париже. Он стремится «выйти» (об этом далее) и наблюдать, как это сделал автор романа, уехав из СССР, прежде чем сесть за работу над романом.

Таким образом, используя концепцию Пятигорского «Другой – Свой», можно предположить, что в романе Александр Пятигорский-философ объективирует себя в Саше Пятигорском-персонаже, и последний является Другим, а персонаж Ника Ардатовский – «Другой другой», т. е. «то, чем (кем) ты не можешь стать ни при каких условиях, и что (кто) не может стать тобой и, следовательно, и “другим”, ибо “другой” уже был введен как объект твоего превращения в него или его в тебя» [4, с. 265].

Последнее имеет множество подтверждений, например, фраза дедушки о Нике, завершающая пятую главу романа: «А не все ли равно – их ли, вашим ли, Роберта, Гарика? Он не должен стать своим ни для кого. Понятно?» [6, с. 65].

Судя по тексту, Ардаатовский не стал своим ни для кого, оставшись Другим другим, иначе говоря, Третьим. В завершающей главе романа Николай, ссылаясь на Гурджиева, говорит следующее: «Поэтому ни один из них не может говорить о себе объединительное – «мы». Он всегда только – “я”, и другие знающие для него всегда – “они”, а не “мы”. Отождествление себя с другим так же убивает потенцию знания, как и идиотские попытки самоотжествления» [6, с. 184].

Продолжая осмысливать мистическую линию романа и его действующих лиц, обратим внимание на второстепенных персонажей. Пятигорский не стремится тщательно описать их внешность, он создает их образы с помощью диалогов и прямой речи. Один из самых ярких действующих лиц – дедушка Ники Ардаатовского, Тимофей Алексеевич. Этот персонаж является важным звеном в цепи «мистических откровений» романа, раскрывает метафизическую суть протекающих процессов как в судьбах персонажей, так и во всей стране. Кроме этого, дедушка (а именно так называет его автор, что не случайно) связывает «юных философов» с мыслителями старой школы. Благодаря дедушке в романе появляются два его приятеля – выдающиеся философы Василий Васильевич (Розанов) и Георгий Иванович (Гурджиев). Первый – в воспоминаниях, второй – как действующее лицо романа. Обоих можно назвать камертонами романа: во многом по ним отстроено его мистико-метафизическое звучание.

Отдельно следует сказать о топографии романа и его хронотопе. Пятигорский весьма конкретно обозначает их: Москва, улица Остоженка и ее переулки; Париж, Лондон. Слово «переулок» здесь играет несколько ролей. Во-первых, это конкретное место действия романа. Во-вторых, понятие «переулок» здесь нам представляется пространством философии, некоторым географически точно указанным местом, в котором живут философы (думающие и размышляющие люди). Место, где они живут (читай: философствуют) – это «переулок», нечто, что находится «между» (вне) больших улиц, потоков людей, идей, воззрений, то, что пересекается с другими. В уже упомянутых выступлениях на «Радио Свобода» Пятигорский (еще до начала своей работы над романом) определяет,

что философия «может спонтанно возникнуть в точках, где субъективное мышление философа пересекается с объективным фактом сознания» [7, с. 288].

Более двадцати лет спустя после выхода романа в послесловии к книге «Мышление и наблюдение», которое так и озаглавлено «О месте, из которого я думаю», он усилит метафору о пересечении мышления, расширив «точку» до масштабов «пространства», в котором находится определенная конфигурация объектов мышления. «Только тогда, когда это думание уже общается – и ни на мгновение позже – я вижу место, из которого я думаю, не как абстрактное «пространство» заполнения объектами, о котором говорилось вначале, не как мыслимый топос мышления, а как конкретный locus – место, которое мышление оставляет, чтобы быть сообщенным, переданным» [5, с. 162].

При этом предлог «из» подчеркивает не только активность мышления философа, но и его направленность, т. е. экстенсивность. Здесь Пятигорский, являясь в определенной степени последовательным сторонником Э. Гуссерля, определяет интенциональность как стремление мышления «вовне»: к другому мышлению, рефлексии или к коммуникации.

Строго говоря, Пятигорский утверждает, что мысль не имеет точного места в начале, когда ты начинаешь мыслить, но обнаруживает его потом: «Это сама мысль в ее абсолютной таковости пост-детерминирует («после-определяет») место (ситуацию, и так далее), из которого она мыслится» [5, с. 164]. В этой связи «переулок» может быть тем местом, где мысль начала свое «движение», где она «зародилась», а потом обозначила его как то самое место.

Последняя гипотеза обретает смысл, если вспомнить о том, что в свое время «юные философы» покидают переулок, обретая иные «места» и «переулки» для размышлений.

Пятигорский выстраивает в романе экспозицию своих философских идей. Одна из главных связана с местом философа в окружающем его мире. Во-первых, все пространство вокруг философа – это контекст его мышления, его философствования, при этом оно (пространство) может влиять на думающего и на его философствование, а может и не влиять. Последнее возможно благодаря тому, что философ, по Пятигорскому, – наблюдатель.

Что он наблюдает? Он следит за мышлением – своим и чужим, за тем, как оно «работает», как оно протекает. В «Мышлении и наблю-

дени» Пятигорский вводит термин «случай мышления». Можно предположить, что окружающее философа пространство – это случай/случаи мышления.

В этом наблюдении, по Пятигорскому, философ должен пройти как минимум две стадии – наблюдатель внутренний и наблюдатель внешний. Ника Ардатовский наблюдал случай мышления Москвы из «переулка», потом наблюдал случай мышления в Париже и из Парижа. В тексте романа читаем: «...Дедушка не потому “отослал” Нику, что у того не осталось бы времени на спасение живой души, а потому, что он просто знал, что Нике “подошел срок” исчезнуть из Москвы, и уже совсем не осталось времени на духовную работу, так сказать» [6, с. 68]. Сознательно или нет, но Ника-персонаж (в книге находясь в прошлом) следует примеру Пятигорского-автора, который покидает страну для «духовной работы».

В философии есть традиционный круг вопросов: что первично – материя или сознание; познаваем ли мир; что такое истина и др. К этому списку, на наш взгляд, следует добавить вопрос о том, кто имеет право считать себя философом. Ответ на него герои романа продолжают искать в течение нескольких лет: «Двор – это первоначальная ячейка московского общества двадцатых, тридцатых и даже сороковых годов. До двадцатых годов дворов, в таком именно социальном качестве, не было, и скоро их снова не будет. Были дворы художников, дворы графоманов, дворы насильников и хулиганов. Твой двор был – философский, что, конечно, никак не означало, что ваши ребята были – или потом стали – философами. Но у некоторых из них (из нас?) была одаренность отвлечения от своей (и чужой) жизни, впрочем, часто свойственная детям вообще. Потом эта одаренность обычно уменьшается, оставаясь только у прирожденных философов, то есть у тех, кто, даже проклиная эту свою способность, все равно ничего не может с ней поделаться» [6, с. 104]. Таким образом, Пятигорский дает ответ: философом может считать себя тот, кто стремится размышлять над различными случаями мышления, как своими (частными), так и чужими (общими и частными).

В романе Пятигорский помещает еще одно объяснение «философской ситуации» во 2-м Обыденском переулке: «Но тут внезапно опять возникший Андрей “перехватил мяч” и сообщил нам, что в истории есть периоды, когда религия, “чтобы сохраниться в условиях аб-

солютного господства атеистического режима, должна преобразовываться в философию”. Геня решительно возразил, что мы сами – а не религия – вынуждены философствовать, чтобы сохраниться в этих условиях, хотя бы внутренне» [6, с. 104]. Можно сказать так: для Пятигорского и обитателей переулка философия стала средством защиты, возможностью отрешения от окружающего мира. Но отрешение состояло не в том, чтобы «уйти» и забыть, а в том, чтобы «выйти» и наблюдать. Нам представляется, что последняя цитата не только объясняет мотивацию Пятигорского к занятию философией, но и проливает свет на один феномен.

Дело в том, что в историю уже вошли, получив свое название и оценку, участники нового витка бурного и стремительного развития искусства и литературы – шестидесятники. Но сегодня обыватель забывает о том, что 1960-е гг. в СССР связаны не только с именами А. Вознесенского, Р. Рождественского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной, Э. Неизвестного, М. Хуциева, Э. Климова, А. Каретникова. Этот всплеск можно сравнить с подъемом искусства в 1860-е гг. и, конечно, он не мог не затронуть философию. В этом же ряду – появление в Советском Союзе плеяды блистательных философов – М.К. Мамардашвили, Ю.А. Левады, Г.П. Щедровицкого, Э.В. Ильенкова, Б.А. Грушина, А.А. Зиновьева и, разумеется, А.М. Пятигорского.

О первой художественной и самой очевидной составляющей части этого явления мы говорить не будем, скажем только, что процессы в советском искусстве хоть и подвергались серьезному давлению государства, но не были оторваны от русской и европейской традиции, в то время как развитие философской мысли в стране было даже на некоторое время официально прекращено. Без малого десять лет старейший философский факультет страны был закрыт.

После открытия философского факультета Московского университета в него поступили М.К. Мамардашвили, Ю.Ф. Корякин, Ю.А. Левада, Г.П. Щедровицкий, А.М. Пятигорский и Б.А. Грушин. Они создали «новую» философию страны. В этой связи с определенной долей вероятности можно утверждать, что роман «Философия одного переулка» – не только автобиография Пятигорского, в которой он рассказывает о друзьях детства и юности, но и попытка объяснить природу и генезис вспышки философской мысли в 1960-е гг. в СССР.

В своем произведении А. Пятигорский стремится объяснить атмосферу довоенного времени

в Советском Союзе, политическую обстановку, настроения людей как проявления мышления. Значительно позже, вспоминая об этом времени, он в свойственной ему экспрессивной манере скажет: «Только полные исторические идиоты не понимают, что страшный сталинский террор был возможен, потому что в каком-то смысле, пусть в переносном (это нуждается в расшифровке), эти люди были готовы быть убитыми и в каком-то смысле хотели этого» [2].

Можно предположить, что эта фраза, сказанная в начале 2000-х гг., является ключом к роману, законченному в конце 1980-х гг. Пример Ники Ардатовского для автора романа важен. Он иллюстрирует возможность физического спасения с помощью собственного мышления: «выхода», освобождения, отстранения для наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е. Метафизические проблемы взаимоотношений философии и литературы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 56–62.
2. «Александр Пятигорский. Чистый воздух твоей свободы» (Реж. В. Балаян) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TNy2Aav0ROs>
3. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Госполитиздат, 1954.
4. Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2005.
5. Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по наблюдательной философии. Рига: Liepnieks & Ritups, 2002.
6. Пятигорский А.М. Философская проза. Т. I: Философия одного переулка. Роман. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
7. Пятигорский А.М. Свободный философ Пятигорский: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.

8. Философ Александр Пятигорский – «Известиям»: «Я не доверяю коллективной любви и ненависти» // Известия. 2009. 27 октября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/354681>

REFERENCES

1. Azhimov, F.E., 2010. *Metafizicheskie problemy vzaimootnoshenii filosofii i literatury* [The metaphysical matters of mutual relations between philosophy and literature], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 56–62. (in Russ.)
2. «Aleksandr Pyatigorskii. Chisty i vozdukh tvoei svobody» (Rezh. V. Balayan) [Alexander Piatigorsky. Clean air of your freedom] (Directed by V. Balayan). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TNy2Aav0ROs> (in Russ.)
3. Rozental', M. and Yudin, P. eds., 1954. *Kratkii filosofskii slovar* [Short philosophical dictionary]. Moskva: Gospolitizdat. (in Russ.)
4. Piatigorsky, A.M., 2005. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.)
5. Piatigorsky, A.M., 2002. *Myshlenie i nablyudenie. Chetyre lektzii po observatsionnoi filosofii* [Thinking and observation. Four lectures on observational philosophy]. Riga: Liepnieks & Ritups. (in Russ.)
6. Piatigorsky, A.M., 2011. *Filosofskaya proza. T. I: Filosofiya odnogo pereulka* [Philosophical prose. Vol. I: The philosophy of a small street. A novel]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
7. Piatigorsky, A.M., 2015. *Svobodnyi filosof Pyatigorskii* [An independent philosopher Piatigorsky]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. (in Russ.)
8. *Filosof Aleksandr Pyatigorskii – «Izvestiyam»: «Ya ne doveryayu kollektivnoi lyubvi i nenavisti»* [Philosopher Alexander Piatigorsky to «Izvestiya»: I do not trust collective love and hate]. URL: <http://izvestia.ru/news/354681> (in Russ.)